

СДЕЛАЙ ЭТО

КОРА КАРМАК

Девственность.

Блисс Эдвардс собирается закончить колледж и все еще имеет ее. Недовольная от того, что она единственная девственница среди друзей, она решает, что лучший способ решить проблему это потерять девственность максимально быстро и просто — переспать с кем-то один раз. Но ее план, оказывается, совсем не так просто выполнить. Она разволновалась и оставила великолепного парня одного и голого в ее постели с глупым оправданием.

Но все становится более смущающим, когда она приходит на первое занятие ее последнего семестра в колледже. Она узнает своего нового театрального преподавателя. Она оставила его голым в своей постели приблизительно 8 часов назад.

- [Сделай это](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [Эпилог](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Сделай это
Кора Кармак

Я глубоко вдохнула.

Ты потрясающая. Я не очень в это поверила, поэтому подумала так еще раз. *Потрясающая.*

Ты такая потрясающая.

Если бы мама слышала мои мысли, она бы сказала, что мне надо быть скромнее, но скромность никуда меня не привела.

Блисс Эдвардс, ты — безумная проблема.

Итак, как я, в конечном итоге, в двадцать два года оказалась единственной из всех, кого знаю, кто никогда не занимался сексом? После просмотра «Спасенных звонком» и «Сплетницы» для девушки стало неслыханным заканчивать колледж с Д-картой все еще на руках. И теперь я стояла в своей комнате, сожалея о том, что набралась смелости признаться в этом своей подруге Келси. Она отреагировала так, словно я только что сказала ей, что прятала хвост под своей А-образной юбкой. И еще до того, как её челюсть окончательно отвисла, я поняла, что это была ужасная идея.

— СЕРЬЕЗНО?! Это из-за Иисуса? Ты, типа, хранишь себя для него?

Для Келси секс, кажется, был проще. У нее тело Барби и сексуально-озабоченный мозг мальчика-подростка.

— Нет, Келси, — сказала я. — Было бы немного трудно сохранить себя для кого-то, кто умер около двух тысяч лет назад.

Келси стянула свою рубашку и бросила её на пол. Должно быть, я сморщилась, потому что она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Расслабься, Принцесса Непорочность, я всего лишь переодеваю рубашку.

Она вошла в мою гардеробную и начала перебирать одежду.

— Зачем?

— За тем, Блисс, что мы идем искать кого-нибудь, кто бы тебя трахнул.

Сказав «трахнул», она покрутила языком, что напомнило мне о тех поздних ночных рекламных телефонных звонках для взрослых.

— Господи, Келси.

Она вытащила рубашку, которая плотно облегалась моей фигуре и смотрелась бы крайне возмутительно на её формах.

— Что? Ты сказала, что это не из-за него.

Я сдержалась, чтобы не хлопнуть себя ладонью по лбу.

— Так и есть, я не думаю... То есть, я хожу в церковь иногда и все такое. Я просто... Не знаю. Я никогда этим не интересовалась.

Она замерла, наполовину надев рубашку.

— Никогда не интересовалась? Парнями? Ты — лесбиянка?

Однажды я подслушала, как мама, которая не могла понять, почему я заканчиваю колледж все еще без кольца на пальце, задает тот же вопрос папе.

— Нет, Келси, я не лесби, так что продолжай одеваться. Нет нужды нападать на меня со своим сексуальным мечом.

— Если ты не лесби, и это не касается Иисуса, тогда дело в поиске подходящего парня или, следует сказать, ... подходящего сексуального меча.

Я закатила глаза.

— Вот как? И это все? Найти подходящего парня? Почему мне никто не сказал этого

раньше?

Она собрала свои светлые волосы в высокий конский хвост, благодаря которому на её грудь обращали еще больше внимания.

— Я не имею в виду, подходящего для женитьбы парня, дорогая. Я подразумеваю правильного парня, который заставит твою кровь кипеть. Заставит тебя отключить твой аналитический, рассудительный, гиперактивный мозг и думать телом.

— Тела не могут думать.

— Вот видишь! — сказала она. — Аналитический. Рассудительный.

— Прекрасно! Прекрасно. Какой бар сегодня?

— «Стамбл Инн», естественно.

Я застонала.

— Шикарно.

— Что? — Келси посмотрела на меня, будто я упускала ответ на действительно очевидный вопрос. — Это хороший бар. Что ещё важнее, это бар, который нравится парням. А так как нам нравятся парни, то этот бар нам тоже нравится.

Могло быть хуже. Она могла бы потащить меня в клуб.

— Ладно. Пошли, — я встала и направилась к ширме, отделявшей мою спальню от остальных частей квартиры.

— Эй! Эй, — она схватила меня за локоть и потащила назад так сильно, что я упала на кровать. — Ты не можешь пойти в таком виде.

Я посмотрела на свой наряд: цветочная А-образная юбка и простой топ, который прилично открывал декольте. Я выглядела мило. Я точно смогла бы в этом подцепить парня... наверное.

— Не вижу, в чём проблема, — сказала я.

Она закатила глаза, и я почувствовала себя ребёнком. Я ненавидела это чувство, и почти всегда так происходило, когда речь заходила о сексе.

— Дорогая, прямо сейчас ты выглядишь как чья-то прелестная младшая сестренка. Ни один парень не захочет трахнуть свою младшую сестру. А если захочет, то тебе не захочется находиться рядом с ним.

Да, я определённо чувствовала себя ребёнком.

— Принято к сведению.

— Хмм... звучит так, словно ты тренируешься выключать свой гиперактивный мозг. Хорошая работа. Теперь встань сюда и позволь мне поколдовать.

А под магией она подразумевала пытки.

После того, как я отвергла три рубашки, в которых чувствовала себя шлюхой, несколько брюк, которые больше походили на леггинсы, и настолько короткую юбку, что малейшее дуновение ветерка угрожало показать миру мою задницу, мы остановились на обтягивающих джинсовых капри и кружевном черном топе, который контрастировал с моей бледной белой кожей.

— Ноги побрила?

Я кивнула.

— А другие... места... побрила?

— Насколько это возможно, да, а теперь пошли.

На этом я подвела черту этого разговора. Она улыбнулась, но не спорила.

— Прекрасно, прекрасно. Презервативы?

— В сумочке.

— Мозг?

— Выключен. Ну, или... приглушен, во всяком случае.

— Отлично. Думаю, мы готовы.

Я не была готова. Вообще.

Именно поэтому у меня до сих пор не было секса, и теперь я понимала, почему. Я была помешана на контроле. По этой причине всю свою жизнь я хорошо справлялась в школе. Стала отличным постановщиком: никто не мог проводить репетиции, как я. И когда я собирала все свое мужество для выступления, то всегда оказывалась более подготовленной, нежели остальные актеры в классе. Но секс... Это совершенно противоположно контролю. Это эмоции, и влечение, и необходимо привлечь еще одного ужасного человека. Веселье не в моем стиле.

— Ты слишком много думаешь, — сказала Келси.

— Лучше, чем вообще не думать.

— Только не сегодня вечером, — сказала она.

Как только мы добрались до машины, я прибавила громкость на айпоне Келси, чтобы можно было спокойно подумать.

Я могла это сделать. Это всего лишь проблема, которую необходимо решить, лишь пункт, который нужно вычеркнуть из своего списка дел.

Это было так просто.

Просто.

Не надо ничего усложнять.

Несколькими минутами позже мы остановились около бара, и ночь ощущалась какой угодно, только не простой. Мои брюки были слишком туго, мой топ — со слишком большим вырезом, а мой разум был слишком затуманен. Меня тошнило.

Я не хотела быть девственницей. Вот что я знала точно. Я не хотела чувствовать себя незрелой скромницей, которая ничего не знала о сексе. Я ненавидела незнание. Проблема была в том, что... насколько сильно я не хотела быть девственницей, настолько я также не хотела заниматься сексом.

Загадка всех загадок. Почему это не могло быть из разряда «квадрат — это прямоугольник, но прямоугольник не всегда квадрат»?

Келси стояла возле моей дверцы, её туфли на высоком каблуке стучали в такт с её пальцами, пока она ждала моего выхода из машины. Я расправила плечи, поправила волосы (без особого энтузиазма) и последовала за Келси в бар.

Кратчайшим путём я добралась до бара, уселась на стул и помахала бармену.

Он был одним из возможных кандидатов. Светлые волосы, среднее телосложение, симпатичное лицо. Ничего особенного, но определенно «не исключено». Он бы подошел для чего-то простого.

— Что я могу вам предложить, дамы?

Южный акцент. Определенно доморощенный тип. Келси вмешалась:

— Нам нужно две стопки текилы для начала.

— Сделайте четыре, — прохрипела я.

Он присвистнул, и его глаза встретились с моими.

— Что за ночка, а?

Я не была готова выразить словами, что это была за ночь. Так что просто ответила:

— Мне нужно немного храбрости в жидком виде.

— И я буду рад помочь.

Он подмигнул мне и был уже далеко, когда Келси подпрыгнула на месте.

— Это он! Это он!

Ее слова заставили меня почувствовать себя на американских гонках: будто весь мир рухнул, а все мои внутренности играли в догонялки. Мне просто требовалось немного времени,

чтобы настроиться. Вот именно. Я схватила Келси за плечо, чтобы та успокоилась.

— Остынь, Келс. Ты как чокнутая Чихуахуа.

— Что? Он — отличный выбор. Милый. Симпатичный. И я точно видела, что он смотрел на твой вырез... ДВАЖДЫ.

Она не ошибалась. Но я все еще не была настолько заинтересована в том, чтобы переспать с ним, что, полагаю, не вычеркивало его из игры. Но мне определенно было бы чертовски проще, если бы я действительно им заинтересовалась.

— Я не уверена... Просто нет никакой искры, — я предвидела закатывание глаз, поэтому быстро добавила: — Пока что!

Когда мальчик-бармен вернулся с нашими напитками, Келси расплачивалась, и она не успела отдать свою карточку, как я взяла свои две стопки. Он задержался на секунду, улыбаясь мне, прежде чем направиться к другому клиенту. Я стащила одну из оставшихся стопок у Келси.

— Тебе повезло, Блосс, что это великая ночь для тебя. Обычно никто не встает между мной и моей текилой.

Я протянула руку и сказала:

— Что ж, никто не встанет между этих ног, пока я хорошенько не напьюсь, так что давай мне последнюю.

Келси потрясла головой, но улыбнулась. Через несколько секунд она сдалась, и с четырьмя порциями текилы в организме перспектива секса показалась мне менее пугающей.

Подошел другой бармен, на это раз девушка, и я заказала Джек с колой, чтобы медленно попивать что-нибудь, пока буду со всем этим разбираться.

Мальчик-бармен не освободится раньше двух часов ночи. Я уже была на нервах, так что если это все затянется до утра, то я совершенно точно сойду с ума. Могу себе представить... В смиренной рубашке благодаря сексу.

Еще был парень, стоявший напротив меня, который сокращал дистанцию между нами с каждым выпитым мною напитком, но ему было, по меньшей мере, лет сорок. Нет, спасибо.

Я сделала еще один глоток, благодарная бармену, который не поскупился на Джек, и оглядела бар.

— Как насчет него? — спросила Келси, указывая на парня за соседним столиком.

— Слишком опрятный.

— Этот?

— Слишком хипстер.

— Вон там?

— Фу. Слишком волосатый.

Список продолжался до тех пор, пока я не убедилась, что эта ночь оказалась провалом. Келси предложила пойти в другой бар, но это было последним, что мне хотелось сделать. Я сказала ей, что мне нужно в туалет, и понадеялась, что, пока меня не будет, кто-нибудь привлечет ее внимание, так что я смогла бы улизнуть без сцен. Туалет находился позади, за бассейном и площадкой для дартса, после зоны с маленькими круглыми столиками.

Вот тогда я и увидела его.

Ну, формально сперва я заметила книгу. И просто не смогла промолчать.

— Если это задумывалось, как способ цеплять девчонок, я бы предложила переместиться в зону с большим движением.

Он оторвался от чтения, и внезапно мне стало трудно глотать. Он был самым привлекательным парнем, которого я сегодня видела: светлые волосы, спадающие на кристально-голубые глаза, достаточно щетины на подбородке, чтобы придать ему мужественности и при этом не сделать его слишком волосатым, и лицо, которое могло бы

заставить ангелов петь. Меня оно петь не заставило. Я просто глазела на него с глупым видом. И почему я остановилась? Почему я всегда должна выставлять себя идиоткой?

— Прости?

Мой разум все еще переваривал его идеальные волосы и ярко-голубые глаза, так что мне потребовалась секунда, чтобы ответить:

— Шекспир. Никто не читает Шекспира в баре, если только это не уловка, чтобы кадрить девчонок. Я просто хочу сказать, что тебе, возможно, больше повезёт в той половине.

Достаточно долго он ничего не отвечал, но затем его губы расплылись в улыбке, обнажающей, как вы уже поняли, идеальные зубы!

— Это не уловка, а если и так, то мне кажется, мне уже сопутствует удача здесь.

Акцент. У НЕГО БЫЛ БРИТАНСКИЙ АКЦЕНТ. Боже, я умираю.

Дышать. Мне нужно дышать.

Не упусти его, Блосс.

Он опустил книгу, но не раньше, чем отметил место, где остановился. Боже мой, он, и правда, читал в баре Шекспира.

— То есть, ты не пытаешься подцепить девушку?

— Нет, я не пытался.

Мой аналитический ум не упустил того, что он использовал прошедшее время. Будто... до этого он не пытался никого соблазнить, а теперь, возможно, это и делает.

Я еще раз взглянула на него. Сейчас он улыбался: белые зубы, щетина на подбородке, которая делала его прямо-таки восхитительным. М-да, меня определенно соблазняли. И этой единственной мысли было достаточно, чтобы повергнуть меня в шок.

— Как тебя зовут, милая?

Милая? МИЛАЯ! Умираю прямо тут.

— Блосс ^[1] .

— Это твоя черта?

Я покраснела:

— Нет, это мое имя.

— Очаровательное имя для очаровательной девушки.

Тембр его голоса был таким низким, что заставил все внутри меня сжаться: будто моя матка счастливо отплясывала прямо на остальных моих органах. Господи, я умирала самой длинной, самой мучительной и возбуждающей смертью за всю историю мира. Неужели при возбуждении всегда так? Не удивительно, что секс заставляет людей идти на безумства.

— Что ж, Блосс, я новенький в этом городе и уже успел захлопнуть свою дверь, оставив ключи в квартире. И как ни странно, сейчас я жду слесаря, поэтому и решил провести свободное время с пользой.

— Освежая в памяти Шекспира?

— Пытаясь, во всяком случае. Честно говоря, я никогда особо не любил этого парня, но сохраним это в секрете между нами, хорошо?

Я была почти уверена, что мои щеки все еще пылали, если жар, исходивший от них, был как-то заметен. На самом деле, все мое тело словно горело. Я не была уверена, было ли это от стыда или так на меня действовал его акцент, который чуть не заставил меня вспыхнуть прямо перед ним.

— Ты выглядишь разочарованно, Блосс. Ты любишь Шекспира?

Я кивнула, потому что мое горло, должно быть, сдавило.

Он поморщился в ответ, а мои руки так и чесались от желания прикоснуться к линии его носа, спускаясь ниже к губам.

Я сходила с ума. В самом деле, становилась абсолютно невменяемой.

— Только не говори, что ты — поклонница «Ромео и Джульетты»?

Ну вот. Тут я могла поспорить.

— Вообще-то, «Отелло». Моя любимая книга.

— О! Честная Дездемона. Преданная и Непорочная.

На слове «непорочная» мое сердце замерло.

— Я, э-э, — я попыталась собрать воедино свои мысли. — Мне нравится сочетание разума и страсти.

— Я и сам являюсь поклонником страсти, — он перевёл взгляд вниз и пробежался глазами по моему телу. Мой позвоночник покалывало, казалось, будто он может вылезти из моей кожи.

— Ты не спросила моего имени, — сказал он.

Я откашлялась. Соблазнительно это не выглядело. Я была такой же общительной, как и пещерный человек.

— И как тебя зовут? — спросила я.

Он наклонил голову, и его волосы почти закрыли глаза.

— Присаживайся ко мне, и я расскажу тебе.

Я не думала ни о чем, кроме того, что мои ноги были как желе, и сидение на стуле помешало бы мне сделать что-то неловкое, вроде падения в обморок от переизбытка гормонов, которых, определённо, было много в моём мозгу. Я опустилась на стул, но вместо облегчения почувствовала еще больше нараставшее напряжение.

Он говорил, а мои глаза были прикованы к его губам:

— Меня зовут Гаррик.

Кто бы мог подумать, что имена тоже могут быть такими возбуждающими?

— Рада знакомству, Гаррик.

Он подвинулся вперед, опираясь на локти, и я заметила его широкие плечи и то, как напряглись его мышцы под рубашкой. Затем наши глаза встретились, и пока я была в плену этих по-детски голубых глаз, бар вокруг нас из тусклого стал темным.

— Я собираюсь купить тебе выпить.

И это не было вопросом. По сути, когда он смотрел на меня, в нем не было ничего вопросительного, только уверенность.

— А потом мы можем еще поговорить о разуме и... страсти.

Я не могла сказать, было ли ощущение жжения в груди связано с взглядами, которые Гаррик тайком бросал на меня, или это служило напоминанием о первом Джеке с колой, который я просто проглотила, как воду.

По зову Гаррика к нам подошел официант, и я воспользовалась моментом, чтобы тихо проговорить про себя ободряющую речь, пока он заказывал себе выпить.

— Блосс? — позвал Гаррик.

Его голос отозвался дрожью во мне.

Я посмотрела на него снизу-вверх, затем на официанта, который оказался тем самым мальчиком-барменом, которого я видела раньше. Я открыла рот, чтобы заказать очередной Джек с колой, но бармен остановил меня, положив руку мне на плечо:

— Я помню — Джек с колой, верно?

Я кивнула, и он, улыбнувшись, подмигнул мне. На секунду я задумалась, откуда он знал мой заказ. Я была вполне уверена, что последней его мне приносила девушка-бармен. Он все еще улыбался мне, поэтому я заставила себя произнести:

— Спасибо, эм-м...

— Брэндон, — подсказал он.

— Спасибо, Брэндон.

Он мельком взглянул на Гаррика, а потом опять сосредоточил свое внимание на мне.

— Должен ли я сказать твоей подруге, что ты скоро вернешься?

— О, э-э, думаю, да.

Он улыбнулся в ответ и постоял так еще несколько секунд, глядя на меня, прежде чем отвернуться и направиться обратно к бару. Я знала, что мне нужно было снова посмотреть на Гаррика, но перспектива от возбуждения и неловкости превратиться в лужицу, еще раз встретившись с его великолепными глазами, ужасала.

— Знаешь, иногда я задаюсь вопросом, была ли Дездемона столь невинна, как притворялась? Возможно, она знала, какой эффект производила на мужчин, и наслаждалась тем, что заставляла их ревновать, — сказал он.

Мои глаза встретились с его, но они были сужены и изучали меня.

Я успокоилась и стала изучать его в ответ.

— Или, может, она была напугана настойчивостью Отелло и не знала, как с ним разговаривать. В конце концов, общение — это ключ ко всему.

— Общение, вот как?

— Оно могло бы решить многие их проблемы.

— В таком случае, я постараюсь быть как можно более понятным.

Он взял свой стул и поставил его лишь в нескольких дюймах от моего. Сел прямо рядом со мной и сказал:

— Я бы предпочёл, чтобы ты не возвращалась к своей подруге. Остайся здесь со мной.

Глотай, Блосс. Я приказала себе глотать, иначе у меня потекут слюни.

— Вообще-то, моя подруга меня ждет. А что мы будем делать, если я останусь?

Он протянул руку и перебросил мои волосы через плечо. Его рука скользнула по моей шее, задержавшись на пульсе, который, должно быть, сходил с ума.

— Мы можем разговаривать о Шекспире. Можем поговорить, о чем захочешь. Хотя я не могу обещать, что не буду отвлекаться на твою очаровательную шейку.

Его пальцы прошлись по моей щеке, пока не достигли подбородка, который он приподнял указательным пальцем.

— Или на твои губы. Или эти глаза. Я мог бы завлечь тебя историями о своей жизни, как Отелло — Дездемону.

Я была уже достаточно привлечена. Мой ответ прозвучал ошеломляюще хрипло:

— Я бы не проводила параллель между нашим вечером и парой, которая закончила свою жизнь убийством и самоубийством.

Он улыбнулся, и его палец упал с моего подбородка. В тех местах, до которых он дотрагивался, у меня горела кожа. Поэтому мне пришлось остановить себя прежде, чем я последовала за его прикосновениями.

— Туше. Мне не важно, чем мы будем заниматься до тех пор, пока ты со мной.

— Хорошо.

Я была очень горда тем, что мне удалось ответить спокойно, вместо слов «Господи, да, я сделаю всё, что ты попросишь», которые в настоящее время крутились у меня в голове.

— Может быть, мне следует чаще запираеть квартиру с ключами внутри.

Вообще-то, я бы предпочла, чтобы внутри заперлись мы.

У меня завибрировало в кармане, и я поспешила ответить на телефонный звонок прежде, чем заиграет нелепый рингтон в исполнении мальчишечьей группы.

— Да?

— Ты влюбилась, что ли?

Это была Келси.

— Нет, Келси. Послушай, почему бы тебе не отправиться домой без меня?

Глаза Гаррика потемнели, и мое дыхание сбилось, когда он перевёл взгляд на мои губы.

— Ты так просто не отделаешься, Блисс. Ты переспшишь сегодня с кем-нибудь, даже если мне самой придётся взять дело в свои руки.

Господи, может она скажет это ещё громче? Я подумала, что Гаррик услышал её слова, но он по-прежнему не сводил глаз с моих губ.

— В этом нет необходимости, Келс.

Я попыталась придумать какой-нибудь хитрый способ намекнуть ей, что уже нашла себе парня, когда услышала вздох, за которым последовало:

— БОЖЕ. МОЙ.

Мой взгляд скользнул поверх плеча Гаррика, и я увидела широкую улыбку Келси и последовавший за ней грубый жест рукой.

— Да, хорошо, значит, поговорим позже, Келс?

— Безусловно, поговорим. Ты позвонишь и расскажешь мне всё до мельчайших ошеломительных подробностей.

— Посмотрим.

— Лучше посмотри много интересного сегодня ночью, дорогая. Надеюсь, твои глаза будут широко раскрыты после сегодняшнего ночного знакомства.

Я повесила трубку без ответа.

— Твоя подруга? — спросил он.

Я кивнула, потому что его взгляд уже заставил мою кровь закипать. Никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько возбужденной из-за кого-то, кто даже не дотрагивался до меня. От мужчины волнами исходила сексуальность, и на удивление мне захотелось научиться в них плавать.

— Так ты остаёшься?

Я вновь кивнула, каждая мышца моего тела была в напряжении. Если он не поцелует меня в

ближайшее время, я взорвусь. Стоило мне подумать об этом, как с нашими напитками вернулся мальчик-бармен. Он подошёл с улыбкой, которая при виде нас с Гарриком, сидящих так близко, угасла.

— Извините, что так долго. У нас очень много заказов.

Я ухватило за возможность отвлечься.

— Ничего страшного, Брэндон.

— Разумеется. Вам нужно что-то ещё?

— Нет, всё в порядке.

Глаза Брэндона переметнулись на Гаррика, а затем он наклонился чуть ближе ко мне.

— Уверена?

— Мы уверены, — резко ответил Гаррик прежде, чем передать ему несколько счетов. —

Сдачи не надо.

Брэндон выписал счет еще одной паре, сидящей на расстоянии в несколько столиков от нас, а затем вновь направился к бару. Когда он был уже далеко, я повернулась обратно к Гаррику, чья рука обвивала мой стул.

— А ты ревнивый, Гаррик?

— Не совсем.

Я вскинула бровь, и он невозмутимо улыбнулся.

— Возможно, обсуждение Отелло немного подтолкнуло меня к этому.

— Тогда давай поговорим о чём-нибудь другом. В какое время слесарь будет у твоей квартиры?

Он мельком взглянул на свои часы, и я воспользовалась шансом поглазеть на его невероятно сложенные руки.

— Он должен прийти довольно скоро.

— Разве тебе не следует пойти и подождать его? — мне было трудно определить точно, чего я хотела в тот момент. Он определенно мне нравился, и я определенно хотела, чтобы он поцеловал меня, но я настолько привыкла всё портить, что никогда не заходила слишком далеко. Я всегда искала заднюю дверь, какой-то выход.

— Ты пытаешься избавиться от меня?

Я сделала вдох. *Никакого отступления. Никаких задних дверей, только не в этот раз.* Я прикусила губу и посмотрела на него. Я надеялась, что он не видел страха, пробивающегося из-под моего уверенного выражения лица.

— Полагаю, мы могли бы пойти и подождать его, — сказала я.

Он вновь посмотрел на мои губы. Я умирала... Умирала от того, как сильно хотела, чтобы он поцеловал меня.

— Так намного лучше.

Он встал и предложил мне свою руку.

— Миледи?

— Ты не будешь допивать?

Он взял мою руку и прислонил свои губы к моему запястью.

— Я уже опьянён.

Я засмеялась, потому что эта фраза звучала смешно (и потому что мне не хотелось признавать, что она всё же сработала).

Он улыбнулся:

— Чересчур? Что я могу сказать... Бард ^[2] вызывает у меня страсть к драматизму.

— Давай вместо этого попробуем реализм.

— Думаю, я смогу, — сказал он.

Я едва осмыслила его слова, как он приподнял меня со стула и накрыл мои губы своими. Его запах переполнял меня: цитрус, кожа и что-то ещё, от чего мой рот наполнился слюной. Я была слишком потрясена, чтобы как-то отреагировать. Я остро осознавала тот факт, что он целовал меня прямо посреди бара до тех пор, пока не прикусил мою нижнюю губу. И тогда я забыла обо всём, кроме него. Всё моё тело вздрогнуло, а сердце упало к желудку, будто сила притяжения стала в два раза больше.

У меня кружилась голова, но мне было все равно. Я открыла рот, и в этот самый момент его язык проскользнул внутрь, взяв контроль на себя. Я вцепилась руками в его спину, а он в ответ прижал меня еще сильнее. Его поцелуй сначала был неторопливым, потом — быстрым, нежным, потом — напряженным. Мы прижимались друг к другу настолько близко, что я могла почувствовать каждую часть его тела, но мне хотелось быть еще ближе к нему. Его рука скользнула вверх по моей спине — горячие пальцы впивались в мою разгоряченную плоть. От такого интимного контакта с моих губ сорвался стон. И я тут же пожалела об этом, потому что звук, казалось, отрезвил его, и он отстранился.

Я не могла оторвать своих губ от него, но он оказался вне досягаемости моего поцелуя. Вместо этого он застонал, наклонился и оставил горячий поцелуй на моей шее.

Мой мозг определенно был в отключке. Я думала телом, и, Боже мой, как это было прекрасно. Я была просто набором нервных окончаний, которые сходили с ума. Он тяжело дышал, обжигая мою кожу. Когда он заговорил, его голос хрипел:

— Прости. Я увлекся.

Это было самое правильное слово. *Увлекся*. Я никогда не погружалась настолько в другого человека. Я никогда так... не теряла контроль. Это одновременно возбуждало и ужасало меня.

Его лицо оказалось перед моим, и я постаралась выглядеть непринужденно. Его руки выскользнули из-под моего топа, от чего я задрожала — моя кожа жаждала их возвращения.

Он отошел на шаг.

— Верно. Сейчас больше причин для разума, чем для страсти.

Я рассмеялась, но про себя показала неприличный жест этим самым причинам. Слишком долго они управляли мной.

— Ты разыгрываешь меня, да?

Я смотрела на него и задавалась вопросом, могла ли моя причуда все контролировать справиться с этим. Его рука скользнула по моему подбородку.

— Обещаю, что не буду гнать.

Я покачала головой, и его рука упала.

— Не думаю, что смогу это сделать.

— Просто держись за меня. Обещаю... Тебе понравится.

— Гаррик...

— Блсс, просто доверься мне.

Я глубоко вдохнула. *Я могла это сделать. Я просто должна заглушить свой мозг*, как сказала Келси.

— Ладно, но поторопись... Пока я не передумала.

Его лицо расплылось в улыбке, и он быстро поцеловал меня в висок.

— Умница.

Затем он осторожно застегнул поверх моих волос шлем, перекинул ногу через свой мотоцикл и протянул мне руку. Я отбросила все свои сомнения и взяла его за руку. Сиденье было изогнуто, и даже если я пыталась сидеть на расстоянии в несколько дюймов от него, то все равно сползала вперед, пока мое тело не прижималось к нему.

Он положил руку мне на колено, его пальцы сжались, пока у меня не защекотало в самом чувствительном месте.

— Держись за меня.

Я сделала, как он велел, и чуть не получила аневризму, когда сквозь рубашку почувствовала рельефные мышцы его пресса. Внезапно мне стало неловко из-за своего небольшого валика жира, свисавшего над джинсами. Он лишь один раз взглянет на мое тело и поймет, что я не так хороша для него. Черт, наверное, теперь он почувствует спиной этот жир, и я уже жалела об этом. Но потом его рука быстро дернула меня вперед, и хотя я не думала, что мы можем сидеть еще ближе, тем не менее, нам это удалось. Я была не просто прижата к нему. А приклеена.

Мой таз был вдавлен так сильно к нему, что я ощутила приступ головокружения. И в этот самый момент, мы сорвались с места. Я впила пальцами в его талию, от чего он подпрыгнул, а мотоцикл наклонился в сторону.

Я закричала. Точнее, завизжала. Прямо ему на ухо.

Он выровнял мотоцикл, а затем притормозил возле знака «стоп».

— Все в порядке?

Мое лицо было скрыто за его плечом, и мне удалось лишь пискнуть:

— Да.

— Прости, милая, я просто немного боюсь щекотки.

— Ох...

Я ослабила пальцы, которые фактически вдавились в его бока. Слава Богу, он не мог видеть моего лица в тот момент. Красный цвет мне не шел.

Он взял мои руки и опустил их так, что мои предплечья оказались вокруг его талии, а руки целиком обернуты вокруг него.

— Так лучше. Давай попробуем еще раз.

В этот раз, когда он тронулся, я не завизжала. Он медленно набирал скорость, а я

прижалась щекой к его спине и закрыла глаза.

С нашего последнего разговора у меня в голове застрял Шекспир, поэтому я цитировала все, что знала, чтобы занять чем-то свое сознание. Начала с монолога Гамлета. Далее перешла к речи Генриха V в день Святого Криспина. Я уже заканчивала монолог Макбет «Все завтра, снова завтра, снова завтра...», когда Гаррик меня перебил:

— А ты, и правда, любишь Шекспира.

Унижение стало моей основной эмоцией. Кажется, я цитировала не совсем в голове, как думала.

— Ох, я, э-э... просто легко запоминаю.

Моя щека по-прежнему была прижата к его спине, я пыталась унять свое колотящееся сердце. Сейчас, когда мотоцикл не двигался, мой мозг мог бояться всего того, о чем я пыталась не думать.

Секс.

Я собиралась заняться сексом.

С парнем.

Горячим парнем.

Горячим БРИТАНЦЕМ.

Ну, или меня вырвет.

Что если меня вырвет на горячего британца?

Что если меня вырвет на горячего британца ВО ВРЕМЯ СЕКСА?

— Блсс?

В шоке я резко повернулась, ужасаясь, не говорила ли я вслух опять.

— Да?

— Мы можем слезть с байка в любое время.

— Ох.

Я убрала руки так быстро, что чуть не потеряла равновесие и не шлепнулась с мотоцикла. К счастью, с негромким писком я все-таки нашла баланс и медленно сползла с него.

Потом моя икра зацепилась за выхлопную трубу с другой стороны байка, и я снова вскрикнула.

Было горячо. Просто ЧЕРТОВСКИ горячо. И теперь мою кожу жгло.

— Блсс?

Я прохромала пару футов от байка, когда Гаррик догнал меня. Несмотря на сжатые кулаки и на то, что я прикусила губу, чтобы выдержать боль, мои глаза наполнились слезами.

Его руки обхватили мое лицо, а затем он глянул вниз на мои ноги, где на дюйм ниже моих капри растекался красный след.

— Вот черт.

Я сжала губы, потому что знала, что если открою рот, то не удержу слез. Гаррик обнял меня за талию, а я закинула руку ему на плечо.

— Давай, милая. Будем надеяться, что слесарь уже прибыл.

Впервые я огляделась и осознала, где мы находимся.

Мы были в моем жилом комплексе.

Мы жили в одном жилом комплексе!

Я боролась с собой, пытаясь найти подходящие слова, пока он вел меня к своей квартире. Я чуть не упомянула об этом, когда мы прошли мимо моей собственной машины, но потом я напомнила себе, что все это затевалось лишь на одну ночь. Он жил в одном доме от меня. Слава Богу. Что, если бы он жил рядом со мной, и я должна была бы видеть его каждый день после ужасного, без сомнений, секса, которым я собиралась с ним заняться?

Мы добрались до его дверей.

Слесаря не было.

Кожа на ноге горела так, будто я стояла возле открытого огня.

Он озабоченно взглянул на меня и достал свой телефон.

Дважды нажал кнопку вызова, набирая последний номер.

Когда он отошел, чтобы поговорить, я оперлась на стену возле его двери. Очевидно же, что я не должна была заниматься сексом. Как будто сам Бог велел мне стать монашкой. Иди в монастырь прочь от этой чепухи.

Я была в бреду, сбита с толку Богом и Шекспиром.

Вернулся Гаррик, и даже его хмурый взгляд был великолепен.

— Плохие новости. Слесарь задерживается, его не будет здесь еще час.

Я постаралась не съеживаться. Не удалось.

Он опустил на колени и провел пальцами по моей голени, останавливаясь в нескольких сантиметрах правее моего ожога. Слава Богу, я побрила ноги. Он сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул через нос. На секунду он прикрыл глаза, а потом кивнул.

— Точно. В таком случае, мы должны доставить тебя в отделение неотложной помощи.

— Что? Нет!

Что сказала бы Келси? Я вышла, чтобы заняться сексом, а вместо этого заканчиваю свой вечер в неотложке. ТВОЮ ЖЕ МАТЬ.

— Блсс, ожог не так страшен, но если не начать его лечить, то он будет адски болеть.

Я прислонила голову к стене и смахнула с лица растрепавшиеся волосы.

— Я живу недалеко. Мы можем просто пойти ко мне.

— Ох. Ну, хорошо.

Его ухмылка ослабла, и на короткий миг я была полностью поглощена другими чувствами, чтобы помнить о боли. Он продолжил:

— Надо будет осторожно усадить тебя на мотоцикл. Не хочу, чтобы ты снова обожглась.

Я закусила нижнюю губу.

— На самом деле, нам не нужно садиться на байк.

Он изящно изогнул одну бровь.

— Когда я сказала, что живу недалеко, я имела в виду, что живу в соседнем здании.

Теперь уже взлетели обе его брови. Его удивление длилось всего секунду прежде, чем на лице появилось другое выражение, которое у меня в животе определенно вызвало приступ бабочек.

— Тогда пошли к тебе... соседка.

У меня подкосились ноги, и не только от боли.

Я сглотнула, но во рту все еще было сухо. Он не обнял меня снова, а лишь слегка прикоснулся пальцами до моей спины и там их оставил, пока мы шли. Меньше чем через минуту мы добрались до моей квартиры. Когда я копалась в сумке в поисках ключей, его рука спустилась на мою поясницу, и на секунду я позабыла, что искала.

Ключи. От моей квартиры.

В которую он собирался войти.

Со мной.

Один.

Чтобы заняться сексом.

Сексом.

Сексом.

Сексом.

Мои пальцы меня не слушались, когда я безуспешно пыталась вставить ключ в замочную скважину. Он ничего не говорил. Но и не забирал у меня ключи, что было хорошим знаком, потому что это окончательно довело бы меня. Возможно, я была ненормальной, эмоциональной и физической катастрофой, но мне не нужен был парень, который за меня повернул бы ключ. Пока я возилась с дверью, его рука спокойно, нежно и терпеливо оставалась лежать на моей спине.

Когда я, наконец, вошла в темный коридор, он не последовал за мной. Я обернулась и посмотрела на него, стоящего у порога: теперь его рука была небрежно засунута в карман. Его кривая улыбка была настолько милой и потрясающей, что от нее замирало сердце. Но при этом казалось, что он не собирается заходить. Вот в чем дело. Он передумал. Потому что я была настоящей неприятностью. С чего бы ему захотеть?

Я вздохнула, напомнив себе, что была потрясающей. Я не была ни неуверенной, ни робкой. А просто девственницей. Ничего страшного. И если я хотела перестать ею быть, то мне придется заняться сексом. Пора собраться... с силами.

— Ты ждешь приглашения? — спросила я, видя, как он осторожно стоит за дверью. — Или в этом месте ты должен сказать мне, что ты — вампир?

Он усмехнулся.

— Нет, уверяю, я такой бледный только потому, что британец.

— Тогда чего же ты ждешь? Что произошло с тем парнем, который уговорил меня сесть к нему, чтобы узнать его имя, и дал ясно понять, что не хочет, чтобы я возвращалась к своей подруге?

Что произошло с парнем, который был настолько храбр, на что я могла только отважиться?

Он сделал шаг, оказавшись в дверном проеме, и прислонился к дверному косяку.

— Этот парень пытается быть джентльменом, потому что насколько он хотел, чтобы ты осталась с ним, настолько он хочет поцеловать тебя. Но ты ранена, и боюсь, вряд ли хочешь, чтобы я здесь находился.

— Хочешь сказать, он боится?

— Хмм?

— Ну, ты говорил о себе в третьем лице, а потом перешел на первое...

У меня тоже путались мысли.

— Именно так.

Он все еще улыбался. Что бы это значило?

— Было приятно познакомиться с тобой, Блосс.

Это был самый простой способ, если я не хотела доводить дело до конца. И если я хотела, чтобы моя девственность так и осталась при мне... опять. Он уже разворачивался. Все, что мне нужно было сделать, так это отпустить его.

— Подожди!

На лице у него заиграла легкая загадочная улыбка, и он снова приподнял одну бровь. Поборов свой страх, я вздохнула.

— Если он пытается быть джентльменом, не следует ли ему остаться и попытаться помочь раненой девушке, которая ничего не знает о лечении ожогов от мотоцикла?

Он отвел взгляд, чтобы посмотреть на мою ногу, а когда снова поднял его, то его глаза остановились на моих губах.

— Раненая девушка права. Это будет по-джентльменски.

Затем он вошел внутрь квартиры и закрыл дверь.

Свет от уличных фонарей снаружи погас, и мы оказались в темном коридоре, потому что вот уже несколько недель как у меня перегорел верхний свет, а я до сих пор не поменяла

лампочки. Я могла чувствовать жар, исходящий от него, когда он подошел ко мне ближе. Он снова положил руку мне на поясницу и прошептал в темноте:

— Показывай дорогу, милая.

В одной майке и трусиках, со спущенными до колен штанами, я стояла в ванной, учащенно дыша. Гаррик находился за дверью, но для меня он был будто магнитом. Мое сердце пыталось выпрыгнуть из груди навстречу к нему. Он сказал мне снять капри и что какое-то время мне лучше не носить поверх ожога обтягивающие вещи. Он предложил мне помочь снять капри, но от этого я снова ощутила приступ тошноты. Поэтому я начала стаскивать их с себя сама, напрасно стараясь, чтобы ткань не касалась поврежденной кожи.

Я спустила ткань немного ниже и закусил губу, чтобы сдержать стон.

— Блсс? — Гаррик тихонько постучал в дверь. — Ты в порядке?

— Просто замечательно! — ответила я.

Я снова потянула штаны и чуть не задохнулась от боли.

— Блсс, позволь мне помочь. Я беспокоюсь за тебя.

Я закрыла глаза, пытаюсь что-нибудь придумать. Неловко проковыляв с джинсами вокруг коленей, я нашла в корзине юбку с эластичным поясом. Натянув ее через голову, я опустила ее вниз поверх белья, а потом села на крышку унитаза.

Я чувствовала, как у меня горели щеки: определенно, они были унизительно красного цвета. Но теперь я ничего не могла с этим поделать. Поэтому произнесла:

— Ладно. Входи.

Дверь медленно распахнулась, и из-за угла показалась голова Гаррика, а потом и все остальное. Он бросил один взгляд на мою скомканную юбку и джинсы, болтающиеся вокруг ног. А потом рассмеялся. Фактически прохрипел.

— Это так унизительно.

И как я теперь могу заниматься с ним сексом?

Он сжал губы, чтобы сдержать смех, но веселые искорки все еще плясали в его глазах.

— Прости. Я знаю, что тебе больно. Просто ты выглядишь так...

— Нелепо?

— Мило.

Я посмотрела ему в глаза.

— Нелепо мило.

Его усмешка опьяняла, и я не смогла сдержать завистливой улыбки.

— Хорошо. Теперь, когда ты просмеялся, помоги мне снять штаны, — я сказала это с тем же сарказмом, на который надеялась, когда он вошел.

Но или он не уловил его, или ему просто было все равно, потому что его взгляд, который я могу назвать только хищническим, был прикован ко мне. Внезапно ногу стало жечь сильнее.

Минуту он смотрел на меня, а потом опустил взгляд и откашлялся. Опустившись на колени возле меня, он взял мою ногу.

Я уже начала тянуть капри вниз, так что ожог оказался полностью закрытым тканью. Его рука зависла над молнией, которая теперь находилась на середине бедер. Он снова откашлялся, а потом просунул руку мне в штанину.

СЕРДЕЧНЫЙ. ПРИСТУП.

Я была совершенно уверена, что получу его.

Второй рукой он, насколько смог, стянул джинсы вниз, прямо по моим коленям. Он посмотрел на меня, еще раз откашлялся и сказал:

— Можно позаимствовать твою руку?

Я не могла говорить, поэтому протянула свою правую руку, ладонь которой была ужасно потной. Он взял меня за руку и потянул ее внутрь штанины к своей ладони.

— Держи руку здесь и тяни ткань так далеко от ноги, как только можешь. Я сделаю то же самое снизу, и мы попытаемся стянуть их, не касаясь ожога.

Я кивнула, моя рука была в десять раз спокойнее, чем мое сердце.

Его рука скользнула вверх и наружу, и его легкое прикосновение вызвало во мне дрожь. Он сделал так, как сказал, натягивая ткань подальше от моей кожи вниз, и тогда мы вместе попытались стянуть штаны.

Это оказалось не самым успешным делом. Джинсы были неприлично тесными (благодаря Келси), и ткань постоянно задевала мою кожу, от чего я съеживалась.

— Прости, — каждый раз извинялся он, словно был в этом виноват. Я хотела его поправить, но мне просто нравилось его «прости-и», потому не стала.

Спустя пару минут медленных и аккуратных манипуляций, джинсы упали на пол.

Мы оба засмеялись тем смехом, каким смеются люди в фильмах после того, как только что обезвредили бомбу. И когда я перестала смеяться, то обнаружила, что его ладонь все еще лежала на моей ноге. Одной рукой он придерживал меня за щиколотку, а другой нежно водил по коже вокруг ожога.

Если он и дальше продолжит меня так трогать, я просто растаю и превращусь в лужицу прямо тут на полу.

— Э-э, спасибо.

В этот момент он, видимо, понял, что делал. Его взгляд метнулся на руки. Но вместо того, чтобы незамедлительно убрать их, он расплылся в улыбке, медленно провел рукой вниз по моей ноге, а затем отпустил.

— Не за что. Теперь его нужно охладить. Мы могли бы подставить его под холодную воду.

Я представила свою ногу, задранную к раковине, или нас обоих, пытающихся развернуться в моей ванной. Видимо, выражение моего лица сказало все за меня, потому что он добавил:

— Или просто приложить мокрый компресс.

Я протянула ему тряпку из корзины позади меня, и он повернулся к раковине, дожидаясь, пока вода стечет немного, чтобы быть холоднее, прежде чем намочить ее. Я втянула ртом воздух, когда он приложил к ожогу компресс, но холод помогал, и я сразу расслабилась впервые с тех пор, как мы пришли в мою квартиру.

— Лучше?

Я кивнула.

— Гораздо. Никогда больше не одену такие узкие джинсы.

Его рот изогнулся в улыбке.

— Какая жалость.

Если он продолжит говорить подобные вещи, мне скоро понадобится веер, чтобы сохранять хладнокровность.

— Послушай, — начал он. — Прости за это. Мне не следовало настаивать и сажать тебя на мотоцикл.

— Это не твоя вина, что я не знаю ничего о мотоциклах и что не догадалась, что труба может быть горячей.

— Не могу поверить, что ты никогда не ездила на мотоцикле.

— Ага, но существует еще много вещей, которых я никогда не делала.

Он приподнял одну бровь.

— Например?

— Ну... — клянусь, что стук моего сердца звучал как «ту-пицца, ту-пицца, ту-пицца»,

отдаваясь у меня в ушах. — Э-э, до сегодняшнего дня я не встречала ни одного британца.

Он засмеялся, неосознанно проводя пальцами по своим волосам. От этого жеста мне тоже захотелось коснуться пальцами его волос. Он сказал:

— Так вот почему ты меня поцеловала? Все вы, американские девчонки, любите акценты.

Я проглотила свою улыбку и ответила:

— Насколько я помню, это ты поцеловал меня.

Он поднялся, и его непослушные волосы упали ему на лоб, обрамляя эти коварные глаза.

— Так и было.

Он снова намочил тряпку, чтобы охладить ее, но мое тело было слишком горячим, чтобы почувствовать разницу, когда он приложил ее к моей коже. Другая его рука снова сомкнулась на моей щиколотке.

С осторожностью, контролируя свое дыхание, я сказала:

— Твоя очередь.

— А?

— Чего ты никогда не делал?

— Ну, я никогда до сегодняшнего вечера не приударял за девушкой в баре.

У меня отвисла челюсть.

— Правда?

Как такое возможно? Он же ведь такой красавчик! Может, девчонки вешались на него еще до того, как он заходил в бар, поэтому он даже не заморачивался о том, чтобы попасть внутрь.

Он пожал плечами и начал водить большим пальцем туда-сюда по моей ноге.

— Знаю, что это идет против всех английских стереотипов, но мне никогда особо не нравилось постоянно нажираться до чертиков, э-э, напиваться.

— Мне тоже, — сказала я. И это правда, даже учитывая то, что моя голова до сих пор была немного в тумане от всей той выпитой текилы. — Так что привело такого не стереотипного брита в Техас?

Он пожал плечами.

— Я живу в США уже какое-то время. А приехал я, чтобы учиться в университете, но так и не вернулся. Кстати, я только что снова переехал в Техас. Меня не было здесь несколько лет.

— Я тоже. Я переехала сюда несколько лет назад.

В детстве я жила в Техасе, но в восьмом классе мы переехали в Миннесоту. В моих планах всегда было вернуться сюда, чтобы учиться в университете.

Он намочил тряпку еще один раз, и мы просто сидели там и разговаривали. Он рассказал мне о том, как рос в Англии и как сильно отличается от этого жизнь в Штатах.

— Первый раз, когда какой-то парень сказал мне, что ему нравятся мои панталоны, я был в таком шоке, что подумал, может, я ушел из дома полуголым.

— Панталоны? Не понимаю.

— Так мы называем нижнее белье, милая.

— Ох, — засмеялась я. — Буду знать.

— Когда я попросил у одноклассника резинку, вы зовете их ластиками, все смеялись так сильно, что я был готов запрыгнуть в первый же самолет обратно в Лондон.

Я пыталась сдержать смех и не смогла. Но подумала, что он заслуживал этого после того, как смеялся над моей проблемой со штанами... хм, джинсами.

— Должно быть, это было ужасно.

Он потянулся за пластырем, что я достала из шкафчика ранее, осторожно прикрепил сверху ожога и приклеил края, продолжая говорить:

— К этому привыкаешь. Я уже достаточно долго здесь живу, поэтому легко справляюсь с

такими вещами. Время от времени, когда я езжу в Лондон в гости и обратно, у меня возникают проблемы с адаптацией, но, в целом, я бы сказал, что я неплохо американизировался.

— За исключением акцента.

Он улыбнулся.

— Теперь невозможно избавиться от акцента, не так ли? Как же я буду тогда привлекать внимание таких красоток, как ты?

— Очевидно, чтением Шекспира в баре.

Он засмеялся, и этот звук растекся по моей коже, расслабляя некоторые нервы.

— Ты милая, — сказал он.

Я закатила глаза.

— Да... нелепо милая, как мы уже усвоили ранее.

— Ты бы чувствовала себя лучше, если бы я называл тебя нелепо сексуальной?

Вот так вот, вся та легкость, которую я чувствовала, испарилась, и мое дыхание участилось. У меня не было ответа. Что я могла сказать на это?

— Откуда такое выражение лица? — спросил он.

Я не имела понятия, которая из моих многочисленных эмоций отразилась на лице, поэтому лишь пожала плечами.

— Ты ведешь себя так, будто никто раньше не называл тебя сексуальной.

Потому что так и было.

— Что, как мне кажется, не может быть правдой, судя потому, как ты выглядела сегодня. Я едва мог удержать свои руки при себе, а мы только что познакомились. Я был бы смущен, если бы так этим не наслаждался.

Ну вот. Я может и не занималась раньше сексом, но знала достаточно, чтобы понять, когда парень заигрывает со мной. И что поразительно, меня это не волновало. Все, о чем я могла думать, так это то, что он сидел так близко и просто сводил меня с ума. Его рука все еще лениво пробегала по моей щиколотке, и если он скоро меня не поцелует, я просто взорвусь.

— Посмотри на меня, я и сейчас не могу оторвать от тебя рук.

Я сглотнула, но, совершенно неожиданно, у меня во рту возникло ощущение, будто я проглотила песочницу.

Он приподнялся, стоя на коленях, и провел рукой по моей щиколотке к голени, на которой не было ожога. Его бедра были всего в нескольких сантиметрах от моих коленей, пока я потрясенная сидела на крышке унитаза.

— Скажи мне, что я не сумасшедший, — сказал он.

Я не могла этого сделать. К тому моменту даже я сама не была близка к здравому уму, чтобы при этом давать кому-то еще советы о разумном поведении.

— Скажи мне, что я могу тебя поцеловать.

Что ж... Это я могу.

— Ты можешь поцеловать...

Я даже предложение не успела закончить, как его губы оказались на моих, заставив меня полностью забыть о своем ожоге.

Поцелуй закончился слишком рано.

Я издала неловкий стон разочарования, который не смогла сдержать. К счастью, Гаррик не закончил на этом. Он встал и потянул меня вверх за локти. Он привлекал меня к себе до тех пор, пока наши тела не прижались друг к другу, что было невозможно, когда я сидела.

— Так лучше, — сказал он.

Я была с ним полностью согласна. Я лишь приподнялась на цыпочках и поцеловала его.

По сравнению с предыдущим поцелуем этот был медленным, исследующим и разжигающим пламя. Одной рукой он держал меня за шею, нежно прижав большой палец к ключице. Другая же скользила с волос по плечу и к бедру, а потом обратно.

Впервые в жизни я сконцентрировалась на ощущении парня передо мной, прикосновении его языка, жарком покалывании на коже там, где прижимались его пальцы. Я ни о чем больше не думала: ни о своем дыхании, ни о том, были ли мои руки в правильном положении, ни о его ожиданиях. Я просто растворилась в нем.

Мои руки лежали на его бедрах, и мне захотелось самой что-нибудь исследовать. Я просунула руки между нами, пока не положила их ему на живот. От моего движения его губы немного сильнее прижались к моим. Язык скользнул немного глубже. Я провела обеими руками вверх, чувствуя упругие изгибы его тела под ткань рубашки. Когда мое исследование достигло груди, он руками притянул меня вперед за бедра так, что я прижалась животом к нему.

Я почувствовала, насколько сильно он хочет меня, и страстное желание растеклось по моей спине. Затем его поцелуи стали жестче и быстрее, и я последовала за его инициативой, игнорируя свое беспокойство.

Одну руку я оставила у него на груди, а другой обхватила его за шею и еще выше поднялась на цыпочках, от чего мои бедра оказались на уровне сего.

Гаррик прервал поцелуй и с дрожью выдохнул возле моих губ. Ярко-голубой цвет, который я видела в его глазах раньше, сейчас практически полностью сменился чернотой зрачков. Он прикоснулся ладонью к моему подбородку, проведя большим пальцем по нижней губе. В течение нескольких долгих секунд он просто изучал меня.

— Знаешь, ты нелепо сексуальная.

Я опустила пятки на пол, мои икры слишком сильно горели, чтобы стоять на цыпочках. И я больше не могла смотреть ему в глаза.

Каждый раз, когда мне почти полностью удавалось отключить свой мозг, он что-нибудь говорил, что снова его включало. Я сказала:

— Знаешь, тебе не нужно было говорить это замечание. Я уже целовала тебя.

— И какой же замечательный это был поцелуй.

Он снова коснулся пальцем моей губы и приподнял мое лицо к своему.

— Мне бы хотелось повторить его, но не в ванной, а где-нибудь в другом месте.

— Ах, да.

Он хочет пойти в мою спальню? Я была абсолютно уверена, что он хочет отправиться туда.

Несколько секунд я возилась с дверной ручкой, прежде чем моему затуманенному разуму удалось отворить дверь. Мы снова вышли в темный коридор, и его рука еще раз оказалась у меня на спине.

— Извини, свет в коридоре не работает, и у меня не было возможности поменять лампочки. Когда он отвечал, его губы находились прямо возле моего уха:

— Я не возражаю против темноты.

От этих слов все волоски на моем теле встали дыбом.

Мы вошли в гостиную, и я щелкнула выключателем, который здесь, как ни странно, работал. Моя квартира представляла из себя лофт свободной планировки. Две стены были кирпичные, а остальные покрашены в милый темно-фиолетовый цвет. На высоком потолке выступали трубы, перекрещиваясь над нами. Моя спальня находилась справа, отделяемая от гостиной только занавеской лавандового цвета, так как у меня фактически не было двери.

— Ну вот, это моя гостиная, — указала я одной рукой, неуверенная в том, ожидал ли он осмотра или мне просто следовало направиться напрямиком в спальню. Никогда раньше я не делала такого, поэтому не имела понятия, нужно ли нам сначала обменяться традиционными любезностями. Мое сердце дико забилося, когда он расхаживал по комнате, рассматривая то тут картину, то там разные безделушки.

— Мило. Думаю, подходит тебе.

Я просияла. Я любила эту квартиру. В ней мне всегда казалось, что я нахожусь в одной из серий «Друзей».

— Мне стыдно признаться, но моя квартира все еще забита коробками. Особо интересной экскурсии не получится.

Господи, как бы мне хотелось оказаться у него. Тогда бы все контролировать пришлось ему. Мне ужасно не хотелось думать о том, что делать дальше.

Его взгляд метнулся к занавесу, за которым располагалась моя спальня. Довольно быстро. Его глаза почти сразу же вернулись к лампе, которая стояла рядом с ним, но я успела заметить.

Вот оно. Скоро я займусь сексом.

Должна ли я сказать ему, что я девственница? Должна.

Должна ли я сказать ему об этом сейчас? Или прямо перед?

Я вспомнила совет Келси и заставила себя забрать свои страхи обратно. Я сделала их громкость такой маленькой, что могла притвориться, будто и не думала вообще.

Пока не струсил, я прошла вперед и протянула руку. Он взял её сразу, и я повела его через занавеску к своей спальне. Здесь верхнего света не было, так что я включила лампу справа, а потом, оставив Гаррика, включила другую, рядом с кроватью.

Когда я повернулась, он держал в руках неприлично короткую мини-юбку, которую Келси заставляла меня мерить.

Наши глаза встретились, его улыбка заставила меня почувствовать, будто мои легкие вот-вот взорвутся. Я выхватила юбку из его рук, взяла несколько других предметов одежды, по-прежнему лежащих на кровати, и бросила их в шкаф.

— Прости за это.

— Жалоб от меня не дождешься.

Я подняла брови и сказала:

— Забудь. Ты никогда не увидишь меня в этой юбке.

— Никогда? Это вызов, милая?

— Это обещание.

Он обогнул угол кровати, чтобы подойти ко мне и встать между кроватью и стеной.

— Мне было бы очень комфортно помогать тебе нарушить это обещание.

Он положил руку мне на плечо, его указательный палец скользнул под лямку моего топа.

— Уверена, тебе было бы удобно помогать мне делать многое.

Его рука сжалась на моем плече, а взгляд опустился к моим губам.

— Так и было бы.

А потом он поцеловал меня.

На этот раз он не был нежным и милым. В его поцелуе чувствовалось голодное отчаяние, которое заставило меня задыхаться. Его зубы потянули мою нижнюю губу так же, как и его палец до этого, и моё тело задрожало в ответ. Он слегка наклонился и обхватил меня за талию, притягивая к себе так, что наши тела оказались наравне.

Мои пальцы едва касались пола, но это было не важно. Он держал меня. Я запустила пальцы в его волосы и потерялась в поцелуе. Он сделал несколько шагов назад и сел на край кровати. Инстинктивно мои ноги двинулись по обе стороны от его коленей.

Рука, которая была вокруг моей талии, опустилась ниже и притянула меня к нему.

Если у меня и были какие-то сомнения на счёт того, к чему это ведёт, то в тот момент они исчезли. Он притянул меня снова, его собственные бедра тут же поднялись вверх, и, задыхаясь, я разорвала поцелуй. Его рот скользнул по моему подбородку и ниже к шее. Губы задержались на линии моего пульса, язык скользил по чувствительной коже. Он продолжил опускаться вниз по ключице, пока край моего топа не преградил ему путь. Я думала, он остановится, но он сдвинул ляжку с моего плеча, при этом его губы не отрывались от моей кожи. Другая его рука пробралась под край моей майки, лаская кожу вокруг пояса юбки.

Мои пальцы все еще блуждали в его волосах, я усилила захват и потянула его лицо обратно к своему. Пока мы целовались, его рука поднялась выше, поглаживая мою грудную клетку, в этих местах моя кожа горела. Когда его рука обхватила мою грудь, я качнулась навстречу к нему, и он застонал. Юбка, которую я надела раньше, на бедрах задралась вверх, и между нами почти ничего не осталось. Снова качнув бедрами вперед, на этот раз простонала я. Когда его другая рука нашла край моего топа, то ему оставалось лишь потянуть его вверх и снять через голову.

Он прервал поцелуй, для того что бы избавиться от ткани между нами. Я едва удержалась, чтобы не прикрыть себя, как только его взгляд скользнул по мне. И Боже, я была благодарна, что Келси настояла на том, чтобы я надела милое белье. Этот комплект был из черно-белого кружева.

Он посмотрел на меня с таким неприкрытым желанием, что я сразу осознала: его не волновало наличие того валика жира, который так напрягал меня ранее. Его правая рука нежно ласкала мою грудь, в то время как правая нашла мою шею. Он поднял мое лицо ближе к своему. Я думала, что он собирался снова поцеловать меня, но в последнюю секунду он отклонился и прижался своей щекой к моей. Он оставил краткий поцелуй на краю моей скулы, чуть ниже уха. И, о Боже, это было потрясающе. Этот маленький невинный поцелуй заставил меня сжать его волосы и податься бедрами вперед. Его губы коснулись мочки моего уха, и он прошептал:

— Я говорил, что ты нелепо сексуальна? Я имел в виду, что ты невероятно сексуальна.

Я невероятно возбуждалась.

Он поцеловал меня снова, а потом повернулся и положил меня на кровать. Он остановился, чтобы стащить рубашку через голову, и я в первый раз увидела жесткие линии его тела, которые так очаровали меня раньше. Он опустился на колени, мои ноги по-прежнему находились по обе стороны от него. Он остановился, чтобы рассмотреть меня.

В этот момент мне следовало все ему сказать. Я просто должна ему сказать. Просто выплюнуть это.

Я девственница.

Всего два слова.

Не так трудно, правда?

Я сглотнула и прочистила горло.

Но затем он наклонил голову и прижался губами к коже моего живота, и все мои мысли исчезли.

Вполне возможно, что я не довела бы все это до секса. От того, как он исследовал мое тело губами, я была готова самопроизвольно загореться, прежде чем мы дошли бы до самого главного. Его пальцы поднялись по моим бедрам и погладили чувствительную кожу чуть ниже пояса моих трусиков. Что-то взорвалось в моем мозгу, и меня переполнила паника.

Я буду ужасна в этом... Наверно, даже хуже всех, кто был у него до меня. И тогда он больше никогда не захочет видеть меня снова (в то время как я действительно хотела видеть его). Вероятно, я схлопочу моральную травму и больше никогда не захочу снова заниматься сексом, что означало провал всех отношений до конца моих дней, одиночество и несчастье с девятью кошками и хорьком.

Но потом его рука оттянула мои трусики в сторону, и я почувствовала все, что угодно, только не печаль.

За пределами моего сознания все было черным. И все, что чувствовало мое тело, казалось, сосредотачивалось в тех местах, где он касался меня, и, Боже правый, это было потрясающе. Его пальцы затрагивали какие-то точки внутри меня, которые заставляли меня выгибаться навстречу к нему. Его голова опустилась, и он начал покрывать поцелуями мою грудь.

Мои руки жили собственной жизнью, когда ласкали его спину, а потом скользнули вдоль его живота и расстегнули пуговицу на его джинсах. Он издал гортанный звук, и его губы впилась в мои. Он целовал яростно, вдавливая меня в матрац. Поцелуй все нарастал, становился грубее и быстрее, но я хотела чего-то большего. Моя рука скользнула по коже его живота к краю джинсов. Он со стоном оторвался от моих губ. Он не отодвинулся, но держал свои губы в миллиметрах от моих. Учащенно дыша, он произнес:

— О Боже, Блосс.

Он оставил последний долгий поцелуй на моих губах, а потом отстранился, встав на колени. Я услышала металлический звон молнии и сосредоточила взгляд на его плечах, пока он возился со своей одеждой. Он встал на несколько секунд, и я перевела взгляд на потолок.

Я хотела этого.

Ужасно.

Я снова собиралась повторить свою мантру, когда его губы и руки вернулись ко мне... бешено, почти отчаянно.

Глубоко внутри себя я почувствовала давление, а каждая мышца в ногах плотно натянулась, пока я ждала того, что за этим последует.

Затем он по ногам стянул мои трусики, и его тело согнулось у меня в бедрах — это было похоже на погружение в лед.

Я собиралась заняться сексом.

С парнем, с которым только познакомилась, о котором не знала абсолютно ничего.

А он ничего не знал обо мне... Включая и тот факт, что я девственница.

И Боже, я хотела пройти через это. Меня тошнило от того, что я девственница, и он был невероятно сексуальным, но не я.

Я не могла этого сделать. Не с ним.

Я просто... не могла.

Я замерла под ним, но его губы продолжали с обожанием скользить между моей шеей и плечом.

Я должна была сказать ему о своей девственности или что не готова. Это не будет мило или

просто, но, по крайней мере, он поймет... наверно.

Вместо этого, мои глаза сфокусировались на фарфоровой банке кошачьего печенья, которую я унаследовала от своей прабабушки, и мой мозг сотворил нелепое оправдание из первого, что пришло мне в голову.

— Стой! Кошки! Стой...

Что, черт возьми, я несла?

Я положила свои ладони ему на плечи и оттолкнула немного вверх.

Он отодвинулся, его глаза были тёмными, волосы растрепались, а губы распухли от наших поцелуев. В тот момент я практически передумала. Он выглядел почти неотразимо. Почти.

— Прости, милая. Ты сказала «кошки»?

— Да, я не могу этого сделать... прямо сейчас. Потому что... у меня есть кошка. Да, у меня есть кошка, которую я должна, э-э, взять. Позаботиться! Я должна позаботиться о своей кошке! Так что... я не могу этого сделать, — я указала на расстояние между нами, моля Бога, чтобы для него это не звучало так ненормально, как для меня.

Невероятно.

У меня даже нет кошки!

Не знаю, какие связи в моём мозгу дали осечку, но мне хотелось пнуть себя. Мне хотелось бить себя по лицу до потери сознания. Вероятно, прямо сейчас я могла бы даже без ободрительной речи нырнуть в бассейн с серной кислотой.

Его разум, должно быть, был так же затуманен, как и мой, потому что он остановился на несколько секунд, осмысливая мои слова, затем осмотрелся вокруг.

— Не вижу никакой кошки.

У меня пересохло в горле — так происходило каждый раз, когда я врала. Я была ужасной лгуньей (насколько смогла удостовериться).

— Потому что... ее здесь нет. Да. Кошка, которая у меня есть, сейчас не здесь, потому что... Мне надо было ее забрать. Я забыла, что мне нужно было ее забрать.

Он посмотрел на часы, которые сейчас показывали 00.20.

— Тебе нужно было ее забрать сейчас?

Я снова оттолкнула его, и на этот раз он с легкостью скатился с меня на бок. Он был полностью обнажен, а на мне были бюстгальтер, юбка и трусики, все еще болтающиеся вокруг лодыжки.

— Да... она в ветклинике! Это, хм, круглосуточная ветклиника...

— Круглосуточная ветклиника?

— Э-э, да. У нас есть такие здесь... в Америке. Определенно. — В данный момент эта чушь собачья звучала очень трогательно. — И мне нужно было забрать ее несколько часов назад.

— Ты не можешь поехать туда утром?

Я попыталась просунуть в трусы вторую ногу и свалилась назад, приземлившись задом прямо на пол из твердой древесины.

— Господи, Блосс!

Он спрыгнул с кровати и опустился на колени возле меня, что еще больше меня взволновало, учитывая то, что он был все еще голым и, кхм, готовым.

— Я в порядке, уверяю тебя. Все хорошо. Я просто... Если я не заберу ее ночью, то нужно будет доплатить, а я не могу себе этого позволить.

— Ладно, дай мне время одеться, и я поеду с тобой.

— НЕТ! Хм, нет, все хорошо. Разве скоро не должен прийти слесарь?

Я закончила фразу с улыбкой, которая, надеюсь, говорила, что волноваться не о чем. Уверена, что, на самом деле, все это выглядело, будто я сумасшедшая, а теперь беги, пока

можешь!

Он посмотрел на часы, его великолепное лицо испортил хмурый взгляд.

— Полагаю, что да.

— Отлично. Мне просто... мне просто нужно бежать. Ты сможешь, хм, выйти сам, когда будешь... — мои глаза снова пробежались по его телу, и я почувствовала, что превращаюсь в лужицу идиотизма, досады и возбуждения. — Когда будешь, хм, готов. Э-э, закончишь. Э-э, в общем, когда захочешь.

А потом я вылетела за занавеску, которая отделяла мою спальню от всей остальной квартиры, и выскочила за дверь, игнорируя его крики, когда он звал меня по имени.

Только на полпути к стоянке, я поняла, что:

1. Я без обуви.

А. И майки.

2. Я не взяла ключи.

А. И вообще ничего не взяла.

3. Я только что оставила в своей квартире абсолютно незнакомого человека.

А. Голого.

Тот, кто сказал, что связь на одну ночь без каких-либо обязательств — это просто, очевидно, никогда не сталкивался с таким несчастьем, как я.

Четыре.

Столько людей видело, как я в одной юбке и бюстгальтере прячусь за углом своей собственной квартиры.

Одиннадцать.

Столько раз были покусаны муравьями мои босые ноги.

Двадцать семь.

Столько раз я хотела нанести себе физический ущерб, потому что я — ИДИОТКА.

Один.

Столько раз я старалась не плакать, но не смогла.

После моего ухода Гаррик оставался в моей квартире еще целых десять минут. Все это время я была похожа на пятилетнюю девочку, которая только что выпила ванную энергетиков. Что он там делал? Просто о-о-о-очень медленно одевался? Разглядывал мои вещи? Разгромил мое жилище, потому что я сбежала и оставила его там, как придурка, вроде Кани Уэста на церемонии вручения Музыкальной премии MTV?

Когда он, наконец, вышел, я видела, как он закрыл мою дверь, а затем замер. Он посмотрел на металлический номерок квартиры, прибитый к сайдингу, и какое-то время просто рассматривал его. Затем он покачал головой и направился к своей квартире.

Я подождала, пока он скроется из виду, а потом еще пять минут просто для верности (еще 6 муравьиных укусов, еще 1 прохожий и 4 обещания стукнуть себя позже).

Как только я оказалась внутри, то свернулась клубочком на кровати. На той самой кровати, где у меня почти был секс. На той же самой кровати, где я хотела заняться сексом... вроде. На той кровати, на которой лежал невероятно сексуальный, совершенно голый британский парень. Может быть, я просто спрыгнула с обрыва в сумасшедшем городе, но могу поклясться, что одеяло было еще теплым. Как законченный псих, я прижалась лицом к подушке и вдохнула носом воздух, как всегда делают девушки в фильмах и книгах, будто могла все еще уловить его аромат.

Я не смогла. И меня била сильная дрожь.

Я также не смогла бы уснуть в этой постели, не сойдя с ума.

Поэтому я переложила подушку на диван, где сидела в оцепенении, вероятно, даже в шоке. По меньшей мере, я могла заверить себя, что это было лишь моим личным унижением. Больше никто не должен знать, какой жалкой я была. И после моего предыдущего спектакля на грани шизофрении, я была вполне уверена, что он так же страстно будет избегать меня, как и я — его. И не смотря на то, что мы живем в одном жилом комплексе, у меня есть свой способ, чтобы мы никогда больше не встречались снова.

Утро наступило слишком быстро, а за всю ночь из-за сна на паршивом диване у меня задеревенело все тело. Вдобавок ко всему, у меня в голове стучало так сильно, будто я на самом деле ударила себя в лицо, как и собиралась до этого вечером.

Дурацкая текила.

Я медленно поплелась в душ, принимая его дольше, чем обычно. Когда постучали в дверь,

мои волосы были все еще мокрыми. Келси буквально упала на меня, когда я открыла дверь, так как она пыталась заглянуть в глазок. Улыбаясь, она молча проговорила ртом:

— Он все еще здесь?

Я вздохнула и ответила:

— Нет, Келс, он ушел.

Я отвернулась от подружки и схватилась за голову, пытаясь остановить вращение, которое происходило внутри нее. Оставив дверь открытой, я отошла, так как знала, что Келси зайдет независимо от приглашения.

— Кто-то сегодня раздражен. Что случилось? Было ужасно? Он оказался... крошечным?

— Он не оказался крошечным!

Не то чтобы у меня было с чем сравнить, но я была уверена, что это не так.

— О, значит, он просто был плох?

Я должна была сказать ей, что ничего не было, но у меня так сильно стучало в голове, а в животе крутило, мне не хотелось, чтобы она по второму разу вытащила меня куда-нибудь сегодня вечером.

Поэтому я соврала.

— Он был хорош. У меня просто похмелье.

— Хорош? ХОРОШ? Да ладно, этот парень был потрясающим! Пожалуйста, по крайней мере, притворись, что тебе понравилось это!

— Мне понравилось это! — Если под «этим» мы подразумевали единственную в моей жизни серию поцелуев взапас. — Он мне понравился.

Эти слова слетели с моих губ раньше, чем я действительно подумала о последствиях.

— О нет! — вскрикнула Келси. — Нет, не может быть! Я знаю, что он был твоим первым парнем и все такое, но это не значит, что нужно тут же бросаться в любовь. Все это было исключительно физическим, да. А если ты попытаешься выкинуть что-нибудь глупое, например, выйдешь замуж за этого парня, я собственноручно утащу тебя, брыкающуюся и кричащую, из-под венца.

— Нет! Ты, конечно же, права.

Я пожала плечами, будто это не было чем-то серьезным, но в горле у меня все пересохло, и я могла почувствовать, как покраснели кожа на шее и щеки. Я понадеялась, что она примет это за смущение, потому что обычно она как никто другой различала мою ложь.

— Клянусь, ничего серьезного. Я не влюбилась в него. И не собираюсь за него замуж. По сути, я едва помню, что было.

Под «едва помню» я имела в виду, что этого в принципе не было. Хотя остальное... четко отпечаталось у меня в мозгу. Даже всемогущая текила не смогла стереть те воспоминания. Жаль только, что она не стерла воспоминания о конце вечера.

— М-да, фигово. Но в остальном все хорошо, да?

— Ага, — с трудом улыбнулась я. — Все хорошо.

Келси обняла меня: это было похоже на один из тех моментов, когда предполагается, что мы связаны и думаем об одном и том же. Но так как все с моей стороны было ложью, я лишь обняла ее в ответ и попыталась притвориться, что она успокаивает меня по поводу моей неловкости.

— Ладно, а теперь приводи свою задницу в порядок. Если я не выпью кофе перед занятием, то умру. Мой режим сна никак не восстановится после рождественских каникул, поэтому я чувствую себя как долбаный зомби.

Быть зомби для Келси означало, что степень оживленности у нее сейчас 6 из 10.

Я всегда считала себя экстравертом до тех пор, пока не выбрала своей специализацией

театр. А потом я поняла, что просто не любила тишину. Когда вокруг оказалось множество людей, желающих развлекать других, то я осознала, что предпочитаю просто наблюдать.

«Старбакс» в кампусе был наводнен ордой зомби из остальных лишенных сна студентов. К тому моменту, когда я получила свой карамельный макиато, я практически уже проснулась, и мы определенно собирались опоздать на свой первый урок последнего семестра нашего последнего года в колледже.

Заказав его в здании Изобразительных искусств, мы промчались мимо хипстера со специализации «Искусство», курящего снаружи у дверей. Пробежав по коридору, мы естественно обнаружили, что двери в наш маленький театр «черный ящик», ^[3] где у нас проходил урок, были уже закрыты.

— Шипупи ^[4], — сказала Келси.

А потом... так как мы специализируемся на театре... мы вломились под песню из мюзикла «Продавец музыки». Потому что иногда в жизни необходимо немного музыки. (Но сделали это тихо и быстро, потому что все еще опаздывали на урок).

Но в этот театр нельзя было войти по-другому, не создав хоть немного шума. Двери хлопали и скрипели, независимо от того, что ты делал. Мы отворили одну из дверей и тут же услышали голос Эрика Барнса, руководителя кафедры:

— Вы опоздали!

— Простите, Эрик! — непроизвольно прокричали мы.

Осторожно, чтобы не пролить кофе, мы прошли через занавес, который окружал край комнаты, и заняли ближайшие свободные места на подъеме ступеней.

Я поставила свой кофе и стала доставать свои принадлежности, копаясь в сумке в поисках ручки и папки.

— Как я говорил, — продолжил Эрик, — этот курс должен был преподавать Бен Джексон.

Бен, по большей части, был нашим любимым учителем, но ему предложили роль в этом новом убийном шоу на Бродвее, которое может занять весь семестр.

— Но, как вы все знаете, он уехал в Нью-Йорк на несколько месяцев. И на этот период заменять его будет один из наших самых талантливых бывших студентов... Мистер Тейлор.

Наконец, на дне своей сумки я отыскала тупой карандаш. В этот момент Келси схватила меня за локоть и потянула к себе. Я подняла взгляд на неё, а потом перевела его на переднюю часть класса, куда смотрела она. А потом карандаш, который я так усердно искала, выпал из моей руки и укатился, пропав в бездне под ступенями.

Новый преподаватель глядел на меня, несмотря на то, что все хлопали, и ему, наверное, следовало бы помахать или хотя бы улыбнуться. Наши глаза встретились, и я вдруг обрадовалась, что уже поставила кофе.

Потому что всего восемь часов назад мой новый преподаватель находился голым в моей постели.

И это был Гаррик.

Такое чувство, будто прошло несколько часов прежде, чем он отвёл от меня взгляд. Сделав это, он неловко улыбнулся классу и рассеяно ослабил узел галстука вокруг шеи.

— Спасибо, Эрик. Но, пожалуйста, зовите меня Гаррик.

Мне показалось, что я практически ощущала гормоны, выделившиеся в воздухе, когда девушки в комнате слышали его акцент. Я почувствовала, что Келси смотрит на меня, но не отрывала взгляда от одного из софитов, висящих наверху, и попыталась успокоить своё быстро колотящееся сердце. Это плохо. **ОЧЕНЬ ПЛОХО.**

— Как Эрик уже сказал, я учился здесь, а потом в мае этого года выпустился из Университета Темпл в Филадельфии с дипломом магистра изящных искусств по специальности «Актёрское мастерство». Я работал там, на театральной сцене, около шести месяцев, когда позвонил Эрик и спросил, не заинтересует ли меня временная должность здесь.

Я взглянула на него краем глаза, одновременно ожидая и страшась мысли о зрительном контакте с ним. Он не смотрел на меня. На самом деле, все его тело было повернуто к студентам на другой стороне комнаты, практически игнорируя целую секцию, где я сидела. Кроме того, что он демонстративно не глядел в мою сторону, не было никаких признаков того, волновался ли он или все-таки был измотан, тогда как я могла чувствовать жар на своих щеках и дрожание рук, которые я зажала между коленями.

— Мне нравилось здесь учиться, и я, э-э...

Он посмотрел на меня, и я не смогла не ответить на его взгляд, сидя окаменев и широко раскрыв глаза. Он прочистил горло и вернул свой взор на другую часть комнаты.

— Я очень рад тому, что вернулся.

Мне хотелось уползти в нору и умереть.

Мне хотелось уползти в нору на дне ущелья, чтобы меня занесло лавиной, и умереть.

Мне хотелось... плакать.

Эрик извинился и оставил нас, чтобы мы могли познакомиться с нашим новым учителем. Мне тоже хотелось откланяться, потому что мне посчастливилось познакомиться с ним слишком близко.

— Ну что ж, — начал Гаррик. — Я так понимаю, что не многим старше вас.

Ещё один взгляд в мою сторону. Мне стало трудно глотать.

— Но моя цель здесь состоит в том, чтобы дать вам некоторое представление о следующем шаге вашего путешествия, от человека, который сам не так далеко продвинулся. Мы все любим Эрика, Бена, Кейт и остальных на факультете, но давайте смотреть правде в глаза — они не самые молодые ребята в корпусе.

Весь класс взорвался от смеха. Я же сосредоточилась на том, чтобы меня не вырвало.

— Когда они начинали свою карьеру, все было по-другому. Когда я сидел там, где вы сейчас, мы называли этот курс «Подготовкой к выпуску». Думаю, теперь он называется «Театральное дело». В нем мы охватим все аспекты: от прослушиваний до карьерных возможностей и профсоюза актёров. Также на уроках мы будем говорить о более абстрактных вещах. Потому что я не хочу разочаровывать вас, ребята, но самое сложное в этом деле не получение ролей или сведение концов с концами, хотя это и сложно. Самое трудное — остаться собой и в первую очередь помнить, почему вы выбрали именно эту профессию.

Он не пытался особо напугать нас, говоря о нашем будущем. Мы и так все находились в режиме высокого уровня угрозы. С тех пор, как начался год, мы посреди ночи вели разговоры о самоанализе (в пьяном виде, конечно).

— Сейчас, если вы не против. Я бы хотел услышать кое-что о каждом из вас. Почему бы вам не назвать свои имена и не рассказать мне, чем бы вы хотели заняться после окончания учёбы.

В классе нас было около двадцати человек. Первые восемь или около того назвали свои имена и после этого обязательно сказали:

— Я перееду в Нью-Йорк.

Когда ты — актёр, то переезд в Нью-Йорк является чем-то вроде мечты. Те, кому везёт, могут это запланировать. Но некоторым из нас приходится более реально смотреть на вещи.

Кейд, мой лучший друг после Келси, сказал:

— Кейд Уинстон. На данный момент я немногорываюсь между высшей школой или простым хождением на прослушивания.

Гаррик улыбнулся, и хотя я была ужасно взволнована, но тоже улыбнулась. Я чувствовала, что в моей жизни много всего... не только актёрство.

Он сказал:

— Хорошо. Это честно, Кейд. И чем честнее ты будешь с собой, тем лучше. Надежды и мечты — это прекрасно, но их легче разрушить, чем чёткий план. Посмотрим, сможем ли мы за время курса понять, чего именно тебе хочется.

После этого все будто почувствовали, что могут говорить действительно то, что думают, а не то, что от них ожидают услышать.

Мы так много времени тратим на то, чтобы защищать свой выбор, что становится трудно проявлять хоть какую-то слабость. Столько раз приходится выслушивать просьбы других отступить, когда что-то не получается, что ты начинаешь думать, что, возможно, отступление и должно быть твоим планом.

Иногда мне хочется быть немного похожей на Келси. Она практически бесстрашна. Хотя, я думаю, быть немного бесстрашной легко, когда твоя семья при деньгах.

— Келси Саммерс. Я собираюсь взять перерыв на год, чтобы попутешествовать и просто поизучать жизнь прежде, чем решить, чем заняться. Люди всегда говорят, что самые интересные актёры выходят из интересных людей, так что я полагаю, это хорошее вложение: провести время, чтобы стать ещё более обворожительной, чем уже есть.

— Примадонна, — пробормотала я себе под нос.

Она сощурила глаза и в ответ ущипнула меня за руку. Я вскрикнула и чуть не свалилась со своего места в тот момент, когда Гаррик посмотрел на меня и спросил:

— А ты?

Потирая руку, мне пришлось отвести от него взгляд прежде, чем ответить:

— Блосс Эдвардс. Я немногорываюсь между актёрством и режиссурой. А так как магистерских программ по сути, где можно заниматься и тем, и другим, нет, то я просто буду двигаться вперёд, и выйду, э-э, на рынок труда или вроде того.

Я снова посмотрела на него, но его взгляд уже переместился на Дома, который сидел на ряд выше меня. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Рука Келси нашла мою и сжала её. Представления продолжались ещё двадцать минут, потому что мы же — люди театра. Нам нравится слушать себя. Когда осталось всего пять минут до конца урока, Гаррик сказал:

— Замечательно. Кажется, вы, по крайней мере, задумались о следующем шаге. В среду я хочу, чтобы вы пришли в класс со своими резюме и фотографиями и были готовы к

прослушиванию.

— Зачем? — спросил Дом. — Это же первая неделя курса. У нас не было никаких прослушиваний в течение нескольких недель.

Дом любил слушать себя гораздо больше, чем остальные.

— Это не имеет значения, — ответил Гаррик. — В настоящей жизни вы будете ходить на десять прослушиваний в день. У вас может быть неделя на подготовку или всего лишь час. Ваша работа — только актёрство, если вы получили роль, а до тех пор вашей работой являются прослушивания, поэтому вам лучше быть способными их проходить. Вы свободны. Увидимся в среду.

Он усмехнулся. Эта улыбка была не столь волнующей, как вчера ночью, но её было достаточно, чтобы заставить меня спотыкаться, спускаясь по ступенькам вниз.

Я была уже у занавеса в десяти футах от двери, когда услышала голос Гаррика:

— Мисс Эдвардс, могу я с вами поговорить?

Выражение лица Кейси граничило между жалостью и ликованием. Впервые за двенадцать часов мне захотелось ударить ещё кого-то, кроме самой себя.

— Встречаемся на ланче в полдень? — спросила она. Я кивнула. Даже сейчас, я не была уверена, что доживу до полудня. Черт подери, я даже не была уверена, что мне хватит смелости пойти на следующее занятие.

Я помедлила, прежде чем пойти к нему, ожидая, пока опустеет класс. В данный момент Дом забрасывал Гаррика вопросами, так что я смогла перекинуться парой слов с Кейдом. Тогда, как Кейси была подругой, которая таскала меня по барам и поощряла дурацкое поведение, Кейд был другом, всегда знающим, что правильно сказать.

Его первыми словами были следующие:

— По шкале от одного до злости, как твоё похмелье?

Я улыбнулась уголками губ. Это все, что я могла сделать, справившись с вихрем эмоций, но все же это была улыбка.

— Зависит от... Прямо сейчас? Твёрдая семёрка. Если Дом попытается поговорить со мной... Нам придётся увеличить шкалу.

Он засмеялся, и что-то заставило меня задуматься о том, как бы все прошло, расскажи я ему свой секрет вместо Кейси. Почему-то я сомневаюсь, что все получилось бы именно так.

— Я должен бежать. Политология, — он скорчил гримасу, и я согласилась, радуясь, что расправилась с ней ещё в том году. — Встретимся сегодня вечером?

— Конечно, — на этот раз я улыбнулась, потому что с Кейдом можно было отлично отвлечься, и, определённо, это то, что мне было нужно.

Он чмокнул меня в щеку и ушёл по своим делам.

Я повернулась к Гаррику и обнаружила, что тот смотрит на меня. Его глаза потемнели и сузились. Дом давно ушёл. Должно быть, он вышел через дверь в другом конце комнаты. Несколько секунд мы неловко стояли. Его руки были в карманах, а мои теребили сумку, висящую через плечо.

Наконец, он откашлялся.

— Как твоя нога?

Я сглотнула и опустила взгляд на ноги. Сегодня я надела юбку, чтобы они были открыты. Я согнула ногу, показывая ему повязку.

— Хорошо. Я перевязала её сегодня утром. Все покрылось волдырями, но насколько я могу судить или в соответствии с интернетом, это нормально.

Я снова посмотрела на него, но его взгляд все ещё был прикован к моим ногам.

Я напряглась. Боже, это было так неудобно.

Он опять прочистил горло.

— Итак... Ты учишься в колледже.

— Итак... Ты — нет.

Постояв ещё секунду, он резко развернулся, сделал пару шагов в сторону от меня, а затем вернулся назад. От досады он взъерошил пальцами волосы, и я могла думать лишь о своих пальцах в его волосах и о том, какими невероятно мягкими они были.

— Я думал, — начал он. — Ну, я особо не задумывался об этом. Но ты не похожа на студентку колледжа. Я сказал, что ходил здесь в школу и только недавно сюда вернулся, а ты ответила: «Я тоже». Поэтому я просто предположил, что ты сделала то же самое.

Все это время я растерянно моргала. Я не собиралась плакать или что-то ещё, но просто не могла остановиться. Я произнесла:

— Я жила в Техасе, когда была совсем маленькой. Я имела в виду, что вернулась сюда учиться.

Он кивнул, а потом ещё раз. И так он кивал, а я моргала, и никто из нас так и не сказал того, что на самом деле стоило.

И поскольку я не могла больше молчать, то заговорила первой:

— Я никому не скажу.

Его брови взметнулись вверх, но я не могла сказать, было ли это от удивления, осуждения или просто лицевой тик.

— Я имею в виду, о том, что что-то было... Что мы... То есть, по сути, мы не делали... Э-э, не делали зверя с двумя спинами ^[5] и все такое.

БОЖЕ. МОЙ.

УБЕЙТЕ МЕНЯ СЕЙЧАС УБЕЙТЕ МЕНЯ СЕЙЧАС УБЕЙТЕ МЕНЯ СЕЙЧАС УБЕЙТЕ МЕНЯ СЕЙЧАС

Зверя с двумя спинами? Серьёзно?

Мне двадцать два года, и вместо того, чтобы просто выплюнуть слово «секс», я сослалась на Шекспира! Действительно неловкой отсылкой к Шекспиру.

И он улыбнулся! И его улыбка творила что-то смешное с моими внутренностями, заставив меня думать о прошлой ночи, о чем точно не нужно было думать сейчас. *Никаких зверей. Никаких спин. Никакой прошлой ночи.*

Я отвернулась, стараясь сдержаться. Я глубоко вздохнула и произнесла как можно спокойнее:

— Это не должно было быть чем-то серьёзным.

Ему потребовалась секунда прежде, чем ответить, и я удивилась, ждал ли он, что я посмотрю на него. Если и так, то ждал он недолго.

— Ты права. Мы оба взрослые. И можем просто забыть о случившемся.

Я ни за что не смогла бы забыть об этом. Но я могу притвориться. Я могу сыграть.

— Да, — кивнула я.

Я собралась уже уходить, но его голос остановил меня:

— Как твоя кошка?

— Какая кошка? Ах, точно! МОЯ КОШКА. Кошка... Да, моя. Ох, она... — я же ведь говорила, что это она? — С ней всё в порядке. Всё время мяукает, мурчит и делает другие кошачьи дела.

Господи, ну почему дверь так далеко?

Я продолжала идти к выходу, произнося свои последние слова через плечо:

— Мне нужно идти на занятия. Увидимся в среду, да? Пока!

Я быстро выскочила за дверь, прошла по коридору в крыло факультета искусств, минуя класс керамики, и закрылась в уборной, которой никто никогда не пользовался. Я опустилась на

колени (на ПОЛ УБОРНОЙ. Определённо я была в смятении, потому что... ЭТО ГАДКО.).

Я попыталась восстановить дыхание. Да уж, это только мне могла прийти в голову идея завести роман с преподавателем. Но одно я знала наверняка: я ни за что на свете не пойду на следующий урок.

— Клянусь, в воздухе от неловкости ощущалось такое напряжение, что казалось, вот-вот грянет молния.

В студенческой столовой я прижалась лицом к столу, в то время как Келси пыталась накормить меня картошкой фри и другими замечательными углеводами.

Она равнодушно похлопала меня по спине. В Келси не было ничего, хоть отдалённо напоминающего материнскую заботу, но, по крайней мере, она попыталась меня приободрить.

— Ты преувеличиваешь, Блосс. Единственное напряжение, которое чувствовалось в воздухе, это сексуальное. Я имею в виду, что он смотрел на тебя не часто, но когда это происходило... Привет, обморок!

— Я не доживу до конца семестра в его классе.

— Не смейся меня. Ты же актриса. Все актёры постоянно спят друг с другом, и ничего, живут с этим дальше. Чёрт, разве ты не помнишь первый год обучения, когда не хотела обжиматься с Домом в одной сцене, и Эрик отправил вас в другую комнату целоваться до тех пор, пока вам не станет комфортно друг с другом?

— И зачем ты вспоминаешь второй на сегодняшний день самый ужасный момент в моей жизни?

Она закатила глаза.

— Потому что ты пережила его.

— Я никогда не переживу язык Дома в своей глотке. Я до сих пор чувствую привкус дерьма.

— Всё будет в порядке, Блосс. Всего лишь пять месяцев. И ты будешь его видеть всего лишь три часа в неделю. Все закончится, не успеешь оглянуться. А потом ты сможешь ещё разок перепихнуться с ним прежде, чем отправиться в путешествие по миру со мной.

— В твоих словах так много сумасшедших идей, что я не знаю, с какой начать.

— Начни с еды, или мы опоздаем на Режиссуру.

Всё ещё ворча, я сунула в рот несколько кусочков картофеля фри, чтобы успокоить её. Она стала рыться в сумке в поисках телефона, но её руки нащупали что-то ещё:

— Ой, я совсем забыла. У меня есть Эдвил ^[6] ... тебе нужно?

Я проглотила картошку и спросила:

— Зачем мне таблетки?

Келси наклонила голову набок.

— Тебе разве не плохо после... ну ты знаешь... твоего вчерашнего события?

Блосс, ты — тупица. Ужасная тупица.

— Ах, да! Верно. Нет, я в порядке. Я выпила пару таблеток утром. Я себя нормально чувствую, спасибо.

— Вот это моя девочка.

Оставшуюся часть дня я провела на автопилоте, готовая в любой момент вернуться домой, залезть в свой кокон и забыть всё, как сон. Я даже не потрудилась снять одежду прежде, чем плюхнуться на кровать.

Пару часов спустя меня разбудил телефонный звонок. Это был Кейд.

— Привет, детка. Готова потусить?

Я спросонья посмотрела на часы. Только семь часов вечера.

Я зевнула.

— Ага... конечно. Какие есть идеи?

— Ну, я подумал...

— Только никакой выпивки, — перебила я Кейда. — Я не вынесу.

Он засмеялся.

— Не хочешь похмелиться? Хорошо... Сегодня вечером Линдси выступает в Гринде. Как насчёт чашечки кофе?

Я снова зевнула. Линдси тоже была с театрального факультета. Вечер, проведённый за прослушиванием её музыки, будет лёгким и приятным. Именно то, что мне нужно.

— Кофе — то, что надо.

Когда двадцать минут спустя я вышла на улицу, то стала параноидально оглядываться вокруг, боясь столкнуться с Гарриком. Убедившись, что рядом никого нет, я быстро добежала до стоянки и запрыгнула в старую побитую Хонду Кейда.

Он встретил меня улыбкой. Я подавила в себе желание посмотреть в сторону квартиры Гаррика.

— Я забыл сказать до этого, что ты отлично выглядела сегодня. То есть, не считая твоего чудесного похмелья. Ты никогда не надеваешь юбки на занятия.

Мне хотелось сказать: «*Давай, езжай уже!*», но это прозвучало бы ненормально даже для меня. Поэтому я ответила:

— О, я обожгла ногу, и мне не рекомендуется носить облегающую одежду.

— Серьёзно? — спросил он. — Что случилось?

Совершенно точно я не могла назвать ему настоящую причину. Потому что ему захотелось бы узнать, чей это был мотоцикл, почему я была с ним и бла-бла-бла.

— Ну, я обожгла её своим выпрямителем.

— Ты обожгла ногу выпрямителем? Насколько у тебя длинные волосы на ногах?

Если вы думаете, что после двадцати четырёх часов вранья, у меня стало получаться лучше, то вы ошибаетесь.

— Ха-ха. Как смешно! — я поморщилась. — Я задела и скинула его с тумбочки, дурак, и он ударил меня по ноге.

Я возилась с отверстием кондиционера, который едва работал в его рухляди.

— Только не пролей на себя кофе. Или даже... кофе со льдом.

Я ответила:

— Есть, капитан.

Гринд представлял собой маленький симпатичный домик на окраине кампуса, который несколько лет назад превратили в кофейню. Внутри можно было заказывать кофе, а снаружи располагалась веранда, где большинство вечеров играла живая музыка. Сегодня внутри былолюдно. Я отправила Кейда на улицу, чтобы он нашёл нам места, а сама решила заказать напитки. Я взяла себе мокко со льдом и смузи для Кейда. Он даже не любит кофе, но приходит сюда из-за меня.

В очереди я стояла десять-пятнадцать минут, так что к тому времени, как вышла на улицу, я понятия не имела, где находился Кейд. Я проходила мимо столов, кивая людям, которых знала, стараясь не встречаться глазами с остальными. Я поймала взгляд Линдси, находящейся на сцене, и та ухмыльнулась мне.

Наконец, я заметила, что Кейд стоит у столика впереди. Замечательное место, учитывая то, как переполнено это кафе.

Я подошла к нему сзади и толкнула локтём в спину.

— Боже, Кейд, я думала, что никогда не найду тебя здесь. Ты не мог, по крайней мере, написать?

Кейд бросил на меня взгляд через плечо, потом обнял меня за плечи и забрал смузи из моей левой руки.

— Извини, детка, я разговаривал и отвлёкся. Смотри, кто у нас там!

Он вытащил меня вперёд. Передо мной стоял Гаррик.

На этот раз мне повезло не настолько, чтобы мой кофе уже стоял. Поэтому, когда я увидела Гаррика, стаканчик выскользнул у меня из руки и облил все ноги.

Кейд со своей супер-быстрой реакцией едва увернулся, чтобы не забрызгать свои Томс [\[7\]](#).

— Ё-моё, Блосс. Я пошутил насчёт кофе со льдом, но рад, что ты прислушалась. Клянусь, раньше ты не была такой неуклюжей.

Я всё ещё не могла говорить. Мои ноги были холодными и липкими. Но лицо, похоже, сильно горело.

— Сюда, — сказал Кейд. — Садись. Мистер Тейлор сказал, что мы могли бы присоединиться к его столику.

— Гаррик, Кейд.

Уверена, он сказал это Кейду уже десять раз.

Но парень проигнорировал его и повернулся ко мне.

— Сбегаю внутрь и принесу тебе несколько салфеток. Хочешь другой напиток?

— Нет, нет. Со мной всё хорошо, Кейд. Остайся. Я пойду, приведу себя в порядок.

— Забудь об этом. Ты же любишь музыку Линдси гораздо больше меня. Все эти песни: «Перемены», «Девичья сила» и прочие. Не хочу, чтобы ты пропустила их. Садись.

На этот раз его руки давили мне на плечи, пока я не плюхнулась на стул. Тогда он удалился, и я снова осталась наедине Гарриком.

— Что ты здесь делаешь? — мой вопрос вышел сердитым.

Для сравнения, он же был милым и спокойным и, возможно, слегка грустным.

— У меня в квартире ещё не подключили интернет, а мне нужно проверить электронную почту. Я могу уйти, если хочешь.

ДА.

— Нет, — выдохнула я. — Я не собиралась тебя прогонять. Мне бы просто не хотелось, чтобы ты приглашал нас за свой столик.

— Ну, Кейд не говорил, что он здесь с тобой. Я просто пытался быть любезным.

— Прости... Просто я... Мне неудобно. Кейд не в курсе...

— Я не собираюсь ничего ему говорить, если ты об этом беспокоишься. Я хотел бы сохранить эту работу, ну и, кроме того, твоя личная жизнь не моё дело. То, что произошло между нами, окончено.

Когда он говорил, его голос звучал твёрдо.

Окончено? И почему это похоже на удар в живот? Он сжал зубы, что привлекло мой взгляд к его сильной, гладкой линии подбородка.

— Ты побрился, — сказала я. Определённо... не подумав.

Он разжал зубы и в замешательстве посмотрел на меня.

— Ну да.

Мы сидели молча, и я не могла перестать его разглядывать. Его глаза были синими как океан, и без щетины он выглядел моложе: менее невероятно сексуальный и больше похожий на жаркого соседского парня.

Взгляд Гаррика остановился на моих губах, и я поняла, что закусил нижнюю губу. Боже, как же я хочу снова поцеловать его.

Я вскочила со своего места.

— Это была плохая идея. Я пойду. Скажи Кейду, что я заболела или что-нибудь в этом

роде.

Гаррик тоже встал.

— Нет, Блисс, подожди. Прости. Не уходи. Я... Чёрт, даже не знаю, что я буду делать. Я просто буду тихо сидеть здесь, можете не обращать на меня внимания. Обещаю.

В этот момент Линдси снова поднялась на небольшую импровизированную сцену, зажётся свет, и ей начали аплодировать.

Если я собиралась уйти, то это нужно сделать сейчас. Если я встану посреди выступления, Линдси заметит это и разозлится.

Но вопреки голосу здравого рассудка я села обратно на своё место.

Гаррик сдержал своё обещание и сидел, не отрывая глаз от монитора. Пока Линдси играла, я сидела тихо, держа шею в напряжении, чтобы снова не начать его разглядывать.

Кейд вернулся именно в тот момент, когда Линдси представлялась.

— Эй, — прошептал он. — Рэнди был занят, но разрешил мне взять полотенце. Я подумал, что это лучше, чем целая куча салфеток.

Затем Кейд поднял одну из моих липких ног себе на колени, снял туфлю и стал вытирать кофе влажным полотенцем. Я захихикала, когда он коснулся самого щекотного места. В этот момент я услышала, что Гаррик перестал печатать. Инстинктивно я взглянула на него, но тот смотрел на Кейда... и на мои ноги. Я закашлялась и отдернула ногу, одновременно забрав полотенце из рук Кейда.

— Спасибо, но думаю, что я справлюсь сама. Ты делаешь мне щекотно.

Гаррик вернулся к своему компьютеру, Кейд сосредоточился на Линдси, а я наклонила голову, чтобы получше рассмотреть свои ноги. Убедившись, что они не смотрят, я зажмурила глаза и издала беззвучный крик. Настоящий крик, конечно, был бы лучше, но в данном случае выбирать не приходилось.

Я узнала первые несколько песен Линдси, так как слышала, как она исполняла их несколько раз до этого: на сцене и в артистическом фойе по время репетиции и между занятиями. У неё было такое великолепное несовершенное акустическое звучание, а слова всегда являлись своего рода публицистикой, призывающей людей на всякую чепуху. Вот почему, когда она наклонилась к микрофону и объявила свою следующую песню, я была крайне удивлена.

— Следующая песня немного отличается от остальных. Чудесный владелец этого заведения, — она указала куда-то в сторону. — Помаша им, Кенни. — Он принуждён на неё посмотреть, но все же замахал. — В любом случае... Кенни попросил, чтобы я сыграла, по крайней мере, одну песню, которая не была бы... Как ты выразился, Кенни? Суровой и политической, кажется, так он сказал. А так как я не умею писать ничего подобного, то спою песню, написанную моим другом, пожелавшим остаться анонимом. Она называется «Соппротивление».

Песня началась мягко с простым нарастанием аккордов, похожим на обычное звучание Линдси. Но потом она изменилась, стала печальной, страстной, почти отчаянной. Она запела... И я пожалела, что не ушла, когда у меня была возможность.

Не имеет значения, как близко, ты всегда далеко.

Где бы ты ни была, ты всегда притягиваешь мой взгляд.

Тихие разговоры, до этого заполнявшие кафе, прекратились. Это было настолько резкое изменение, что все глаза устремились к ней. Но могу поклясться, что один взгляд я чувствовала на себе.

*Я устал от нашего притворства,
Надоело постоянно желать и не сдаваться.
Я чувствую это кожей, вижу в твоей усмешке.
Мы больше этого. И всегда были.
Думая обо всем, что мы упустили.
Каждое касание и каждый поцелуй.
Потому что мы оба настаивали.
Сопrotивляясь.*

Его взгляд буквально физически ощущался на коже. Моё сердце глухо застучало в груди, а дыхание стало прерывистым. Я не хотела сопротивляться. Я ничего не могла с этим поделать. Я посмотрела на него.

*Задержи дыхание и закрой глаза,
Отвлекись на других парней.
Не удивительно, ты, побеждённая, вздыхаешь.
Не устала ото лжи?*

Но Гаррик не смотрел на меня. Он не печатал, но был сосредоточен на компьютере и выглядел таким... незаинтересованным. Может это я? Просто придумала все?

*Думая обо всем, что мы упустили.
Каждое касание и каждый поцелуй.
Потому что мы оба настаивали.
Сопrotивляясь.
Не имеет значения, как близко, ты всегда далеко.
Где бы ты ни была, ты всегда притягиваешь мой взгляд.*

Внезапно мне не захотелось больше здесь находиться. Я не могла быть так близко к нему. Я просто сойду с ума. Это глупо... даже глупее, чем связь на одну ночь, которая могла бы быть, но он мне нравился. Он не любил Шекспира, ездил на мотоцикле и был моим учителем... но он мне нравился.

*С меня хватит. Я не буду игнорировать.
Не буду притворяться или сопротивляться.
Я хочу большего.*

Линдси доиграла последние аккорды, потом высунула язык и сказала:

— Жесть. Ну что, Кенни, ты доволен?

Кейд захохотал и громко закричал. Толпа начала аплодировать и свистеть. Я попыталась поднять руки, чтобы присоединится к ним, но они оказались словно налиты свинцом и прилипли к коленям.

Я взглянула на Гаррика, и на этот раз он смотрел на меня. Его глаза стали темнее, и когда наши взгляды встретились, он не попытался отвести его. Может быть, я не понимала его взгляда раньше. Мы поедали друг друга глазами до тех пор, пока аплодисменты не стихли, и я впервые за всю свою жизнь действительно поняла, что значит «сердце готово выскочить из груди». Будто внутри меня что-то отчаянно пыталось выбраться наружу.

Чтобы не сойти с ума, я отвела взгляд, поднялась и потянула Кейда за локоть.

— Эй, что случилось? — Он так хорошо понимал меня, и я заметила, как веселье в его глазах сменилось беспокойством. — Всё в порядке?

— Да, конечно, просто я устала. Можешь отвезти меня домой?

— Конечно.

Кейд прижал ладонь к моей щеке, как делала моя мама, когда проверяла, нет ли у меня температуры. Он едва оторвал от меня взгляд, когда произнёс:

— Спасибо, что разрешили присоединиться к вам, мистер Тейлор. Увидимся в среду.

— Пожалуйста, зови меня Гаррик, Кейд. Спокойной ночи вам.

Когда Гаррик говорил, то смотрел только на Кейда, что, возможно, было к лучшему. Обняв меня за плечи, мой друг провёл меня под аркой в сторону парковки.

Ещё никогда в жизни я не испытывала такой радости, садясь в ржавую, пахнущую маслом и сыром машину. Кейд уселся за руль.

— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Да, честное слово, я просто устала.

— Ладно. — Но, кажется, я его не убедила. — Давай отвезём тебя домой.

Он повернул ключ, но ничего не произошло. Машина не завелась, фары не загорелись, ничего.

— Вот... дерьмо!

— Что? — спросила я. — Что это значит?

— Это значит, что моя машина — кусок дерьма.

Кейд ещё раз повернул ключ, и когда машина снова не завелась, он со злостью ударил по рулю. Я забралась с ногами на сиденье и положила голову себе на колени.

— Подожди немного.

Кейд вышел из машины и поднял капот. Я осталась сидеть внутри, свернувшись калачиком, и попыталась мысленно стереть из памяти последние двадцать четыре часа. Где-то между анализом каждого взгляда Гаррика, брошенного на меня за этот вечер, и планами, как мне себя вести и что говорить на следующем занятии, я, должно быть, уснула.

В следующий момент я почувствовала, что Кейд трясёт меня за плечо, пытаюсь разбудить, а машина так и не завелась. Я потёрла глаза и вышла из неё.

— Извини, кажется, я устала гораздо больше, чем предполагала.

— Слушай, мы не можем завести машину и перепробовали всё, что только можно.

Мой мозг никак не мог понять, почему «мы», пока капот не начал закрываться, а Кейд всё

ещё стоял рядом со мной.

Ну конечно, Гаррик опять был здесь. Потому что вселенная просто не могла облегчить мне жизнь.

— Мы даже пробовали запустить двигатель от аккумулятора мотоцикла мистера Тейлора.

— Я же сказал тебе, Кейд, зови меня Гаррик.

— Да, да, я помню. Но, в любом случае, так как я живу недалеко отсюда...

О, Господи. Нет. Пожалуйста, только не это. Кейд был научным ассистентом в одном из общежитий, что означало, что он мог дойти до дома пешком. Я же, напротив, жила в нескольких милях от кампуса.

— Я спросил у мистера Тейлора, и он сказал, что может отвезти тебя домой. Как оказалось, вы живете в одном жилом комплексе.

— Да неужели? — я попыталась улыбнуться сквозь сжатые зубы. — Это очень мило с его стороны, но я просто могу позвонить Келси, чтобы она забрала меня. Ничего страшного.

— Но вам же в одно место...

Смущение Кейда было милым, но мне почему-то захотелось врезать ему по голени.

— Да, но...

— Блисс... — вмешался Гаррик. Боже, мне никогда не надоест слушать, как он произносит моё имя с этим восхитительным британским акцентом.

— Всё нормально. Правда. Я не против, и мы будем у тебя дома в считанные минуты. Обещаю.

Он смотрел на меня так, будто это было самой обычной вещью на свете. Будто обнимать его за талию во время поездки — абсолютно нормально. Будто у меня всё ещё не перевязана нога с последнего раза, когда я сидела на мотоцикле.

Кейд зевнул. Он выглядел таким же уставшим, как и я. И я знала, что, если откажусь от этого предложения и буду ждать Келси, он останется со мной.

Я потёрла глаза и глубоко вздохнула. Но не достаточно глубоко.

— Хорошо. Спасибо... мистер Тейлор. До завтра, Кейд.

Кейд улыбнулся, не заметив моих мучений, и сказал:

— Отлично!

Он быстро поцеловал меня в лоб, попрощался с нами обоими и побежал через дорогу в сторону кампуса.

На этот раз я даже не стала пытаться успокоить своё дыхание. Я знала, что это не поможет. Я расправила плечи и повернулась к Гаррику лицом.

Секунду он смотрел на меня, нахмурившись, а потом произнёс:

— Ты не можешь называть меня мистером Тейлором.

Несмотря на напряжение между нами, я рассмеялась. Это, и правда, было смешно... при сложившихся обстоятельствах.

— Хорошо... Гаррик.

Не найдя лучшего способа, он просто протянул мне шлем и забрался на мотоцикл. Ему не нужно было предупреждать меня насчёт выхлопной трубы, когда я садилась на байк, но он всё равно сказал.

Сегодня он надел тонкий пиджак, потому что холодный фронт (ну или... насколько он может быть холодным в Техасе) как раз надвигался. Вместо него я ухватила за пиджак. Так ехать было даже страшнее из-за невозможности держаться за что-то твёрдое, но я отвергла мысль обхватить его руками. В основном из-за того, что я не была уверена, что мне хватит силы воли отпустить его, если я всё же это сделаю.

Когда мы приехали, я слетела с мотоцикла за считанные секунды. Думаю, что я

попрощалась. Если честно, то я была в такой панике, что попросту сбежала. И он позволил мне. Когда я влетела в свою квартиру, то рискнула обернуться. Он был всё ещё на мотоцикле, и спустя пару секунд развернулся и уехал. Я смотрела, как он уезжает, борясь с сумасшедшим желанием последовать за ним.

Неважно, что я чувствовала... Но между нами ничего не могло быть.

В среду я прождала в актёрском фойе до последнего момента, так что класс был уже заполнен, когда я вошла. Как нам было сказано, у меня с собой была фотография и резюме, и я села к Кейду подальше ото всех, так что меня и Гаррика отделял десяток человек.

Примерно через минуту после девяти Гаррик призвал класс к порядку.

— Ну, хорошо. Как я сказал в понедельник, мы не будем зря терять время и сразу вольёмся в самую гущу событий. Сегодня у вас будет пародия на прослушивание с использованием чтения без подготовки из пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание»». Если кто-то из вас не читал это произведение, то может сейчас расспросить о нём своих сокурсников. Я поделил вас на пары. Ваши распределения, кто в каком порядке будет читать, лежат на столе слева от меня. Я попрошу всех выйти, у вас будет десять минут на подготовку прежде, чем я вызову первую группу. Вы увидите, что сцена, которую я выбрал из пьесы, приводит к кульминационному моменту, когда Стэнли насилует Бланш, сестру своей жены.

— Чувак, он, что, реально насилует её?

Это был Дом, один из тех, кому, очевидно, следует пересмотреть свою специализацию.

— Да, Дом. Сейчас сложность прослушивания будет заключаться в том, что вам часто придётся изображать кульминационные сцены без возможности сыграть целиком спектакль, чтобы дойти до этого момента. Вы будете эмоционально слепы. Такие прослушивания для вас крайне важны. У вас есть десять минут на то, чтобы найти связь со своим партнёром и персонажем. Удачи!

Гаррик отошёл в сторону, и это было похоже на Чёрную Пятницу в Воллмарте, когда все бросились к столу, пытаясь ухватить своё задание и узнать своего партнёра. Мне же не особо хотелось лезть в эту толпу, но Келси схватила меня за локоть, не оставляя мне права на выбор.

Я взяла своё задание, узнав эту сцену. Гаррик не шутил, когда сказал, что сцена начинается с самого кульминационного момента. Бланш уже невероятно взбесилась. Я взглянула на листок с заданием, и знаете, что... я была в паре с Домом.

Я прижала руку ко лбу, почувствовав тупую пульсирующую боль вокруг левого глаза. Спустя минуту меня за плечи обнял Дом.

— Ну, кто бы мог подумать, мы снова вместе, Блисси.

Я сбросила его руку с плеча и направилась к двери.

— Давай просто покончим с этим, Доминик.

Когда я вышла из театра, все пары рассредоточились по всему коридору. Единственным свободным оставалось место прямо перед дверью театра, что практически на сто процентов гарантировало, что мы попадаем в самую первую группу. И это означало, что у нас будет гораздо меньше времени на подготовку, чем у остальных. От этой мысли я чуть не покрылась аллергической сыпью, но сегодня определён не мой день. Как бы там ни было, по крайней мере, у меня рано закончится урок.

— Хорошо, Дом, давай посмотрим, что у нас там.

Я потратила почти все десять минут на объяснение Дому пьесы и сцены. Он был одним из тех парней, которые хорошо выглядели и довольно неплохо играли самоуверенных засранцев (в

основном, потому что он сам был самоуверенным засранцем), но примерно это и было нужно.

— Итак, мой герой пьян, верно?

— Да, Дом.

— Мило. А ты сумасшедшая?

Я вздохнула.

— Ну, что-то в этом роде. Я слегка в бреду, а ты разрушаешь мои иллюзии.

— Отлично. Потом я нападаю на тебя.

Я закатила глаза. Какое это имело значение?

— Да, верно. В любом случае, вначале я буду сидеть в кресле, а ты войдёшь с левой стороны сцены, идёт? Вряд ли он заставит нас играть всю сцену, иначе это будет долго.

Это всё, что мы успели обсудить, потому что открылась дверь, и взгляд Гаррика упал на меня.

— Блосс, Дом, вы готовы?

Дом поднял меня на ноги против моей воли и ответил:

— Конечно, готовы, Гаррик.

«Готовы» было полной противоположностью того, что я чувствовала. *Ненавижу это чувство неподготовленности.*

Гаррик взял наши фотографии и резюме и около минуты молча рассматривал их. Я взяла стул, поставив его в центр комнаты, и села. Я сложила свой текст так, чтобы бумага не выглядела громоздкой. Он представил нас друг другу, будто мы никогда раньше не встречались, а потом разрешил начать.

Сцена начиналась с того, что Бланш, одетая в свой самый лучший наряд (включая и тиару), беседует вымышленным поклонником на вымышленной вечеринке.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы войти в образ, так как мои собственные чувства страха и беспокойства несколько противоречили блаженному неведению Бланш. Но как только я прочувствовала её, стало легко не замечать комнату, потеряться в её смехе, мечтах и иллюзиях. В тот момент, когда Дом вальяжно вышел на сцену, я не могла не отметить, что он получился отличным Стэнли. Абсолютно ничего не зная о пьесе, он излучал всю харизму Стэнли, его полное пренебрежение к Бланш.

Я воспользовалась своим волнением по поводу ситуации с Гарриком, позволив ему завладеть мной и направив его на Дома. После половины страницы текста Гаррик нас остановил.

— Хорошо, хорошо. Блосс, ты начала немного неуверенно, но к концу была безупречна. Дом, я думаю, ты действительно хорошо уловил Стэнли. — Я подавила желание закатить глаза. — Но... я не вижу в тебе столько связи с партнёром, сколько в Блосс. Она всегда уверена в тебе, согласует свои движения с твоими. Мне нужно, чтобы ты реагировал больше. Давайте пропустим немного до той сцены, когда ты выходишь из ванной. Начни с того, когда Бланш звонит в Вестерн Юнион, и посмотрим, сможете ли вы действительно сконцентрироваться на связи друг с другом.

Я кивнула, двигаясь в противоположную сторону от того места, где планировала поставить мнимый телефон. Пожалуй, он выбрал самую сложную для меня начальную сцену. Мы пропустили ту часть, где Стэнли разрушает чудесный идеальный мир.

Я представила себя, так как мне в любом случае придётся передать то же чувство страха и паранойи. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Страх. Паранойя. Как бы я себя чувствовала, узнай кто-то обо мне и Гаррике. Или узнай он, что я — девственница. Черт подери... Что я чувствовала, остановив нас перед самым сексом? Чистой воды страх и паранойю.

Ощущая себя намного увереннее, я открыла глаза и, жестикулируя, схватила телефон. Так как в одной руке я всё ещё держала сценарий, мне пришлось отказаться от динамика телефонной трубки и просто сделать вид, что говорю в приёмник. Я выдохнула в трубку, спрашивая оператора.

Страх казался таким реальным, что слёзы безо всяких усилий с моей стороны выступили у меня на глазах. Я продолжала болтать, паника усиливалась и заглушала мои слова.

Мой голос сорвался на крике о помощи. Ощущение ловушки пришло слишком легко. Оно душило.

Я услышала, как Дом встал позади меня, и замерла. Я попятилась, а он встал между мнимой дверь и мной. Он хитро посмотрел на меня, и мне не пришлось делать вид, будто я чувствую отвращение.

Я попыталась уйти, но он встал на моём пути. Я попросила его дать мне пройти, но он остался на месте. Смеясь, он начал подкрадываться ко мне, и я почувствовала, как стук моего сердца слегка подскочил.

Довольно долго я выходила из образа персонажа, думая о том, что мы сделали на самом деле хорошую работу. Намного лучше, чем я предполагала. Затем я заметила ухмыляющееся лицо Дома и снова вошла в образ.

Я старалась убежать от него, но он продолжал идти, по-прежнему смеясь. Его руки сомкнулись вокруг моих предплечий, притянув меня к себе.

Я боролась, изгибаясь всем телом в попытке вырваться.

Он притянул меня к себе, крепче сжав, достаточно крепко, чтобы я действительно почувствовала боль и лёгкую дрожь беспокойства, пробежавшую по спине.

Его лицо находилось прямо напротив моего так близко, что я почувствовала его горячее дыхание. Я предполагала, что должна буду сломаться, стать побеждённой, а он унесёт меня за кулисы для сцены изнасилования, но все пошло совсем не так.

Дом отбросил свой сценарий, схватил меня за шею и притянул для поцелуя.

Потрясённая, я оттолкнула его свободной рукой, но он продолжал наступать, не осознавая, что это протестую я, а не Бланш. Я толкалась и корчилась, но он был слишком силен, и его губы так крепко прижались к моим, что я ничего не могла произнести, чтобы остановить его. Я приготовилась к последнему движению сопротивления — быстрому удару коленом, когда Дома оторвали от меня.

Я хватала ртом воздух и смотрела навзволнованного Гаррика, отпускающего руку Дома, которую он скрутил под необычным углом.

— Где конкретно в сценарии ты увидел, что сцена развивается подобным образом, Доминик? — спросил Гаррик убийственно спокойным тоном.

Я не тратила времени на логические вопросы. Я налетела на Дома, отталкивая его назад.

— Какого чёрта это было, Дом? Сцена изнасилования происходит за сценой, придурок!

Когда я снова попыталась толкнуть его, он схватил меня за запястья.

— Эй, я пытался почувствовать связь. Я импровизировал. Так же поступают актёры!

Гаррик опустил ладонь на руку Дома, сжав её немного сильнее, чем, возможно, следовало. Дом тут же выпустил мои запястья, и я попятилась.

— Как бы то ни было, — начал Гаррик, — актёры также уважают друг друга. Если не хочешь, чтобы тебе предъявили обвинение в нападении, то прежде, чем распускать руки, согласуй это со своим партнёром. — Я видела, как маска спокойствия на лице Гаррика треснула. — А теперь иди. Ты свободен.

Я могла сказать, что Дом разозлился. Окинув меня уничтожающим взглядом, он толкнул дверь так сильно, что та ударилась о стену. На этой неделе я просто не могла передохнуть.

Вселенная бросала дерьмо во всех или только в меня?

Я почувствовала лёгкое, как пёрышко, прикосновение к своей руке, а потом передо мной встал Гаррик, бережно держа мою ладонь в своих руках. В том месте, где меня схватил Дом во время сцены, уже начал наливать синяк. Гаррик провёл рукой по своему лицу и посмотрел на меня.

— Возможно, я справился бы с этим лучше.

Я не осознавала, насколько сильно моя голова гудела, пока не засмеялась, и от этого движения боль отозвалась во всей голове. Бессознательно я закрыла глаза. Пальцы Гаррика коснулись моего подбородка, вызывая дрожь, как от землетрясения, там, где он дотронулся. Я не открывала глаза, потому что, пока они были закрыты, я не делала ничего неправильного, ведь так? Но открыв их, я увижу его великолепное лицо и эти губы... И перешла бы за черту, где все определённо было неправильным, неправильным, неправильным.

Но он прошептал: «Блисс...», что оказалось предупреждением прежде, чем его губы накрыли мои.

Я подумала о том, что идея с поцелуем просто ужасна, но уже ровно через три секунды не смогла думать уже вообще ни о чём. Его язык ворвался в мой рот, яростно и требовательно, изучая меня. Это была страсть в её самом первобытном проявлении. Я всегда пыталась понять, как возникает эта химия между актёрами, играющими вместе на сцене, о которой говорили режиссёры, и теперь сама чувствовала это. Любое его прикосновение вызывало во мне самую настоящую химическую реакцию: молекулы перемещались, изменялись и выделяли тепло.

Боже, было столько тепла.

Сквозь затуманенную голову я услышала громкий смех, узнав голос Келси, и оторвалась от Гаррика. Снаружи находилось множество студентов, ожидающих своей очереди выхода на сцену. Как же долго мы с ним пробыли здесь наедине?

Он шагнул за мной, но я жестом остановила его.

— Прекрати! Прекрати это! Ты не можешь просто взять и снова так поступить! Мы же решили забыть обо всем! И это твои слова! Ты не можешь говорить одно, а делать другое!

— Прости.

Вряд ли он сожалел. Он выглядел так, словно не прочь повторить это ещё раз.

Я покачала головой и направилась к двери.

— Стой, Блисс. Подожди. Мне очень жаль. Это больше не повторится, хорошо?

— Хорошо.

Это то, что я сказала. Но чувствовала себя как угодно, только не «хорошо». Он вёл себя так, словно я не жаждала этого поцелуя и вполтину так сильно, как он, но привет! Нам обоим было что терять. Ну, так почему только я думала о последствиях?

Я вышла и услышала голоса Дома и нескольких ребят, собравшихся недалеко от двери.

— Этот парень настоящий мудака. Вёл себя так, словно я пытался изнасиловать её или что-то типа того. Всего лишь поцелуй. Ничего такого, чем бы мы ни занимались раньше.

Я закатила глаза.

— И каким-то образом в этот раз вышло ещё хуже, чем в предыдущий. Разве со временем не должно наоборот получаться лучше, а, Дом?

Его друзья смеялись, но я все равно услышала, как он назвал меня сучкой.

Я не остановилась и просто продолжила идти дальше. У меня всё ещё оставалось время до следующей пары, чтобы купить самую огромную чашку с кофе, которую только смогу найти.

К счастью, конец недели обошёлся без особых происшествий. Гаррик держался на расстоянии, и, в конце концов, я начала приходить в норму. Каждый получил контрольное задание по режиссуре, что значило — пора браться за книги и уже выбрать, наконец, ту сцену, которую я сыграю. В пятницу на подготовительных курсах мы обсуждали наше прослушивание, и он попросил нас прочесть об Общественной актёрской ассоциации. Поэтому большую часть своих выходных я провела, просматривая пьесы, которые у меня были (так же те, что были у Кейда), и читала самую скучную схему организации Общественной актёрской ассоциации, которую только можно найти в этом мире.

На следующей неделе проводилась запись на наше самое первое в этом семестре Главное прослушивание, а для меня и последнее. Если я плохо справлюсь в пятницу, то до окончания учёбы у меня будет лишь один шанс показать себя. Я была на самом первом спектакле в этом году и выступала режиссёром второго, но с тех пор больше ничего. Они уже предложили мне стать режиссёром последнего спектакля этого года, но я была слишком напугана, чтобы принять

его, в случае, если не получу в нём роль. Боже, меня действительно начало накрывать. Я почти закончила учёбу, а моя жизнь и близко не напоминала ту, которую бы мне хотелось иметь. Когда три с половиной года назад я начала учиться, то думала, что к этому моменту у меня уже будет план.

Я думала, что точно знаю, чем хотела бы заниматься и куда отправиться. И если быть до конца честной... я думала, что к этому моменту уже встречу парня, за которого соберусь замуж. То есть, каждая супружеская пара, которую я знала, познакомилась в колледже, здесь же я была всего несколько месяцев, но идея брака в данный момент для меня казалась нелепой.

К тому же не особо помогало и то, что первым маминым вопросом каждый раз, когда мы разговаривали, был: «Ты нашла себе кого-нибудь?». Я на мгновение задумалась, а как она отреагирует, если я расскажу ей о нынешнем статусе моей любовной жизни в следующий раз, когда она спросит. Может быть, она взбесится. А может, спросит, когда мы планируем пожениться. Порой разговаривать с мамой бывает трудно.

Как люди в этом возрасте могут решать, с кем они хотят провести остаток своей жизни? Я не могу решить, что съесть на обед! Не могу решить, хочу ли я быть актрисой, хотя уже получила тридцать пять тысяч долларов образовательного кредита, как нельзя лучше говорящего мне, что я хочу быть актрисой.

К концу недели прослушивания появилось чувство, что в нашей ситуации с Гарриком не было «ничего особенного», и я продолжала утверждать, что так оно и было. Я заходила в класс в самый последний момент и, как правило, первой выходила из него. Верный своему слову, в классе он вёл себя профессионально, что в действительности просто означало, что мы сводили наше взаимодействие к минимуму. Я никогда не видела его в Гринде, и мы снова часто там бывали.

Он присутствовал на прослушиваниях, как и любой другой преподаватель. И даже его отсутствие не смогло бы ослабить моего волнения по поводу этого спектакля. Как актриса, я всегда тяготела больше к классическим ролям, чем к современным (отсюда и одержимость Шекспиром), и мы, наконец, сделали греческий спектакль (ну... во всяком случае, перевод греческого спектакля). Федра не была моим первым выбором, учитывая, что темой была запретная любовь, которая явно была не тем, в чем я сейчас нуждалась. Но, по крайней мере, у меня было отличное понимание своего характера, когда я прослушивалась. Правда, Федра вождедела своего пасынка, а не своего преподавателя, но чувства были схожими.

Долгое время я не особо хотела брать эту роль.

Когда настала моя очередь идти на прослушивание, я чувствовала себя хорошо, я бы сказала, уверенно. Я знала свои плюсы и минусы. Знала свой характер. Знала, каково это, когда ты не можешь получить то, что хочешь. Больше, чем что-либо... Я знала, каково это, когда ты чего-то хочешь и в то же время не хочешь. Я отдалась вожделению, страху и сомнению во время своего выступления. Я открыла себя тому, чего бы ни позволила себе в реальной жизни, потому что здесь... здесь я могу выразить себя, отдавать и притворяться, что это не я... притворяться, что это Федра.

Я была честнее под лучами прожекторов, чем при свете дня. Всё закончилось в течение нескольких минут, я вернулась в артистическое фойе, надеясь, что этого было достаточно.

Когда прослушивание закончилось, мы все отправились праздновать. Приглашения на повторное прослушивание раздадут утром, и можно будет беспокоиться потом, но на данный момент от нас ничего не зависело.

Все вместе (в основном, выпускники и студенты предпоследних курсов) мы заняли целую часть паба «Стамбл Инн». Даже то, что мы сидели за разными столами, не мешало нам громко переговариваться, и мало кого волновало, мешаем ли мы кому-то.

Вечер мы начали с текилы, которая немного жутковато напоминала мне вечер с Гарриком, но я отбросила эти мысли. Я была здесь с друзьями. Это поможет мне расслабиться и как следует повеселиться.

Я сидела за одним столом с Келси и Кейдом. Линдси тоже была здесь вместе с Джереми, симпатичным второкурсником, с которым я по пьяни целовалась в прошлом году. С тех пор он ещё долго ходил за мной по пятам, но я была уверена, что он в курсе — между нами ничего не могло быть. Сейчас же на него положила глаз наша помешанная на сексе красотка Келси. Потом Виктория, которая с лёгкостью могла бы сойти за незаконнорождённого ребёнка Линдси и Келси. У неё была грудь Келси (и её же распутность) вместе с позицией Линдси «я ненавижу всё и всех». Последним за столом сидел Расти, который был королём случайностей и прочих весёлых приколов.

Джереми был единственным несовершеннолетним, чтобы пить, но официантка и не думала проверять всех сидящих за столом. Она посмотрела удостоверение Кейда и потом просто окинула взглядом остальных. Мы заказали выпивку, еду, а потом ещё выпивку.

К тому времени, как разговор зашёл о прослушивании, мне было очень хорошо.

Именно Расти сделал первый шаг:

— Ну, так... что там с той пьесой про инцест?

Я закатила глаза.

— Это не инцест, Расти. Они не связаны по крови.

— Не важно, — пожал он плечами. — У меня есть мачеха, и я бы наложил в штаны, если бы она приблизилась ко мне.

Келси рассмеялась.

— По-моему это больше связано с тем, что ты гей.

— Я видел твою мачеху. Передай ей, что она может приближаться ко мне в любое время, — сказал Кейд.

Если бы мы были другими людьми, Расти пришёл бы в ярость и стукнул Кейда по руке... или по морде. Но нет, вместо этого они дали друг другу «пять».

— Ну а если серьёзно, как все справились? — спросил Расти. — Лично я был дерьмом. Мне бы больше повезло, если бы я получил роль второго солдата или слуги.

— Я бы убила за роль Афродиты. То есть, у кого ещё такие подходящие сиськи для этого? — встряла Келси.

Виктория подняла руку.

— Эй, привет! Ты что ослепла? — она указала на свою грудь.

— Да ладно, неужели ты тоже хочешь Афродиту?

— Черт, нет, — сказала Виктория. — Просто не нужно игнорировать мои сиськи.

— Я никогда не игнорировал твои сиськи, — встрял Джереми с широко открытыми глазами.

Все засмеялись. Обычно Джереми сидел тихо, когда мы собирались все вместе. Думаю, находиться с нами довольно трудно, учитывая то, что мы проводили всё свободное время друг с другом в течение последних четырёх лет, а он был новичком в нашей группе.

— Что насчёт тебя, Блосс? — спросила Линдси. — Все мы знаем, что ты вся течёшь, только думая об этом.

В этот момент я бы покраснела, если бы мои щеки уже не горели от алкоголя.

— Я думаю, всё прошло хорошо. Просто... знаете, на самом деле я получила Федру.

Келси взорвалась от смеха, и я пихнула её под столом.

Кейд улыбнулся мне.

— Что? Ты сохнешь по кому-то из членов семьи, которого я никогда не видел?

Я толкнула его в плечо, и он засмеялся, обнимая меня рукой и прижимая к себе.

— Я же шучу, малыш.

— Просто я... Просто я поняла, каково это хотеть чего-то, но пытаться и заставлять себя верить в то, что, на самом деле, ты этого не хочешь. Это не обязательно должно касаться любви. Я о том, что ты хочешь чего-то, чего не можешь иметь, или думаешь, что не заслуживаешь этого. Черт, мы хотим роли, которые получили наши друзья, несмотря на то, что они — друзья, и мы должны за них радоваться. Мы сидим на прослушивании и думаем, как бы мы сыграли эту роль. Мы всегда хотим того, чего не имеем. Такова человеческая натура.

Я, наверное, немного увлеклась. Потому что, когда закончила, за столом все молчали, пока Расти не сказал:

— Ты определённо недостаточно пьяна!

Так что мы заказали ещё выпивки, и нам принесли ещё еды, жирной и восхитительной.

— Ребята, вы понимаете, что мы не затронули ещё одну важную тему? — Виктория вскинула бровь и продолжила. — Преподаватель «Я ходячее воплощение секса», который одним лишь взглядом может сделать тебя беременной.

Большинство парней за столом (кроме Расти) застонали в то время, как большинство девушек (кроме меня), включая Расти, озвучили разные версии «Черт подери, да!».

Виктория начала обмахивать себя руками.

— На самом деле, в первый день, когда он заговорил, я думала, один его акцент доведёт меня до оргазма.

Я молчала, и Келси тоже, бросая на меня вопросительные взгляды.

Я могла бы извиниться и отлучиться в уборную. Не покажется ли это странным? Я ведь по идее достаточно выпила.

— Келси, почему ты не поддерживаешь меня в этом? — спросила Виктория. — Смогу ли я претендовать на него, как только мы закончим колледж?

Я пыталась сохранять каменное лицо.

Келси усмехнулась.

— Я не отрицаю, он милый, но для меня он слишком правильный и чопорный. Я люблю более опасные экземпляры.

Она подмигнула Джереми, и я уверена, что у него отвалилась бы челюсть, если бы та могла опуститься ещё ниже.

— Что? Наличие мотоцикла — недостаточный показатель опасности? — спросил Кейд.

— У него есть байк? Я не знала! — она кинула на меня осуждающий взгляд, будто я предала её, не поделившись этой информацией.

— А что произошло у них с Домом? — спросила меня Линдси. — Он всё ещё скулит по поводу того, что Гаррик его избил во время вашего прослушивания.

Рука Кейда скользнула со спинки стула на мои плечи, слегка сжав их.

— Дом — просто осел. Мистер Тейлор лишь оттащил его от меня, вот и всё.

Расти улыбнулся и указал на нас с Кейдом.

— Вы оба такие милые. «Мистер Тейлор то, мистер Тейлор сё». Мне кажется, вы — единственные, кто всё ещё относится к нему как учителю, а не как к куску мяса.

Я закатила глаза. Я никогда не называла его мистером Тейлором в лицо, но всё же это странно говорить о нём с другими и звать его Гарриком. У меня было такое впечатление, что они способны прочесть все секреты на моем лице и теперь знают точно, каким «не учителем» я его считала.

Возможно, после всего этого мне все же нужно отлучиться в уборную. Я подтолкнула Кейда, и он пропустил меня. С каждым шагом прочь от этого балагана моё беспокойство

угасало. Я побуду там пару минут, а когда вернусь, их разговоры будут на совсем другие темы, и всё будет хорошо.

Я проходила мимо бара, когда услышала своё имя.

— Блсс!

Я обернулась, но никого не увидела.

— Блсс!

Голос прозвучал ближе, поэтому, когда я посмотрела за барную стойку, то увидела его — мальчика-бармена.

Я улыбнулась и попыталась изобразить счастье от встречи с ним. Но если честно... я даже не помнила его имени. В тот вечер слишком много других вещей занимали мою голову. Как всегда, когда я думала о Гаррике, у меня все внутри сжималось, и мне пришлось приложить все усилия, чтобы не утонуть в воспоминаниях.

Когда нас разделяла лишь барная стойка, мальчик-бармен сказал:

— Привет... Надеюсь, ничего страшного в том, что я помню твоё имя?

На самом деле, да. Немного.

— Обещаю тебе не пугаться, если ты простишь меня за то, что я забыла твоё.

Уголки его губ опустились, и на секунду он нахмурился, а потом снова просиял и сказал:

— Брэндон.

— Точно, Брэндон. Конечно. Прости, эта неделя была длинной.

— Ну, тогда позволь мне сделать её чуточку лучше. — Он достал стакан и налил мне порцию текилы. — За счёт заведения.

Я чувствовала себя неловко, выпивая одна, но не могла отказать. Поэтому я поблагодарила его, пожала плечами и выпила все залпом.

Потом я рассмеялась, но не потому, что было весело, а мне просто показалось, что так нужно сделать.

— Послушай, — начал Брэндон. — Я не хочу показаться слишком настойчивым, но не хотела бы ты как-нибудь встретиться?

Не хотела бы я с ним встретиться? Что ещё важнее, не хотела бы я переспать с ним? Несмотря на все сумасшествие с Гарриком, я всё ещё оставалась девственницей. И все ещё жалела, что не перестала ею быть. Вот тут появилась другая возможность исправить это... которая не нарушает школьных правил и не рискует увольнением. Я посмотрела на него. Келси была права, он симпатичный. И определённо заинтересован мной.

Я попыталась представить, каково будет спать с ним. Попыталась представить, как мы сбрасываем одежду, его руки на моей коже, его губы на моих. Я пыталась, но в каждом образе видела Гаррика, а не Брэндона.

Черт, ну почему нельзя просто щёлкнуть пальцами и перестать быть девственницей? Почему это должно происходить через секс? И почему я могу думать только о Гаррике, несмотря на то, что даже отказалась от секса с ним?

Почему мой мозг категорически отказывается понимать это?

Брэндон сам ответил на свой вопрос:

— Думаю, это, видимо, означает «нет». Обычно это так, если на ответ требуется так много времени.

Я натянуто улыбнулась.

— Прости. Ты действительно милый, но просто мне не очень это интересно... в данный момент.

Черт, я всегда так делала. Я не сильна в сопоставлениях, поэтому всегда добавляла фразы вроде «в данный момент».

Брэндон кивнул.

— Круто. Не беспокойся об этом. Мне, э-э, лучше вернуться к работе.

Он не стал ждать моего ответа прежде, чем зашагал вдоль бара, чтобы обслужить клиента в дальнем конце. Вздохнув, я отправилась в уборную, где сполоснула лицо водой.

Это не помогло хаосу в моей голове, но я чувствовала покалывание в животе от алкоголя, которое, по крайней мере, помогало мне справиться с ним.

Я вернулась к столу, где, благодаря Кейду, меня ждали ещё две порции спиртного, и разговор, к счастью, вёлся о другом слухе, не касающемся Гаррика. К тому времени, как мы всё выпили, моя кожа представлялась мне тёплым одеялом, а горло болело от громкого смеха над всем подряд, не имело значения, смешным или нет. Мы все были настолько пьяны, что наш разговор свёлся к незначительным фразам между взрывами смеха и шутками.

— Я так пьян, — начал Расти. — Что просто хочу сидеть в своей машине и играть на гармошке, пока не протрезвею.

Мой смех прозвучал оглушительно.

— У тебя есть гармошка?

— Чёрт, да. Хочешь послушать, как я играю?

— Ещё бы!

Я оставила свой кошелёк Кейду, чтобы он смог расплатиться за меня. И в благодарность небрежно чмокнула его в щеку.

— О! Я тоже, я тоже! — закричала Келси. Она тоже отдала свой кошелёк Кейду, но вместо поцелуя лишь погладила его по голове, а Расти обхватил руками каждую из нас.

— Примите к сведению, мальчишки! Девушки всегда в восторге от мужчин, играющих на инструменте!

Линдси фыркнула:

— Твой инструмент даже не интересуется девушками, Расти!

— Но это не значит, что он им не нравится!

Мне кажется, как только мы вышли на улицу, уровень шума в баре понизился вдвое, но я не видела разницы. В моей голове по-прежнему все гудело. Через пару минут остальные из нашей компании присоединились к нам снаружи, где Расти, сидя на капоте своей машины, играл на гармошке и пел, как он сказал, по-французски (но я была уверена, что это была просто тарабарщина).

Но нам было всё равно. Спустя несколько минут мы разобрали эту околёсицу настолько, чтобы подпевать. Мы пели серенады посетителям бара, которые плелись к своим машинам в два часа ночи. Мы пели на английском и на тарабарщине. Мы пели песни Мадонны, Бритни Спирс и из «Призрака оперы». Кейд зачитал смешной рэп, который он зарифмовал, по-моему, с чесоткой. И мы продолжали петь, пока все посетители не разошлись, а владелец заведения не вышел и не сказал нам проваливать.

Мы всё ещё были слишком пьяны, чтобы сесть за руль, кроме, может быть, Джереми, но ни одна из наших машин не была достаточно велика, чтобы вместить всех нас. И повинувшись какому-то порыву, я просто предложила:

— Пошли ко мне. Топать около полумили, но я точно уверена, что у меня в холодильнике есть водка.

И мы, дружно выкрикивая «Водка!», двинулись ко мне.

Я точно пожалею об этой ночи позже, но в тот момент мне просто не хотелось, чтобы она заканчивалась.

Где-то по дороге к своей квартире я сняла туфли. Каблуки были невысокими, но всё равно буквально убивали мои несчастные ноги. Поэтому я просто скинула их.

— Эй, детка, что ты делаешь?

Хихикая, я упала на Кейда. Я думала, что была пьяна до этого, но сейчас, спустя какое-то время... меня действительно торкнуло. Возможно, я зашла дальше, чем когда-либо.

— Обувь — это глупо. И почему люди носят её?

Он рассмеялся.

— Ну, может, чтобы не напороться на гвоздь и не познакомиться со столбняком, вот почему.

— Носят. Но зачем. Носят. «Н-н» — н-н-н-нелепые.

Он засмеялся, и я — тоже, хотя даже понятия не имела, что смешного.

— Ты очаровательна. Иди ко мне. Я донесу тебя до дома на спине, чтобы сбережь твои ножки.

— Да!

Он присел, и я забралась к нему на спину. Он нёс в руках мои туфли, когда мы шли, пошатываясь, по дороге. Добравшись до парковки, я начала петь выдуманную песенку, что-то типа:

— Кейд — мой герой! С нуля до героя!

— Что значит «с нуля»? Я никогда не был нулём!

— Кейд — мой лучший друг! Однажды мы будем в Уэст-Энде ловить мух! Его машина пахнет сыром! И я просто хочу обнять его, и плевать, что будет с этим миром!

Расти крикнул нам:

— Давайте с обнимашками разберётесь наедине!

— А Расти у нас — идиот! А в моих волосах пахнет ветерок!

Кейд засмеялся.

— Может, ты имела в виду звук, а не запах?

— Какой звук?

— Ой, забудь, — усмехнулся он.

Я уже видела свой дом.

— Вот дерьмо. Я забыла свою сумочку.

— Я ее забрал, детка.

— Правда? Ты лучший!

Я громко и смачно чмокнула его. Вообще-то я целилась в щеку, но, по-моему, попала куда-то в район его шеи.

В это же время я услышала выкрик Джереми:

— Привет! Мистер Ти! Как Вы?

— Откуда здесь борец? — спросила я.

— Это не борец, это мистер Тейлор.

Взвизгнув, я отпустила плечо Кейда и отклонилась назад, чтобы поискать взглядом Гаррика. Сделав это, я нарушила равновесие, и мы оба рухнули на землю, причём Кейд оказался на мне.

Я застонала.

— Дерьмо-о-о-о. Какой же ты тяжёлый, Кейд, даже больше, чем я могла подумать! —

просто наплакала/пропыхла я.

Было такое впечатление, будто я плыву в море, и всё вокруг меня раскачивается.

Кейд сказал:

— Здравствуйте, мистер Тейлор.

— Здравствуй, Кейд. С тобой всё в порядке?

— Конечно.

Он встал на колени, а затем поднялся. Когда он пытался поднять и меня, я очень хорошо видела, как Гаррик смотрел на меня. Сексуальная причёска, великолепная усмешка. Не честно, что он выглядел так хорошо.

Я застонала и прикрыла лицо руками.

— Почему этот мир так меня ненавидит?

Они оба засмеялись, но я не увидела ничего смешного в этом. СЕРЬЁЗНО. *Что я сделала Вселенной?*

— Давай, детка.

Кейд предпринял ещё одну попытку поднять меня, но моё тело было не в состоянии сдвинуться.

— Не думаю, что смогу стоять, — сказала я ему. — Чувствую себя липкой макарониной.

— Да ладно? — с весёлым выражением лица Кейд отвернулся, и мои глаза окончательно закрылись. — Вы не против, мистер Тейлор?

В следующий момент я оказалась в воздухе и почувствовала, что лечу. Я посмотрела налево и увидела часть лица Гаррика. Она показалась мне такой красивой. Рукой я обхватила его за плечо, и они с Кейдом вместе куда-то потащили меня. Потом Гаррик взял меня на руки, пока Кейд рылся в моей сумочке в поисках ключей.

Я положила голову ему на грудь.

— Ты так хорошо пахнешь. Почему ты всегда так хорошо пахнешь?

Кейд рассмеялся.

— Ла-а-адно. Думаю, это намёк на то, что пора отпустить нашего учителя.

Я отпустила Гаррика, и руки Кейда обхватили меня за талию.

— Простите, мистер Тейлор.

— Ничего страшного.

— Послушайте, она придёт в ужас, если узнает, что вы видели её в таком состоянии. Клянусь, обычно она не такая, просто в последнее время она из-за чего-то расстроена.

— Хорошо, Кейд. Я обещаю. Спокойной ночи, Блосс.

Я оживилась и ухватилась за рукав его рубашки.

— Нет, стой.

Тут выскочил Расти с гармошкой в руках.

— Да, Гаррик, останься. У малышки Блосс есть водка.

Гаррик усмехнулся мне.

— Думаю, малышке Блосс уже хватит. И да, спасибо за приглашение, но есть определённые грани, которые я не должен переходить, — его глаза встретились с моими, и я поняла, что речь идёт не только о вечеринке. Это немного отрезвило меня. Не сильно, но достаточно для того, чтобы осознать, какой дурочкой я себя выставила.

— Будьте осторожны ребята. Хорошо повеселиться.

Затем он ушёл, и Кейд помог мне зайти внутрь и добраться до дивана.

Ребята отправились совершать набег на мой холодильник, а Келси села на диван возле меня, положив голову мне на колени.

— Ну что я могу сказать, твой ненаглядный выглядел потрясно сегодня вечером.

— Келси! Заткнись!

— Что? Меня никто не слышал.

Я огляделась. Она была права. Ребята таскали чипсы из моего буфета. Линдси и Виктория разбавляли водку апельсиновым соком. Когда я убедилась в том, что никому нет до нас дела, то повернулась обратно к Келси.

— Он всегда выглядит потрясно. И я не знаю, как долго смогу выдерживать это. Когда-нибудь я самопроизвольно загорюсь от его сексуальности и запрыгну на него прямо посреди урока.

Она засмеялась.

— Интересно, как бы это выглядело... Но ты ведь понимаешь, что это ужасная идея. Кроме того... Ты уже была с ним. Вероятно, он был достаточно хорош, чтобы ты захотела его снова, но он больше не загадка, которую ты должна разгадать. Тебе просто нужно отвлечься.

Я кивнула без особого энтузиазма, хотя была абсолютно уверена, что ничто не могло отвлечь меня от Гаррика. И Келси не знала того, что он по-прежнему являлся для меня загадкой. Боже мой, как я хотела сыграть в Нэнси Дрю.

Глаза подруги заблестели, когда она поднялась с моих коленей.

— Знаете, в какую игру я никогда не играла? — спросила она у всех. — В бутылочку!

Виктория скептически посмотрела на неё.

— Ты никогда не играла в бутылочку? Серьёзно?

Келси пожалала плечами и, обернувшись ко мне через плечо, подмигнула.

— Ну что я могу сказать? — продолжила она. — Я слишком отстала от жизни. К тому моменту, как эти две дамочки появились, — она указала на свою грудь, — парням больше не нужны были предлоги, чтобы меня поцеловать.

Кейд удивлённо вскинул бровь.

— То есть, а сейчас нам они нужны?

Спрыгнув с дивана и усевшись по-турецки на полу, она взяла с журнального столика наполовину заполненную бутылку воды.

— Конечно, нет. Но это такая захватывающая игра.

Она схватила меня за руку и потащила к себе. Истерически смеясь, я без сил приземлилась на пол.

— Видите? — сказала Келси. — Блосс уже весело. Вик, неси водку! Сделаем это ещё интереснее. У нас будет бутылочка для взрослых. Что значит, никаких детских поцелуйчиков — я хочу видеть языки.

— Клянусь, Келси, ты ещё большая извращенка, чем большинство парней, которых я знаю, — сказала Линдси.

— Спасибо! Но сейчас все-таки у меня мозг работает. По желанию вы можете просто касаться губами... но за это вам придётся выпить штрафную порцию спиртного.

Большинство парней заметно расслабились, кроме Расти, который выглядел разочарованным.

— Но девушек здесь гораздо больше, чем парней, — заметила Линдси.

Виктория усмехнулась.

— Может, нам нужно найти Гаррика и попросить его присоединиться к нам.

Побледнев, я вскрикнула:

— Нет! Исключено!

— Боже, Блосс, ты такая ханжа.

Келси понимающе мне улыбнулась. Мне определённо нужно было отвлечься. Подавшись вперёд, я закрутила бутылку.

Она указала на Расти, и я не дала ему ни единого шанса уклониться от поцелуя. Перегнувшись через круг, я притянула его за воротник к себе. Я была так пьяна, что поцелуй вышел немного слюнявым, но мы все были пьяны, поэтому какая разница? Я целовала его ещё в течение нескольких секунд прежде, чем оттолкнуть и вернуться на своё место.

Присвистнув, Расти произнёс:

— Черт, девочка. Если бы я не был на 110% геем, то увёл бы тебя отсюда прямо сейчас.

Откинув голову назад, я рассмеялась. Так здорово расслабиться и перестать думать.

Следующим крутил бутылочку Расти, и бедный Джереми стал очередной жертвой. Он схватил водку со словами:

— Без обид, Расти, но ты не в моем вкусе.

Улыбнувшись, он сделал большой глоток, а потом быстро чмокнул Расти в губы. Мы заулюлюкали как школьники.

Раздался стук в дверь, и Келси вскочила и вышла в коридор. Она вернулась ещё с десятком людей с нашего факультета.

— Ты ведь не против? — спросила она меня. Это было в духе Келси: сначала пригласить, а потом спросить разрешения. В любом случае, я покачала головой — сейчас меня это не заботило.

— Превосходно. Итак, леди и джентльмены, займите свои места. Самое время для разврата.

И действительно, другого определения этому не было. В считанные минуты я увидела столько друзей, целующихся с друзьями, независимо от того, нравятся ли они друг другу или нет, сходят ли друг по другу с ума, относятся ли друг к другу как брату или сестре. На одну ночь мы откинули все мысли в сторону и позволили бутылке «Аквафина» определять нашу судьбу.

В следующий раз, когда бутылка указала на меня, я должна была целоваться с девушкой. Парни освистали нас, когда мы обе потянулись к штрафным стопкам. Но даже простое прикосновение губ их вполне удовлетворило. Смеясь, я закурила бутылочку, и та указала на Кейда.

У него был тот самый взгляд симпатичного мальчика-соседа, вкуче с ребяческой усмешкой, которые он сейчас направил на меня. Я пожалала плечами и поползла к нему. Встав на колени и положив руки ему на плечи, я наклонилась.

Сначала поцелуй ни чем не отличался от предыдущих... но внезапно всё изменилось. Одна рука Кейда легла на мой затылок, а вторая притянула меня за талию. Его губы двигались лихорадочно и отчаянно, как будто вот-вот наступит конец света, а это его последний шанс на счастье.

Поцелуй вышел довольно страстным, чтобы тепло распространилось по моему животу, но и достаточно нежным, чтобы я почувствовала себя обожаемой. На мгновение я забыла, где находилась и с кем, просто отдаваясь жару и наслаждению.

Потом кто-то засвистел, и постепенно мир начал принимать очертания. Я открыла глаза, встретившись взглядом со своим другом, который целовал меня так, будто хотел быть кем-то другим.

Я вернулась на своё место в кругу, игнорируя комментарии своих друзей по поводу поцелуя. Потрясённая и смущённая до предела, на нескольких следующих поворотах бутылочки я ушла в себя.

Я чувствовала на себе взгляды. Один, абсолютно точно, принадлежал Кейду, другой, возможно — Келси. Но мои мысли были направлены на то, чтобы держать себя в руках, потому что я была на грани.

Мы были пьяны. Вероятно, это ничего не значило. И я так запуталась с Гарриком, что приходила в отчаяние от какого-либо контакта с кем-то ещё. Вот именно. Это ничего не

значило.

Мы по-прежнему друзья. *Кейд и я всегда будем друзьями.*

Я оставалась там ещё пару минут, пока у меня так сильно не закружилась голова, что стало невозможно терпеть. У меня слегка болел живот.

Я встала и извинилась, сказав, что все могут оставаться столько, сколько пожелают, и, объяснив, где можно взять дополнительные одеяла и подушки, если они захотят переночевать, и ушла к себе в спальню. Накрывшись одеялом и скинув натянутую улыбку, я сказала себе, что утро вечера мудренее, и отключилась.

Утром я обнаружила, что Келси отключилась возле меня, а ещё пять человек остались в гостиной и один — в ванной. Я порадовалась этому буквально на секунду прежде, чем похмелье жестоко напомнило мне о том, как же я ненавижу этот мир.

Я почистила зубы и ополоснула водой лицо, а потом вернулась в свою комнату. Услышав, как тихонько открывается, а затем закрывается входная дверь, я выглянула в коридор.

Это Кейд вернулся с сытным завтраком для всех нас. Я глубоко вздохнула и вышла к нему.

— Ты — наш спаситель! — прошептала я.

Он посмотрел на меня и, улыбнувшись, протянул мне большой буррито с беконом, яйцом и сыром.

— Как ты себя чувствуешь?

Я нахмурилась.

— Как будто по мне проехался автобус. Причём двухэтажный, наполненный борцами сумо.

Я уселась за кухонную стойку и буквально через десять секунд пожалела об этом — у меня ужасно кружилась голова. Кейд подошёл и сел на барный стул возле меня.

Буррито был отменным. Толстая, пышная лепёшка, горячая яичница и превосходная сальса.

— Я влюблена в этот буррито. Я бы вышла за него замуж, если бы не хотела так сильно его съесть.

— Трагедия истинной любви, — прошептал Кейд.

Я кое-как улыбнулась, и он — тоже, и впервые за много лет я почувствовала себя неловко рядом с Кейдом. Я отвернулась и сконцентрировала своё внимание на людях, разбросанных по моей гостиной.

— Что было после того, как я ушла?

— Все то же самое. Если бы Джереми уже не был влюблён в Келси, то он совершенно точно втрескался бы в неё по уши. Виктория оставила на улице полпачки окурков. А Расти ужасно тошнило в твоей ванной.

Я сморщила нос.

— Не переживай, там уже чисто. Я знал, что тебя удар хватит, если ты проснёшься и увидишь всё это.

Я сглотнула, и в моем животе образовался ком.

— Ты слишком добр ко мне, Кейд.

Он лишь пожал плечами. Он всегда был слишком добр ко мне.

— Послушай, — начала я, — о том, что произошло ночью...

Он почесал затылок, и на губах у него появилась неуверенная улыбка.

— Да, думаю нам нужно поговорить об этом.

Он положил руки перед собой, будто ему нужно было собраться с духом, чтобы говорить дальше. Я прочистила горло, но от этого легче говорить не стало.

— То есть... ты?

Его кулаки сжались так, что костяшки пальцев побелели. Потом в один момент он расслабился и ответил:

— Да. Уже... какое-то время.

Я подняла взгляд, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Почему ты мне ничего не сказал?

— Потому что... я боялся. Ты моя лучшая подруга. И ты практически никогда ни с кем не

встречалась... Я даже не думал, что тебя это заинтересует.

А меня это интересовало? Я почувствовала наворачивающиеся бессмысленные слезы, которые быстро смахнула. Кейд — отличный парень. И мне нравилось проводить с ним время. И поцелуй с ним был определённно хорош. Он действительно мог понравиться. Мне хотелось, чтобы он нравился мне, но... Гаррик был этим «но». Смогла бы я перестать думать о нём? Перестать хотеть его?

Я услышала, как Кейд вздохнул.

— Тебе это не интересно, да?

Боже, ну почему у него такие выразительные глаза? Я могу прочитать в них каждое разочарование и неуверенность. Я любила его, это точно. И думаю, что однажды могла бы влюбиться в него, но для начала мне нужно избавиться от своих чувств к Гаррику. Если бы это произошло в прошлом семестре, колебалась бы я?

— Честно, Кейд? Я не знаю. Это, наверно, ужасный ответ, да?

На минуту он задумался об этом, и я не выдержала молчания.

— Дело не в том, что ты мне не нравишься. Я, на самом деле, считаю тебя довольно привлекательным. Просто... ты тоже мой лучший друг, и я не уверена. А мне нужно быть уверенной.

— Я тоже хочу, чтобы ты была уверена, — он глубоко вздохнул и улыбнулся. Это была милая улыбка, но не такая яркая, к какой я привыкла. — Возможно, я смогу это пережить.

Когда в понедельник утром я пришла в театр, список приглашённых на повторное прослушивание уже был вывешен. Список получивших роли (как и список приглашённых на повторное прослушивание) обычно огромен. Этот же представлял собой простой лист бумаги, висящий на стене, но его окружало столько людей, которым была уже известна их судьба, что путь к нему стал похож на дорогу к эшафоту. Множество глаз повернулось ко мне. Я изо всех сил пыталась оценить их реакцию. Смотрели ли они на меня с жалостью? Или просто скрывали своё волнение? Стоя от них в двух шагах, я будто существовала в другом мире, по сравнению с теми, кто уже прочитал написанное на этом листе бумаги. И когда я присоединюсь к ним, давление не прекратится. Просматривая список, ты не можешь проявлять эмоции. Ты не можешь плакать над не полученной ролью или жаловаться на тех, кто её получил. Ты не можешь закричать от волнения или злости. Ты должен лишь прочитать список, не выражая никаких эмоций. Что должно быть не кажется трудным, за исключением того, что мы — актёры. Выражение эмоций — наша работа.

В нескольких шагах от меня появился Кейд.

— Ты уже посмотрел?

— Нет, — он покачал головой, — я ждал тебя.

С нашего разговора накануне всё ещё чувствовалась неловкость. Мы так и не выяснили, что эти крайне важные вещи значили для нас. Но в то же время они не имели никакого значения. Мы просто два актёра, готовые столкнуться с отказом или другим сражением. Мы были до краёв заполнены беспокойством, даже если пытались не показать этого, и для множества других эмоций, происходящих между нами в данный момент, просто не оставалось места.

Он взял меня за руку, и я не позволила себе волноваться по поводу того, что бы это могло значить. Мне нужно было утешение. Мне нужно было, чтобы он привёл меня в чувства. И я уверена, что ему нужно было то же самое.

Мы быстро сделали ещё несколько шагов к списку и влились в поток людей.

Первым в списке значился пасынок Ипполит. На его роль повторно приглашались семь мальчиков, и среди них были Кейд и Джереми.

Я взглянула на него, он переносил все стоически. Ни одна эмоция не отразилась на его лице. Ни волнения, ни нервозности. Семь приглашённых означало, что режиссёр не был уверен. Это значило, что он ещё не увидел того, что хотел. Что роль была ещё ничьей, кого бы ни отметили больше во время повторного прослушивания.

Я сжала руку Кейда, и он тут же сжал её в ответ.

Знаю, что люди все время говорят о бешено колотящемся сердце, но в этом не было ничего такого уж серьёзного. Но когда я снова посмотрела на список, моё сердце так сильно пустилось вскачь, будто вся моя жизнь зависела от этого финиша. Звуки стали слышны нечётко, а поле зрения сузилось. Я чувствовала, будто нахожусь на грани, на краю чего-то ужасного и восхитительного, что могло означать как полет, так и падение — успех или провал.

Взглядом я нашла написанное крупным шрифтом слово «ФЕДРА». А потом увидела своё имя, и больше ничего, как будто оно было светом в конце туннеля. И это лучше, чем пересечь финишную прямую. Это было похоже на первый глоток свежего воздуха, когда я с уверенностью ощущала, что тону, что умираю. Я подавила радость и облегчение, потому что люди всё ещё изучали список, и потому что это всего лишь список на повторное прослушивание. Это лишь означало, что меня ещё не исключили из него.

Другой ладонью Кейд накрыл наши соединённые руки. Я продолжила дальше просматривать список.

«ТЕСЕЙ».

Такого не могло быть. Тесей — это персонаж. Я снова подняла глаза, ища то, что пропустила. Под «Ипполитом» значилось семь имён. А дальше под «Федрой» — только одно моё.

Больше никого не приглашали.

Только меня.

Я получила роль.

И тогда, нарушая все правила, я закричала. Кейд засмеялся, поднял меня за талию и начал кружить. Люди вокруг нас захлопали, и я знала, что некоторые из них уже слышали слухи о нашем поцелуе, судя по тому, как они на нас смотрели. Но на мгновение, одно счастливое мгновение это не имело никакого значения.

Я получила эту роль.

На подготовку я шла, как в тумане.

Они всегда приглашали на повторное прослушивание. Даже если они точно знали, кто им нужен, это была возможность, чтобы удостовериться в этом и ещё раз увидеть лучшего.

Но они только мне дали роль, а значит — уже были уверены.

У меня в груди стало что-то подниматься и прежде, чем я смогла что-либо сделать, слёзы навернулись на глаза. На секунду я задержалась за кулисами перед тем, как войти в класс. Я пыталась глубоко дышать, но это ничуть не помогло сдержать все накопившиеся во мне эмоции. Поэтому я сделала самое логичное, что пришло в голову.

Я начала танцевать.

Я танцевала без музыки. Я беззвучно кричала. Я праздновала в тишине и темноте, за кулисами, где никто не мог меня видеть.

Но моя удача не могла оставить меня в покое, поэтому кое-кто всё же видел.

— Я так понимаю, ты уже видела список.

Я замерла в смешной позе со всё ещё выпирающей влево пятой точкой. Выпрямившись, я медленно развернулась и сказала:

— Привет, Гаррик.

Его губы были сжаты, а глаза расширены — я знала, что он прилагает большие усилия, чтобы не рассмеяться.

— Здравствуй, Блосс. Мои поздравления.

Мои волосы растрепались после вышеупомянутых диких танцев, поэтому я, как можно лучше, заправила их за уши и произнесла:

— Спасибо. Я, э-э... очень взволнована этим.

— Так и должно быть. Твоё прослушивание... — он подошёл ближе, и как обычно его присутствие вытеснило во мне смущение и любые другие эмоции, заменив их жаром и желанием. — Твоё прослушивание было потрясающим. Вне конкуренции.

Я сглотнула, но комок в горле никуда не делся. Мои слова благодарности прозвучали, как шёпот.

— Но в пятницу ночью...

— О, Боже...

— Несмотря на то, что ты была до нелепого мила, пожалуйста, больше так не напивайся. Эрику понадобится, чтобы ты была в самой лучшей форме для этой роли.

— Да, конечно, — оцепенев, кивнула я. — Безусловно. Я обещаю.

— И ещё... Я также переживал за тебя.

— Ох.

Его взгляд скользнул по моему лицу: опустил с моих, несомненно, взлохмаченных волос к глазам и губам, затем быстро проследовал вниз к ноге, где заживший ожог оставил темно-розовый шрам.

— Мне не нравится беспокоиться за тебя.

Мне показалось, что у меня скоро сердце выпрыгнет из груди, если я сейчас что-нибудь не сделаю. *Это опасная территория.* Внутри меня что-то бушевало, помимо влечения, одержимости его взглядами, телом и акцентом — что-то опасное. Его пальцы коснулись локона волос у моей щеки, и от близости его кожи я была готова взорваться. Я улыбнулась и попыталась разрядить обстановку:

— Тебе, вероятно, нужно побеспокоиться о себе. Если будешь снова называть меня «милой», то это неизбежно приведёт к травме, а может и сделает калеккой на всю жизнь.

Он придвинулся ко мне ещё на шаг, и показалось, будто весь мир сжался вокруг нас двоих. Его ладонь в волосах качнулась ближе, костяшки пальцев коснулись моей щеки. Понизив голос, он произнёс:

— Так как здесь я не могу называть тебя по-другому, то придётся остановиться на «милой», пока.

У меня в памяти возникло воспоминание о нашей первой встрече, когда он назвал меня «нелепо милой». В этот момент у меня вокруг коленей болтались штаны. Потом он назвал меня «нелепо сексуальной» и помог их снять.

Очевидно, мне стоило научиться не говорить самое первое, что приходит в голову. Но именно сейчас я не могла думать об этом, потому что в голове крутились его последние слова... «пока, пока, пока».

Он прочистил горло и отступил назад, выпустив из пальцев локон моих волос.

— Почему бы тебе не занять своё место в классе?

Я кивнула, проскальзывая мимо него, и нырнула за занавес.

Келси и Кейд с одинаково огромными ухмылками на лицах оставили мне место между собой. Я улыбнулась, стряхивая ощущения случайной встречи с Гарриком, чтобы ещё раз насладиться своей радостью. Когда я села на своё место, Келси наклонилась, чтобы обнять меня, и прошептала мне на ухо:

— Полагаю, невероятно привлекательный учитель действительно помог тебе вжиться в роль. Я так тобой горжусь, милая.

Я нерешительно глянула на неё, но в знак благодарности кивнула головой. А потом повернулась к Кейду.

Мы уже до этого держались за руки и обнимались, когда я узнала о своём успехе, но я не знала, как вести себя сейчас. Жить в мире, полном «может быть»... очень сложно.

Раньше ни я, ни Кейд не прилагали никаких усилий. Его нахождение рядом совершенно не давило на меня, как будто я была одна. А теперь неожиданно возникало напряжение каждый раз, когда мы что-то делали или говорили. Будто вся моя жизнь стала иметь огромное значение.

Я замечала это, когда мы касались друг друга и когда — нет. И неожиданно я ничего не обнаружила между нами. Никаких «может быть».

Поэтому я замерла.

Мы оба ждали, застряв в этом состоянии между действием и отказом. Мы были ничем. Мы бездействовали. А потом Гаррик призвал класс к порядку, и на время исчезла возникшая между нами неловкость.

Я знала... Я знала, что, в конце концов, нам придётся пройти через это... выработать какой-то способ снова сосуществовать друг с другом. Можно лишь отсрочить это до того момента, как начнутся настоящие трудности. Но, конечно, я могла немного подождать. Сегодня волнующий день, и нет причин портить мой триумф.

Когда занятие закончилось, Эрик ждал меня снаружи.

— Доброе утро, Блосс. Могу я поговорить с тобой минутку?

Я растерянно моргнула.

— Конечно.

Он открыл дверь в театр и жестом показал идти за ним. Я следом прошла через занавес, и он махнул рукой на место рядом с Гарриком. Я осторожно села и недоуменно уставилась на них, не понимая, что случилось. А потом до меня дошло.

Он всё узнал.

Иначе, о чем бы он хотел поговорить с Гарриком и мной?

Боже мой. Что со мной будет?

Они выгонят меня с отделения? Из колледжа? По меньшей мере, возможно, я лишусь стипендии. Тогда как я оплачу обучение?

В ушах зашумело, и от серьезности происходящего я почувствовала, будто проваливаюсь под землю. Гаррик, наверное, потеряет свою работу. Что он тогда будет делать? Он вернется в Филадельфию, в Лондон или ещё куда-то, и я его больше никогда не увижу.

Я повернулась к нему, пытаясь передать взглядом своё раскаяние, но он ... улыбался?

— Блосс, — произнёс Эрик. — Должен признаться, я удивлён.

Воздух резко покинул мои лёгкие.

— С-сэр, я...

— Конечно же, ты хорошо показала себя в течение нескольких лет учёбы здесь, но я и понятия не имел, что ты способна на такое исполнение, которое показала во время прослушиваний.

Я всё ещё стискивала зубы и сдерживала дыхание от наступающего позора, что мне понадобилась минута, чтобы осознать, что так ничего и не произошло.

— Полагаю, ты всегда была немного в себе. Контролируемой. Осторожной. Машинальной — думаю, лучше всего подойдёт это слово. Но на этих прослушиваниях в тот момент ты жила. Ты чувствовала вместо того, чтобы думать. Я видел в тебе оттенки разных эмоций: силы и уязвимости, желания и отвращения, надежды и стыда, — и они были просто очаровательны. Не знаю, что ты делаешь или сделала, но, пожалуйста, продолжай. Ты гораздо лучше, когда становишься смелой.

Внезапно мои глаза встретились с глазами Гаррика. Знал ли он? Догадывался ли, что дело в нем? Что то, что происходит между нами, заставляет меня чувствовать так, как никогда раньше, и рисковать, на что не так давно я бы не решилась. Ночь с ним была, возможно, единственной спонтанной вещью в моей жизни.

— Спасибо, сэр.

— Всегда пожалуйста. Мне не терпится поработать с тобой. И говоря об этом, я бы хотел, чтобы ты пришла на повторные прослушивания в среду. Нам бы хотелось, чтобы ты почитала некоторые сцены с Ипполитом, чтобы мы могли получить большее представление о взаимоотношениях и том, как это выглядит на сцене.

— Конечно, я приду.

— Отлично. Кроме того, там будет Гаррик, чтобы ответить на все твои вопросы. Он будет ассистентом режиссёра этой постановки, поэтому, если тебе что-нибудь понадобится, ты сможешь обратиться к любому из нас.

Он легонько похлопал меня по плечу и удалился. Мы с Гарриком остались одни. Моё сердце по-прежнему нетерпеливо колотилось: либо из-за страха, что нас разоблачили, либо просто потому, что я сидела рядом с единственным парнем, которого хотела, но не могла иметь.

— Не помню, говорил это или нет, но я, правда, горжусь тобой, — сказал Гаррик.

— Спасибо. Думаю, я всё ещё в шоке.

Я по-прежнему пребывала в шоке от всего этого.

— Что ж, привыкай. Судя по тому, что я видел, думаю, тебе не придётся беспокоиться о режиссуре, если только сама этого не захочешь. Ты — актриса, Блосс, веришь ты этому или нет.

Я кивнула, обдумывая эту мысль.

— Ты больше не думала об этом? Чем бы тебе хотелось заняться после выпуска?

Я стала теревить на колене вылезшие из джинсов нитки.

— Не совсем...

— Ну, тогда, если захочешь поговорить об этом, ты знаешь, что всегда можешь прийти ко мне.

Я подняла одну бровь, не в состоянии выразить словами, насколько абсурдной казалась эта идея.

— Я серьёзно, — сказал он. — Ты ведёшь себя так, будто мы не можем быть друзьями.

Если бы это было возможно, моя бровь выгнулась бы ещё сильнее. Саму мысль стать с ним друзьями... было невозможно представить. Я не думала о том, как мои друзья выглядят в голом виде. Я не упрекала себя за то, что с друзьями нельзя спать.

Он тихонько рассмеялся и покачал головой.

— Ладно, ладно. Ну, может с друзьями я поторопился, но все же надеюсь, что ты придёшь ко мне, если тебе что-нибудь понадобится... всё, что угодно.

Скрытое сильное желание к нему отличалось от всех других влечений, которые я испытывала к нему раньше. Желание быть с ним всё ещё присутствовало, но я хотела большего. Мне хотелось свернуться в его объятиях, просто положить голову ему на грудь, почувствовать его тепло.

Да поможет мне Бог, но я хотела, чтобы мой учитель стал моим парнем.

Когда в среду я вошла со стороны зрительного зала, Эрик рылся в бумагах, что-то разыскивая.

— О, Блосс, ты, как всегда рано. Отлично. Кажется, я забыл свои записи, так что придётся подняться за ними в кабинет. Присаживайся с Гарриком и отдохни минутку.

Несмотря на то, что уже получила роль, я все равно сильно волновалась из-за повторного прослушивания. Что, если все ожидали от меня идеальной игры? Что, если моё прослушивание оказалось счастливой случайностью? Я смотрела, как Эрик выходил через дверь за кулисами, и задавалась вопросом... *Что, если он передумает?*

Я села на ряд ниже Гаррика, жалея, что не провела это время с актёрами в фойе, которые ждут и готовятся к своим повторным прослушиваниям. Когда он наклонился ко мне, я произнесла:

— Привет... друг.

Я бросила свои попытки не казаться нелепой, и вместо этого просто приняла это как должное.

Он рассмеялся, что я посчитала хорошим знаком. Определённо, могло быть и хуже.

— Не очень правдоподобно, но «пятёрка» тебе за попытку, — сказал он.

— У меня хороший учитель.

— Просто для него твоё беспокойство — слабое место.

Он наклонялся вперёд, и хотя нас разделял целый метр, клянусь, я ощутила его слова, будто он прошептал мне их на ухо.

— Прости, — в тот же момент сказал он. — Иногда я забываю.

— Я тоже, — произнесла я.

Но это была ложь. По сути, я никогда не забывала, хотя и хотела. Я мечтала забыть о расстоянии, разделяющем нас, и просто позволить себе находиться здесь, всего лишь в метре от него, но я не могла. Он прочистил горло, и на этот раз мне не пришлось представлять себе его близость, так как он находился в нескольких дюймах от моего уха.

— Я хочу кое о чем спросить тебя.

— Хорошо, — последовал мой хриплый ответ.

— Кейд.

В замешательстве я повернулась к нему и тут же отклонилась назад, потому что наши лица оказались слишком близко друг к другу.

— Это не вопрос.

— Ты все ещё с ним?

— С ним?

— Я просто... Я не могу объяснить. Вы все ещё вместе сидите на уроке, но теперь все как-то по-другому. Поэтому я и подумал, что, возможно, вы расстались.

Он думал, что я встречаюсь с Кейдом? Блин, я что, настолько слепа? Очевидно, что весь мир уже заметил, что у моего лучшего друга есть чувства ко мне. Не выйдет из меня Нэнси Дрю, по сценарию я больше похожа на Шегги и СкубиДу.

— Нам не из-за чего было расставаться, — сказала я ему.

— Что?

— Да! Мы с Кейдом не вместе. И никогда не были. — Его глаза расширились, и он таким образом наклонил голову, что стало ясно — он мне не верит. — Ты все это время думал об

этом? Что я изменила ему с тобой?

О, Боже. Парень, в которого я влюбилась или почти влюбилась, считал меня шлюхой. Может ли все быть ещё дерьмовей?

Он покачивал головой взад и вперёд, но я не была уверена, значило ли это «нет» или он просто пытается во всем этом разобраться.

— Не знаю, что я думал. Вы всегда вместе, и он дотрагивается до тебя, он всегда дотрагивается до тебя. Поверь мне, я заметил. Я просто предположил, что в этом и есть причина, почему... почему ты сбежала той ночью.

— Я убежала не из-за Кейда! Мне нужно было забрать кошку...

— Блисс, я не идиот.

Боже, вот и все. Почему-то я посчитала, что эта ужасная отговорка сработала. То есть, очевидно, что она не совсем отпугнула его, как я думала изначально. Он всегда знал, что это был лишь предлог, но неправильно истолковал причину. И я не могла назвать ему настоящую причину, не сейчас, не здесь в театре, где мы должны быть профессионалами (хотя я почти уверена, что с этим профессионалом все кончено).

— У меня есть кошка! Правда! — Черт... и почему я даже не могу вспомнить пол своего питомца? — Хм-м... она серая и очаровательная, и её зовут... Гамлет, — я ляпнула первое, что пришло мне в голову.

Я гениальна. Я даже не смогла придумать кошке женское имя. Будто у меня в голове разумное и абсурдное разделял мост, который я каким-то образом умудрилась сжечь.

— У тебя кошка по имени Гамлет?

— Да. — Убейте меня кто-нибудь. — Именно так.

Ну вот. Теперь я должна завести кошку.

— Ладно. Так если ты не встречаешься с Кейдом, то что между вами происходит?

Я чувствовала, как жар заливает мою шею.

— Ничего.

— Ты ужасная лгунья.

Да, я была ужасной лгуньей. Мои уши, вероятно, выглядели так, будто я провела час в солярии.

— Я сказала, ничего нет. Просто кое-что произошло в пятницу вечером, когда я была... как вы, британцы, это называете? В стельку?

Он резко отстранился от меня, но его руки продолжали сжимать спинку моего сиденья.

— Ты переспала с ним?

— Что? Нет!

Он не наклонился обратно ко мне, но его хватка на сиденье ослабла. Костяшки его пальцев коснулись моей руки.

— Хорошо.

— Гаррик...

Он приблизился к тому, чего мы не должны были затрагивать.

Он нахально усмехнулся

— Что? Из-за того, что сейчас ты не моя, я не собираюсь нормально относиться к тому, что ты — его.

Мой мозг буквально споткнулся о слово «сейчас», но я решила пропустить его мимо ушей.

— Притворюсь, что не слышала, как ты только что приравнял меня к собственности.

— А мы не можем обладать друг другом?

Если бы мозг мог получать оргазм, то уверена, что он был бы похож на это. Я не должна была чувствовать такого, но в его словах звучал собственнический инстинкт, который отражался

в его темных глазах. От этого у меня по спине бегали мурашки, пока пальцы не онемели от пустоты. Я не могла ответить на его вопрос, поэтому задала свой:

— Что с тобой такое? Я думала, ты пообещал, что мы больше не будем касаться этого.

Он провёл руками по волосам, приводя свои кудри в очаровательный беспорядок, отчего мой желудок сделал двойное сальто.

— Не знаю. Я просто... Я начал сходить с ума, думая о вас двоих вместе.

— Мы целовались. И больше ничего.

Он вздрогнул, будто я сообщила ему, что мы с Кейдом поженились и у нас полный дом детишек. Я не могла смотреть на него. Иначе у меня возникало желание совершать безумные поступки. Я повторила:

— Это был просто поцелуй. Он ничего не значил.

— Я не хочу, чтобы кто-то ещё целовал тебя.

— Гаррик...

Я уже начала ненавидеть предостерегающий тон, сквозивший в моем в голосе. Если он продолжит в том же духе, я больше не смогу сдерживаться. Я просто наброшусь на него, и, скорее всего, в этот момент войдёт Эрик.

— Я знаю, что это не честно. Я действительно конченный идиот. Я продолжал твердить себе оставить тебя в покое, но, правда в том, что... я не уверен, что могу. А теперь, когда я знаю, что ты не встречаешься с Кейдом...

— Что ты такое говоришь?

Скрипнула дверь за кулисами, и тут я осознала, насколько близко мы сидели. Моё сердце гудело, как порванная гитарная струна. Я успела отодвинуться на пару мест за секунду до того, как вошёл Эрик. Он торжественно продемонстрировал нам свой блокнот.

— Есть! Ещё я принёс тебе настоящий сценарий, Блосс, поэтому тебе больше не придётся использовать копии.

Я пыталась успокоить своё бешено колотящееся сердце, когда Эрик передал мне пьесу.

Не смотри на Гаррика. Не смотри на него.

Но это не имело значения... Я слишком много думала о нем. Даже если я спущусь на несколько рядов ниже, уверена, я замечу каждое его движение, каждый вдох, каждый взгляд.

Маленькая книжечка удобно лежала у меня в ладонях, все ещё тёплая от рук Эрика, и я боролась с желанием начать что-то говорить, лишь бы в ту же секунду отвлечься от Гаррика. В комнату вошла помощница режиссёра Алисса, которая была на год младше меня, и объявила, что мы можем начать, как только Эрик будет готов.

Он кивнул и повернулся ко мне.

— Блосс, мы начнём с Ипполитов. Я хочу ещё раз прогнать их монологи, а потом вступишь ты. Просто придержишься того, что ты делала в прошлый раз в своём выступлении. Играй по-настоящему: ты хочешь его, но тебе стыдно, твой страх — это твоё же препятствие.

Я кинула взгляд на Гаррика. Что ж, должно быть просто.

Вернулась Алисса, со спокойно идущим позади неё Джереми. Она села за рабочий стол, а Джереми встал посередине сцены: плечи — назад, подбородок — вверх.

Он хорошо смотрелся. Я улыбнулась, почувствовав гордость за него. Наш маленький второкурсник.

— Привет, Джереми. Я бы хотел ещё раз прослушать твой монолог, чтобы просто начать. Потом посмотрим, как ты сработаетесь с Блосс.

Джереми прочистил горло и на секунду замер.

Мне нравился именно этот момент, перед самым действием. Он как вершина надежды и предчувствия. Как прыжок со скалы, зная что-то, что произойдёт потом, — ужасающее и

прекрасное, это сам смысл жизни. Именно этот момент... он был непередаваем.

Был сломлен, подчинен всеобщей был судьбе.

В смятенье изменил я самому себе.

В самом начале в выступлении Джереми слышалось отчаяние, но звучало оно молодо. Да и он сам выглядел молодо. Когда он заговорил, его слова и эмоции вырвались наружу. Как только он начал признаваться в любви Арисии, его было уже не остановить.

Час пробил — и мой дух, свободный и суровый,

Смирился и надел любовные оковы.

О, сколько в прошлом мук и сколько впереди!

Полгода как живу я со стрелой в груди,

Напрасно от неё избавиться мечтаю.

До сих пор я не понимала, что и Ипполит, и Федра любили друг друга, но стыдились этого: Федра — из-за того, кого она любила, а Ипполит — просто из-за самого чувства. В исполнении Джереми я смогла увидеть этот стыд, то, как он разъедает его, и мне стало интересно, выглядела ли я так же во время своего выступления... выгляжу ли я так же каждый раз, когда думаю о Гаррике.

Ты здесь — бегу я прочь; коль нет — ищу тебя я.

Взгляд Гаррика был прикован к Джереми, но время от времени он поглядывал на свои записи, которые делал в блокноте у него на коленях.

Последняя строчка эхом отдавалась в моей голове, как музыка, мелодия, которую один раз услышал и от которой больше не можешь отделаться.

Когда он был рядом, я бежала от него. Но, несмотря на расстояние между нами, я все равно возвращалась к нему. Все это возвращало меня к нему.

Эрик встал со своего места и произнёс:

— Хорошо. Хорошо. Теперь давай посмотрим на тебя с Блосс.

Я оторвала взгляд от Гаррика и, взяв сценарий, на ватных ногах направилась к сцене.

Как бы я не любила Джереми, но уже через несколько минут мне стало ясно, что он не Ипполит. Во-первых, он не был высоким, красивым молодым человеком, который мог завладеть сердцем Федры и вывернуть её душу наизнанку. Джереми был слишком молод. Он обладал страстью, но порой этого не достаточно.

Мы просмотрели выступления ещё двух ребят, которые тоже не особо подходили на эту роль из-за недостатка уверенности. Эти прослушивания прошли быстро.

Теперь настала очередь Кейда.

Я всегда считала, что самое большое преимущество Кейда — его голос. На сцене он походил на низкий рокот, независимо от силы звука. А вместе с игрой, которая была полна подлинности и лиризма, его голос звучал идеально. На лице Эрика всегда было трудно что-либо прочесть, но тому определённо больше понравилась игра Кейда, чем предыдущих выступавших.

Но когда в игру вступила я, все пошло не так. Мы проигрывали сцену, где Федра впервые раскрывает свои чувства к Ипполиту. Они говорили о смерти Тесея, мужа Федры и отца Ипполита.

Ипполиту никогда не нравилась его мачеха. Он не знал, что она специально так плохо к

нему относилась, чтобы было проще сохранять дистанцию между ними, ведь она полюбила его ещё до смерти Тесея.

Мы спокойно прошли часть разговора о смерти Тесея, но буквально на середине моего монолога, когда я начала раскрывать свои чувства, на сцену вышел Эрик.

— Стоп. Остановитесь. Кейд, что ты делаешь?

Кейд выглядел ошеломлённым, будто ему сейчас станет плохо.

— Прошу прощения?

— Ты презираешь её. Когда до тебя доходит откровение её чувств, ты должен быть шокирован, раздражён, даже зол.

— Конечно, сэр.

— Так почему ты выглядишь, как глупый влюблённый щенок, готовый ответить на её чувства?

Как будто мне было недостаточно чувства вины, которое я ощутила за это выступление. Теперь оно возросло ещё больше. Это была моя ошибка. Проблема не в пьесе, а во мне. Кейд так долго скрывал свои чувства, но я заметила, что с того момента, как я поцеловала его на вечеринке, ему все сложнее это делать. Он носил свою надежду на что-то, как зимнее пальто, покрывающее все остальное.

Я не смотрела на Кейда, пока Эрик отчитывал его, потому что не была уверена в том, что смогу не показать жалости на своём лице, а ему это очень не понравится. Поэтому я смотрела на Гаррика. Его лицо перекосилось. И хотя нас разделяло каких-то пятнадцать шагов, мне казалось, что я смотрю на него издалека. Его взгляд на секунду задержался на мне, а потом он перевёл его на Кейда и нахмурился ещё сильнее. Спустя несколько секунд он снова пристально посмотрел мне в глаза. Было что-то другое в этом взгляде, что-то изменилось, от чего моё сердце стало биться чаще, а на коже волоски встали дыбом.

Мы закончили сцену без инцидентов. Это выступление получилось не самым сильным из того, что он мог показать, но, на мой взгляд, пока оно было лучшим среди всех. Хотя, думаю, я была предвзятой. Мне должно быть приятно, что моему другу проблематично сыграть отвращение ко мне. Но в глубине души засела эта мысль, и она пускала свои корни все дальше и глубже, несмотря на все мои попытки выбросить её из головы.

Если бы он знал настоящую причину, почему я сказала «может быть»... почему мы не можем быть вместе, он бы точно смог презирать меня.

Во время сцен с остальными претендентами я не могла сосредоточиться. Настолько, что Эрик решил — самое время дать мне передохнуть. Желая глотнуть свежего воздуха, я выскользнула через запасной выход (которым никогда не пользовались) и прежде, чем услышала, как дверь скрипнула ещё раз, уже знала, что Гаррик пошёл за мной.

— Ты хорошо играешь, — сказал он.

Я быстро выдохнула. Это могло сойти за смех, если бы у меня было больше сил.

— Ага, и именно поэтому ты здесь, чтобы мне стало лучше.

— Причина, почему я здесь, весьма эгоистична.

Я всегда думала, что смогу привыкнуть к тому, как он говорит такие вещи, к его прямоте. Но, похоже, никогда не привыкну.

— Ты был прав. Ты ведёшь себя как конченный идиот.

Но в моих словах все равно ощущалось лёгкое тепло, когда он усмехнулся. Он обошёл меня, глядя куда-то вдаль.

— Я продолжаю думать, что эта пьеса — знак. В ней так много про нас.

— И кто из нас похотливая мамочка в этой ситуации? Я или ты?

Его взгляд вернулся ко мне, опускаясь и изучая каждый изгиб моего тела.

— О, это определённо я, — ответил он. — Федра всегда говорит, что она эгоистка. Что она ненавидит себя за это, но ничего не может поделать. Она не может отказать себе в своих желаниях, даже если они принесут ему и ей только неприятности.

— Так ты чему-то научился у нашего литературного аналога?

— Не совсем. Я почему-то думаю, что она каждый раз поступала бы именно так, даже если бы у неё был шанс... шанс, что можно все исправить. Даже если в 99 случаях из 100 эта история заканчивалась бы плохо, то она стоила бы того, если бы хоть один раз у неё был счастливый конец.

— Послушай, Гаррик, ты очень здорово проводишь параллели, особенно со своим акцентом, но я немного устала от метафор и сравнений с историями об обречённой любви. Просто скажи то, что хочешь сказать. Я всю ночь разбирала загадочный древний текст. И не хочу расшифровывать ещё и твои слова.

— Я хочу сказать, что был не прав. — Он подошёл ближе, и моя усталость испарилась, сменившись прошедшим через все тело электрическим током. — Что ты мне нравишься. И мне наплевать, что я твой учитель.

А потом он поцеловал меня.

Я оттолкнула его прежде, чем моё сердце и сознание покинули меня. Наслаждение от поцелуя возникло уже после того, как он прервался, поэтому сейчас оно напоминало отголосок. И хотя именно я оттолкнула его, мне все равно хотелось продолжения.

— Гаррик, это безумие.

— Я люблю безумства.

Вопрос был в том... люблю ли я их? Это была самая сумасшедшая вещь в моей жизни. Она пугала меня и волновала одновременно. Я отстранилась, мне нужно было расстояние, чтобы все обдумать. Существовало так много шансов, что все закончится плохо. Но в то же время, впервые моя жизнь мне показалась интереснее жизни героев на страницах. И, Боже мой, как бы мне хотелось узнать конец.

И разве Эрик не говорил, что мне лучше принимать смелые решения? Он говорил так об игре, но разве нельзя применить то же правило и в жизни?

Гаррик провёл ладонью по моему лбу, а потом запустил её в мои волосы.

— Просто подумай об этом.

Ох, я подумаю об этом, не сомневайся. Скорее всего, лишь об этом я и смогу думать.

Он быстро, почти незаметно коснулся губами моего лба и ушёл, оставив меня наедине с путаницей в мыслях и беспорядком в сердце.

— Зачем тебе вообще кошка? — на следующий день спросила Келси, когда мы выходили с режиссуры.

— Просто хочется, ладно? Ты идешь со мной или нет?

Она пожала плечами.

— Прости, не могу. У меня работа. Возьми Кейда.

Будто его вызвали, между нами внезапно возник Кейд, и мне стало интересно, как долго он слушал наш разговор.

— Взять меня куда?

— Я собираюсь в приют для животных выбрать себе кошку, — сказала я.

— О, круто, — сказал он, кивая. — Жаль, что я живу в общежитии. Мне бы хотелось иметь собаку.

Я знала, что он старался сохранять безопасное расстояние между нами, и почти непрерывное кивание головой позволяло ему чем-то себя занять, ему не хотелось останавливаться. Келси опустила на нос солнечные очки, хотя мы все еще находились в помещении.

— Ну, как бы весело не было... мне нужно бежать. Вы там повеселитесь в приюте. Только не возвращайся домой женщиной-кошкой, Блисс.

Келси не обратила внимания на испуганный взгляд, который я бросила на нее. Мы с Кейдом не оставались наедине с момента нашего разговора про «может быть». Он беспокойно перекинул свою сумку на другое плечо — он всегда так делал, когда нервничал.

— Если ты хочешь идти одна, то все круто.

— Нет, нет. Ты должен пойти.

Мы должны пройти через это. И я вижу только два пути: мы останемся вместе или нет. Ожидание лишь убьет наши отношения (они уже и так изрядно покалечены). И если нам предстоял такой разговор, то лучшее для этого место — в окружении милых зверушек.

— Хорошо. Круто, — сказал он.

Ага... круто.

Я была рада сесть за руль. Так как это давало мне возможность занять свои тело и разум. Это была моя машина, поэтому я могла включить музыку так громко, как хотела. Но я не рассчитывала, что Кейд в моей машине чувствовал себя настолько комфортно, что мог выключить её.

— Итак, почему ты решила завести кошку?

О-о, ну ты знаешь. Я чуть не переспала с нашим преподавателем, но сбежала с помощью своей мнимой кошки в качестве оправдания, и теперь он, возможно, хочет, чтобы мы были вместе, хотя это самая худшая идея в мире. Но мне вроде как на это наплевать, потому что мое тело и, вероятно, сердце говорили о том, что это самая лучшая в мире идея. Так что теперь мне нужна кошка, чтобы он не догадался, что я соврала про кошку, потому что я девственница и испугалась секса с ним.

Но я ответила лишь это:

— Просто захотелось кошку.

— Ох. Круто.

Если он еще раз скажет «круто», я закричу.

Я въехала на парковку приюта, жалея, что не сказала Кейду, что хочу пойти одна.

Мне было нужно что-то пушистое и очаровательное.

Мы вошли внутрь в стойкий запах лекарств, оставленных на продажу и для ветеринаров. Дама на рецепшене даже выглядела немного по-кошачьи, будто работа здесь была в ее ДНК. У нее было слегка заостренное лицо, раскосые глаза и короткие кудрявые волосы.

— Здравствуйте! Я могу вам чем-то помочь?

— Здравствуйте, — ответила я. — Мне бы хотелось приютить у себя кошку.

Она хлопнула крошечными ладошками, которые мне напомнили лапы.

— Замечательно. У нас полно прекрасных кандидатур. Почему бы вам не пройти в комнату с кошками и не осмотреться там?

Мы прошли за ней в коридор, и запах лекарств стал сильнее, перекрывая даже запах животных, обитающих здесь.

— Ну вот, мы и пришли.

Комната была заставлена клетками, и я не знала, когда именно началось мяуканье: как мы вошли или оно здесь было постоянным— но мы оказались в жутком шуме.

— Я оставлю вас двоих наедине. Мы лишь просим, чтобы вы смотрели только одно животное за раз.

С широкой чеширской улыбкой на лице она махнула рукой и вышла.

Я молча заглянула в клетки, чувствуя себя немного потерянной.

Мне нравились кошки, но я не была уверена, что на самом деле хочу себе одну. Что я буду с ней делать, когда выпущусь? Стоит ли это делать из-за парня? Стоит ли это делать из-за секса? Ну, то есть, это ведь не единственный способ лишиться девственности.

Я посмотрела на Кейда, который просунул пальцы сквозь прутья ближайшей клетки, поглаживая угольно-черную кошку.

Если быть честной, дело ведь не только в сексе, даже если началось все именно с него. Насколько сильно я хотела Гаррика, настолько же была уверена, что если я еще раз попытаюсь с ним переспать, то история повторится.

— Знаешь, что? — громко произнесла я. — Наверное, я еще не готова завести кошку.

Я уже развернулась, чтобы выйти, но Кейд преградил мне путь.

— Эй. Ты слишком нерешительная. Ты даже еще не подержала ни одну на руках. Дай ей хотя бы шанс.

Он открыл клетку с черной кошкой и взял её на руки. Затем протянул мне, все еще поглаживая кошачью мордочку. Мои глаза оказались на одном уровне с пушистым клубком, и я могла слышать её мурлыканье, которое напоминало рев двигателя.

Я сделала шаг назад и принялась объяснять, не вникая в суть:

— Дело не в том, что я не люблю кошек. На самом деле, мне бы понравилось иметь... кошку. Но что, если я возьму её, а окажусь не готова? Что, если я выберу не ту кошку? Или что, если у меня не получится... быть кошатницей?

Боже, насколько проще было бы говорить то, что думаешь на самом деле?

Кейд закатил глаза и все-таки сунул мне животное в руки.

— Блсс, у тебя не может не получиться, если ты постарайся.

У меня могло не получиться в сексе. Зная мой слишком активный, нервный мозг, он у меня мог получиться абсолютно ужасно.

Кошка вытянулась и потерлась своей макушкой о мой подбородок. Это было так очаровательно. Кейд улыбнулся мне, и я подумала... может, Кейд был бы лучшим выбором. Боялась бы я секса настолько сильно, если бы он был с Кейдом?

От этой мысли я задрожала, и у меня подкосились ноги.

Я все еще неуверенно, но уже чувствуя себя спокойнее, вернула ему кошку. Я пошла вдоль клеток в поисках серой кошки, которая могла бы подойти на роль Гамлета. Найдя ее, я поняла,

что судьба, должно быть, смеется надо мной. Она сидела в конце клетки, насторожено глядя на меня своими огромными зелеными глазами. Когда я открыла клетку, кошка ответила мне приглушенным рычанием.

Ну конечно... У меня будет пугливая кошка.

За моим плечом Кейд произнес:

— Ты, наверное, шутишь.

Эх, если бы. Но я сказала Гаррику, что Гамлет — серая кошка.

— Иногда самые жуткие вещи в мире оказываются самыми достойными, — сказала я ему, вспомнив когда-то слова, прочитанные в печенье с предсказаниями. Звучало мудро, не так ли?

Я засунула в клетку руки, морально приготовившись к укусам, царапинам или вообще к бойне. Но когда мои ладони обвили вокруг её живота, она ответила лишь негромким ворчанием. Кейд обескуражено покачал головой.

— А почему ты не хочешь вот эту? — Он приблизил черную кошку к своему лицу. — Она такая милая!

Как полная противоположность, кошка у меня на руках была сильно встревожена: лапы напряжены, глаза расширены. У меня возникло ощущение, что если я прижму её чуть сильнее, то она покалечит меня. Я опустила её на пол, и она сразу же спряталась под ближайшей лавкой.

Я знала, что он спрашивал только про кошку, но услышала другой вопрос. Тот, который он не произнес вслух, по крайней мере, не сегодня. Кейд был милым, и мысль о том, чтобы быть с ним, не покидала меня, парализуя страхом. Она, по сути, подавляла любые эмоции.

Именно тогда я и поняла...

— Кейд... Я должна забрать назад свое «может быть».

Клянусь, даже кошки перестали мяукать. Я могла представить их потрясенное молчание. Казалось, что они говорили: «Что? Нет, она не может».

— Ох.

Я ждала его реакции: криков, злости, чего угодно. Что он напряжется, как эта кошка, выпустит когти, обнажит клыки. Но вместо этого, он тихо отошел к клетке и осторожно посадил туда черную кошку, наверно, из-за того, что вспомнил слова дамы: нельзя вытаскивать больше одного животного за раз. Таков был Кейд — всегда следующим правилам. Такой всегда была и я, но начала сомневалась, хоч ли теперь оставаться такой и дальше.

Его движение было автоматическим, простым и точным. Он закрыл дверцу клетки и с резким щелчком задвинул щеколду. Он все еще стоял спиной, когда заговорил:

— Могу я спросить, почему?

Я резко выдохнула. Я обязана ему столь многим, но как могу признаться в таком? Он не мог знать. Если я собиралась сделать это с Гарриком (кого я обманывала? я действительно собиралась), тогда никто не мог об этом знать. Даже мои лучшие друзья.

— Я... просто есть кое-кто другой.

— Есть?

Это было так ужасно, как засунуть руку в блендер. Он не смотрел на меня, и я ощущала свое сердце, как тонкую бумажную салфетку, что подтверждало мою бессердечность, раз я собиралась причинить боль своему лучшему другу.

— Все это немного... сложно. Но он мне нравится, очень. Я собиралась подождать и посмотреть, исчезнут ли мои чувства к нему, поэтому мы с тобой могли бы... — Я замолчала, не желая облекать свои мысли в слова. В этом не было смысла. — Просто, Кейд, я не могла больше это выносить. Прошло меньше недели, а мне уже казалось, что я умираю. Мне так надоело думать о своих действиях, когда ты рядом, все ли в порядке, не пересекла ли я черту, не делаю ли тебе больно. Я скучаю по своему лучшему другу, даже когда стою рядом с тобой. Поэтому...

я должна была сделать выбор. Ты мне так сильно нужен, чтобы разрушить наши отношения. Если бы я сказала «да», но мои чувства к нему не прошли бы... я не могла так поступить. Пожалуйста, скажи мне, что я уже не разрушила их. Пожалуйста, пожалуйста.

Тогда он обернулся, и я была поражена болью, которую увидела в его глазах. Его лицо казалось незнакомым, когда он хмурился.

— Я хочу сказать, что с нами все в порядке, Блосс. Ты мне тоже нужна. Но я не могу притворяться, что не надеюсь на то, во что это может перерасти. Не знаю, смогу ли я. Правда в том, что... ты делаешь мне больно. Не специально, я знаю. Но я люблю тебя, и каждую секунду, когда вижу, что ты не любишь меня в ответ... мне больно.

— Кейд... — я потянулась к нему.

— Пожалуйста, не надо. Я не могу.

Запах лекарств в помещении внезапно стал невыносимым, тошнотворным.

— Не можешь что? Быть моим другом? — спросила я.

— Не знаю, Блосс. Просто не знаю. Может быть.

Оттенок горечи в его голосе был почти не заметен, но он все равно поразил меня, как пощечина.

Он вышел за дверь, и я опустилась на скамейку, подавленная, побитая и сторевшая до тла. Мое бумажное сердце было смято и уничтожено.

Так я и сидела, пытаюсь понять, могла ли я сделать что-то лучше. Существовал ли хоть какой-то способ, что я могла предпринять, не разрушив все к чертям собачим? Может, не говорить ему все прямо было бы лучшей идеей? Нужно ли мне было дожидаться окончания учебного года и исчезновения Гаррика из моей жизни, чтобы попробовать что-нибудь с Кейдом?

Однажды, когда я была маленькая и потеряла друга, мама сказала мне, что любые отношения заканчиваются. Они как звезда, которая горит все ярче и ярче, и вроде бы все в порядке, но в один прекрасный момент все заканчивается. Они сгорают.

Я не могла смириться с тем, что наша дружба с Кейдом закончилась.

Что-то ткнулось мне в ноги, и между ними появилась кошачья голова. Она просунула все свое тело сквозь расстояние между моими конечностями, по ходу вытираясь об меня. Развернувшись, она прижала голову к моей голени. Я протянула к ней руку, и она сжалась, глядя на меня со страхом в глазах. Я тянулась до тех пор, пока моя рука не достала до её спины, а затем погладила её, плавно проводя по шерсти. Её тело расслабилось, и я погладила её снова.

Я сползла на пол рядом с ней. Она снова сжалась, но не убежала. Когда я убедилась, что ей стало комфортно возле меня, то подняла ее на руки. Я прижалась лицом к её шерсти, впитывая спокойствие, которое она, не зная того, распространяла.

— Давай заключим сделку, Гамлет. Я помогу тебе меньше бояться, а ты поможешь мне.

К тому времени, как я заполнила необходимые документы и разместила Гамлета в дешевой картонной сумке-переноске для кошек, прошло почти тридцать минут с тех пор, как Кейд ушел к моей машине. На стоянке я нигде не смогла его найти.

Я проверила свой телефон, но сообщений не было.

Осмотрела лобовое стекло, но и записка отсутствовала.

Я позвонила ему, но он не ответил.

Я позвонила еще раз, но попала на голосовую почту.

А когда раздался звуковой сигнал, я расплакалась.

— Кейд, прости меня. Мне так жаль. Я не знаю, как все исправить. Я просто хочу, чтобы между нами все было, как раньше. Боже, какая глупость. Я знаю, что это невозможно. Знаю, что ничего уже не будет, как раньше, но... Я не знаю. Не важно. Просто... Дай мне знать, что с тобой все в порядке. Тебя нет у моей машины, и я не знаю, как ты добрался до дома, если ты вообще поехал домой. Просто позвони мне. Пожалуйста. Давай поговорим об этом.

Спустя несколько минут, когда я сидела на гравии рядом со своей машиной, а мои джинсы испачкались в пыли, я получила сообщение: «Со мной все в порядке».

Я снова попыталась позвонить, но опять попала на голосовую почту.

И как бы сильно я не пыталась почувствовать все иначе, надеяться, что мы пережили это... Я уже ощущала это. Я была выжжена изнутри.

Может, все дело в печали. А может, я просто сошла с ума. Может, мне просто больше некуда было пойти. Но когда я вернулась в свой жилой квартал, то не пошла в свою квартиру. С Гамлетом под мышкой я отправилась к Гаррику.

Не знаю, как я выглядела со стороны, когда он открыл дверь. Да и по сути не хотела знать. Но он почти мгновенно широко распахнул дверь, жестом приглашая меня войти и не задавая никаких вопросов. Я никогда раньше не была у него дома. Я должна была заметить все сама или же попросить его мне показать. Я должна была сказать хоть что-то, но у меня были готовы вырваться лишь рыдания, и мне пришлось приложить все усилия и внимание, чтобы удержать их внутри.

Но даже этого было недостаточно, когда он пальцами приподнял мой подбородок. Он произнес мое имя, и я увидела беспокойство в его взгляде. Слезы потоком полились из меня, как из переполненной чаши, и я не могла сдержать их, не могла правильно дышать, не могла все объяснить.

Он забрал у меня из рук переноску с Гамлетом и обвил рукой за плечи. А потом повел по практически такому же коридору, как и мой, в гостиную, которая была совершенно другой. Она была заполнена книгами: одни стояли на полках, другие стопками лежали на полу. Мебель была простой, немного современной, но не настолько новой, поэтому я не сразу решила опуститься на подушки черного дивана, схватив белую подушку и прижав ее к груди. А потом Гаррик сел возле меня и забрал у меня из рук мягкую подушку, заменив ее собой. Он усадил меня к себе на колени, баюкая как ребенка, вытирая слезы, поглаживая по волосам и спине.

— Он ненавидит меня, — наконец, выдавила я. Он не спрашивал, но его беспокойство все равно тронуло меня и сорвало прямо с губ эти слова.

— Кто, милая?

С моих губ слетели быстрые короткие вздохи, небольшие поскуливания, которые я, кажется, не могла контролировать.

— К-Кейд.

— Кейд не смог бы тебя ненавидеть, — сказал он.

— Но это так. Он ушел. Он даже не поговорил со мной.

Я разразилась новым приступом слез, и он просто притянул меня ближе к себе, спрятав мою голову у себя на груди под подбородком.

Какое-то время он позволял мне рыдать, бормоча различные успокаивающие слова. *С тобой все будет в порядке, милая. Все образуется. Успокойся. Дыши глубже, Блосс. Я здесь. Все будет хорошо. Чтобы не произошло, мы все уладим. Все нормально, милая.*

Он, должно быть, прошептал тысячи вариаций, но не останавливался, даже несмотря на то, что я его почти не слушала. Когда я, наконец, успокоилась, то поняла, что слишком устала, чтобы сделать хоть что-нибудь еще. Я бессильно лежала на нем, сосредоточившись на вдохах и выдохах, а он все равно держал меня. Наконец, сквозь туман в моей голове прорвался непонятный шум. Низкий раздраженный рокот.

Гамлет. Все это время она просидела в тесной сумке там, где я её оставила.

Осознав это, я села. Туман рассеялся за секунду.

— Прости, но мне нужно отнести её домой.

Я уже встала и потянулась к сумке, когда Гаррик взял меня за локти.

— Останься, милая. Ты расстроена. Я позабочусь о кошке.

Нет. Я не могла позволить ему сделать это, потому что тогда он увидит, что все вещи, которые я сегодня купила для Гамлета, все еще новые и неиспользованные.

— Нет, все в порядке. Мне действительно нужно идти. Я в норме, спасибо.

— Блосс, пожалуйста, поговори со мной.

Мое тело тянулось к нему против моей воли, снова желая его утешения, но я еще не приняла решения.

— Я даже не знаю...

— Как насчет компромисса. Ты идешь домой и разбираешься с кошкой, а я попозже принесу ужин. Мы сможем поговорить, или просто посмотреть фильм, или все, что угодно, по твоему желанию. Я просто... Если ты вот так уйдешь, я сойду с ума от переживаний.

Спустя секунду я кивнула.

— Хорошо.

— Точно?

— Да. Только дай мне час, ладно?

Он улыбнулся, и я поняла... что влипла.

Я была совершенно уверена, моя новая кошка меня ненавидела.

Не то, чтобы я винила её после того, как надолго оставила её в сумке.

Но что бы я ни делала, она каждый раз рычала, как только я хоть на шаг приближалась к ней. Я оставила на кухне для нее еду, но она её проигнорировала. Я приготовила для нее туалет и поставила его в уборной. Затем отнесла её к нему и посадила внутрь, чтобы она хотя бы знала, где он находится. Но она зашипела и бросилась бежать, разбрасывая по дороге наполнитель. Когда она спряталась под диваном, только яркие, злые глаза были видны в темноте.

И почему я не сказала Гаррику, что мою кошку зовут Леди Макбет? Это имя ей подошло бы гораздо больше.

В остальное же время я пребывала наедине со своими мыслями, которые были столь же приятными, как вирус Эбола. Я убрала гостиную, а потом подумала о том, чтобы сбежать. Я

прибралась в спальне, затем бросилась в ванную, уверенная, что меня сейчас вырвет, но нет. Я почти пожалела об этом, потому что могла сослаться на плохое самочувствие.

Прежде, чем у меня появилась возможность уговорить себя или отговорить от этого... раздался стук в дверь.

Мое сердце билось так, будто кто-то использовал его как батут. Я глубоко вдохнула. Я ничего ему не обещала. Он сказал, что мы сможем просто поговорить. Или посмотреть фильм. Или заняться всем, чем захочу. Ничего серьезного.

Когда я открыла дверь, Гаррик выглядел настолько радостным, что стало трудно бояться его присутствия.

— Я забыл спросить, что ты хочешь, поэтому взял пиццу, гамбургер и салат.

Он удерживал все вышеперечисленное в руках, и меня внезапно поразило, насколько сильно все-таки он мне нравился. Не только в романтическом плане. А вообще. Он был потрясающим.

Я улыбнулась.

— Пицца — это здорово.

Я отошла в сторону, и он прошел внутрь квартиры. И хотя несколько минут назад я сходила с ума, но было что-то естественное в том, что он находился здесь, у меня дома. Не то, чтобы я уже не нервничала, просто... он как будто принадлежал этому месту.

Мы прошли в мою кухню-гостиную, и он положил еду на маленький круглый кухонный островок, выступающий из стойки.

Я принялась готовить нам напитки и доставать тарелки, а когда мне уже не на что было отвлечься, я вытащила из-под кухонного островка один из барных стульев и села рядом с ним. Я положила кусочек пиццы себе на тарелку, а он открыл салат. Я сузила глаза.

— Ты же не собираешься есть салат в то время как я буду поедать всю эту жирную пищу, да?

Он вылил заправку на свой салат и усмехнулся.

— О, я тоже съем гамбургер. И пиццу, если ты мне оставишь.

Я закатила глаза. Парни выматывали.

Мы разговаривали. Но ни о чем серьезном. Он воспротивился, когда я обмакнула свой кусок пиццы в салатную приправу «ранчо». ^[8] А когда я дала ему попробовать, он сморщился, будто это была какая-то мерзость. Но позже я увидела, как он макает в него свой кусок, пока я заново наливала себе попить. Пока я не наелась до такой степени, что казалось, будто сейчас лопну, он затронул тему моего недавнего срыва.

— Так теперь ты можешь рассказать мне, что у вас произошло с Кейдом?

Я взяла паперони с недоеденного куса пиццы у меня на тарелке.

— Полагаю, мы поссорились. Я так думаю. Но не уверена. Мы никогда раньше не ссорились.

— Из-за чего?

Я выдохнула воздух, удерживаемый в легких, и начала убирать продукты в холодильник и ставить тарелки в раковину.

— Из-за поцелуя.

Я могла представить реакцию Гаррика, даже не видя ее, поэтому решила продолжить и начать мыть посуду... вручную... несмотря на то, что у меня была посудомоечная машина.

— Я ему нравлюсь, — продолжила я. — Он сказал мне об этом после поцелуя, и мы стали вести себя, как ни в чем не бывало, но это было ужасно, и я просто устала притворяться, что все нормально.

Он оказался рядом со мной, забирая у меня тарелки и вытирая их. Должно быть, сейчас он

понял, что мне было проще говорить, когда мы не смотрели друг на друга, потому что он долго удерживал взгляд на тарелке после того, как та стала сухой.

— И что ты сделала?

— Я сказала ему, что у нас вряд ли что-то получится.

— Ты даже совсем немного не интересовалась им? — спросил Гаррик.

Не думаю, что Гаррик действительно хотел услышать ответ, но он все равно получит то, что хочет. А мне нужно было кому-то выговориться.

— Я думала об этом. Кейд милый, и мне нравится с ним проводить время, но он на самом деле не вызывает у меня никаких чувств.

Он перестал глядеть на тарелку и повернулся ко мне, опираясь бедром на стойку рядом со мной.

— А я вызываю у тебя какие-нибудь чувства?

Я смотрела на него довольно долго, чтобы понять, шутит ли он. Но он не шутил. Я отвела взгляд.

— Это глупый вопрос.

— Разве? Тебя сложнее прочесть, чем ты думаешь.

Я вытерла руки полотенцем и подошла к дивану, забившись в угол и положив подушку на колени.

— Я серьезно, — продолжил Гаррик. — Иногда ты реагируешь так... ну, как бы мне хотелось, чтобы ты реагировала. Но иногда, как на улице во время повторных прослушиваний, ты отталкиваешь меня, будто я тебя не волную так, как ты меня.

Я крепче прижала подушку к груди.

— Ты меня волнуешь, Гаррик. Я просто сбита с толку... и обеспокоена. И я не понимаю, почему ты не испытываешь того же.

Он сел на другую сторону дивана, посередине нас разделяла целая подушка.

— Мне кажется, что все, что я делаю, так это беспокоюсь, — сказал он.

— И ты думаешь, это умно?

Он, смеясь, покачал головой.

— О, это определенно не умно. И я знаю это. Но если честно, Блосс? Я здесь несчастен. Здорово иметь постоянную работу, мне нравится учить, но у меня не осталось здесь друзей. Я иду на работу, а потом возвращаюсь к себе домой. И думаю о тебе, потому что ничего не могу с этим поделать, и ничто не может меня отвлечь от этих мыслей. Особенно, когда знаю, что ты находишься всего в одном здании от меня. Ночью, когда мы встретились... Блосс, обычно я такого не делаю. Я передумал обо всем, чтобы прийти сюда, и ты все, что мне было нужно. Не знаю, как много раз я останавливал себя, чтобы не прийти и не постучаться в твою дверь. И да, то, что я увидел вас с Кейдом, безусловно послужило для меня мотивацией, но более того... Ты мне просто нравишься, Блосс. Как учителю. Как человеку. Как парню.

Было трудно дышать ровно, сдерживать желание и не показать его на своем лице, удержаться и не потянуться к нему.

— И что теперь? — я спросила его.

— Понятия не имею.

У меня было так много идей. В этом и проблема.

— Если мы сделаем это... — начала я, а потом замолчала. Вся его поза изменилась, и я почувствовала, как она отозвалась в моей. Мы были готовы переступить черту, и оба знали это. — Если мы сделаем это, нам придется быть осторожными. — Он кивнул, не отрывая от меня взгляда. — И думаю, нам не стоит торопиться. Если мы слишком быстро перейдет к этому, то нам будет неприятно.

И мне нужно было больше времени, чтобы обдумать все это, секс с ним и хочу ли я этого.

Не уверена, что мы смогли бы сделать это медленно, но это был единственный способ, чтобы не сойти с ума. Но кого я обманываю? Я сойду с ума, независимо от этого. Разница была лишь в том, как это будет: я заболею от сумасшествия или в таком состоянии запрусь на неделю в своей квартире?

— Хорошо. — Гаррик придвинулся ближе ко мне на диване, сев на среднюю подушку. — Я могу это сделать осторожно... и медленно.

Мое тело покрылось мурашками, когда он протянул ко мне руку. Я позволила себе на секунду испугаться, но потом желание коснуться его пересилило даже мой страх. Я откинула подушку с колен и придвинулась к нему. Я вложила свою ладонь в его, и он поднес ее ко рту, удерживая ее у своих губ. Он закрыл глаза, и простое прикосновение наполнило мое тело, рассеивая мою тревогу.

Как ключ к замку мое тело прижалось к его, идеально подходя друг к другу. Я положила голову ему на грудь, а он обнял меня за плечо. Я сделала глубокий вдох и поняла, что обратного пути нет.

Легкость прошлой ночи испарилась к утру пятницы. По сути Кейд не злился, но он никак и не проявлял себя. В фойе он со мной не разговаривал и не сидел рядом в классе. Когда я присоединялась к беседе, он заканчивал её. Я была вредной привычкой, и он, казалось, переживал ломку.

Вежливая улыбка Гаррика во время подготовительных занятий помогала. Мы на день конфисковали компьютеры в дизайнерской лаборатории, чтобы поискать себе занятия после окончания учебы. Некоторые искали аспирантуру, другие подумывали о стажировке. Келси просматривала авиабилеты и хостелы в различных городах мира.

Я же смотрела на поисковую страницу.

На спинке моего стула сжались ладони, и тело Гаррика склонилось ко мне. Такая близость сильно отвлекала.

— О чём думаешь, Блисс?

Мне следовало сказать «О тебе. Голом» И это шокировало бы его. Не то чтобы я действительно думала о нём обнаженном... а теперь, когда я упомянула об этом... чёрт.

Как я и сказала, отвлекает.

Я покачала головой, потому что у меня не было ответа, ни одного, что я не могла произнести вслух. Он обошел вокруг и облокотился на стол, глядя на меня.

— Актерство или режиссура?

Взгляд, который он устремил на меня, был слишком личным для этого помещения, заполненного моими одноклассниками, даже если никто из них не смотрел, ну, кроме Келси. Почти каждый раз она бросала на нас взгляды, когда Гаррик разговаривал со мной, что напоминало мне о том, что нам нужно быть осторожными.

— Не знаю, — пробормотала я.

— Ладно, ну а что на счёт города? Ты можешь начать искать квартиру. Тебе об этом определенно стоит подумать, особенно, если ты собираешься в Нью-Йорк.

Я уставилась на окно поисковой системы. Оно дразнило меня.

— Я не могу себе позволить Нью-Йорк, — я сказала ему.

— Ничего страшного. Многие не могут. Можно рассмотреть множество рынков труда в других регионах. Филадельфия.

Я резко повернулась к нему. Он посоветовал мне рассмотреть Филадельфию? Где он жил? Он пытался мне что-то сказать, или я неправильно его поняла? Его лицо оставалось невыразительным, когда он продолжил:

— В Далласе и Хьюстоне также полно работы. Чикаго. Сиэтл. Бостон. Округ Колумбия. Действительно, много из чего можно выбрать.

Я снова повернулась к компьютеру, мое сердце все еще учащенно билось. Я определенно все неправильно истолковала. Не похоже, что у нас все серьезно. Мы провели вечер в обнимку у меня на диване. Но это не означало, что мы теперь вместе, или что я готова проехать полстраны вместе с ним.

— Просто проанализируй. Поищи что-нибудь, — сказал он прежде, чем отойти и продолжить ходить по комнате.

Я положила пальцы на клавиши, но они будто налились свинцом. Я смотрела на клавишу с буквой «Ф». Уголком глаза я видела, что Келси наблюдает за мной. И как бы теперь мне не была

любопытна Филадельфия, в поисковой системе я набрала «Стажировка в режиссуре».

Затем я переходила от одной странички к другой, посматривая на часы в углу экрана и желая, чтобы цифры побыстрее менялись.

Когда урок закончился, мое облегчение длилось не долго.

Вывесили список ролей.

Роль Федры все еще оставалась моей, что было прекрасно. Насколько было бы неловко, если бы Эрик передумал? Келси досталась Афродита, как она и хотела. Расти получил роль солдата, как он и предсказывал.

А Кейд был Ипполитом.

Тем же вечером я, нервничая, постучалась в дверь Гаррика, несмотря на наш уговор не торопиться. Вообще прошлой ночью мы не договаривались о чем-то на сегодняшний вечер, и, несмотря на наши еще непрочные отношения, нам надо бы обменяться телефонными номерами. Поэтому я надеялась, что мне не понадобится разыскивать его вторую ночь подряд. По-моему Гамлет была рада, что меня не было дома. Мы все еще не очень хорошо ладили.

Мое беспокойство испарилось, когда он открыл дверь и сказал:

— О, слава Богу. Я уже больше часа думаю пойти к тебе, но боялся, что постучу в дверь, а у тебя будут гости или что-то еще.

Я засмеялась.

— Может, нам и правда тогда нужно обменяться телефонами?

— Ты запишешь меня под каким-нибудь тайным кодовым именем, чтобы никто не узнал, кто я, когда буду присылать тебе всякие непристойности? — спросил он.

Мои глаза расширились.

— Ты планируешь присылать мне непристойности?

Его глаза сияли от удовольствия, а потом и на лице расплылась ослепительная улыбка.

— Я этого не исключаю.

Ой-ей-ей. Я занервничала сильнее.

Он взял меня за руку и провел в гостиную, где на диване лежала открытая книга. Конечно, это были стихи, потому что он был совершенством и, что печально, совсем не моего круга. Он заложил страницу и положил сборник поверх стопки книг на краю дивана.

Он потянулся и переплел наши пальцы между нами. Мне хотелось прислониться к нему, обнять его и никуда не двигаться из его объятий, пока не придется, но мне все еще было неловко. Находились ли мы уже в том месте, где можно запросто это сделать? Или нам все еще нужно к этому идти?

— Итак... Список ролей? — спросил он.

Я простонала и откинула голову назад на спинку дивана.

— Все не так плохо, да?

— Это будет зависеть от того, будет ли Кейд со мной разговаривать к тому времени, как через две недели начнутся репетиции.

Мне не пришлось беспокоиться о том, чтобы добиться непринужденности между нами, потому что Гаррик без зазрения совести прижал меня к себе. Моя голова идеально устроилась в изгибе его плеча.

— Кейд кажется разумным парнем. Уверен, что через некоторое время, когда все уляжется, ему станет лучше.

Я кивнула, надеясь, что он прав, но не чувствовала уверенности. Кейд был разумным. Но

проблема была в том, что... его разум, возможно, говорил ему держаться от меня как можно дальше, черт побери, если он не хочет, чтобы его сердце растоптали. И, может, оно к лучшему. Он заслуживает кого-то лучше.

— Ну, хорошо, — сказал Гаррик. — Хватит об этом. Мне не нравится твое грустное выражение лица. К сожалению, наши возможности на вечер ограничены, так как мы особо не можем никуда пойти. Так что, как насчет того, чтобы посмотреть фильм?

Я выдавила натянутую улыбку. Когда он улыбнулся в ответ, мне понадобилось меньше усилий, чтобы сохранить ее.

— Кино — это хорошо.

Он выбрал что-то смешное, вероятно, для того, чтобы попытаться развеселить меня. Затем выключил свет и присоединился ко мне на диване. Когда появились вступительные титры, он откинулся назад, потянув меня за собой. Он растянулся на спине, а я, лежа на боку, уместилась между ним и диваном. Мгновение я колебалась прежде, чем положить голову ему на грудь.

Я пыталась смотреть фильм, действительно пыталась, но было трудно сосредоточиться, когда его ровное дыхание взъерошивало мне волосы, а рука двигалась вверх и вниз по позвоночнику. Ощущение было одновременно и щекотливым, и соблазнительным. Я была абсолютно уверена, что его палец вот-вот продолжит скользить дальше вниз по спине, пока едва не коснется участка кожи между краем моей рубашки и поясом шорт.

Он задержится там всего на доли секунд прежде, чем вернуться на спину. Затем его палец передвинется на чувствительный участок кожи у меня на шее, и я с трудом удержусь от стога. Я быстро взглянула на него, но он полностью сосредоточился на фильме, совершенно не в курсе того безумия, до которого меня довел.

Наконец, я решила, что пришло время и ему ощутить то, что я чувствовала. Я разжала ладонь, лежащую у него на груди, слегка прижимая к ней кончики пальцев. Я начала водить по абстрактному рисунку, я полагаю, какой-то группы у него на футболке.

Но как только я закончила с этим, мои руки заскользили по его груди: сначала по одной мышце, от грудины вниз к его рельефному животу, потом обратно к мышцам, тянущимся от плеча к бицепсу. Когда моя рука повторила одно из его движений, едва касаясь края футболки, его рука у меня на спине замерла.

Но почему-то эта неподвижность еще больше завела меня.

Ощувив некоторую смелость, я вернулась к краю ткани, запуская пальцы вверх под его футболку и используя ногти, чтобы легкими касаниями рисовать узоры на его коже. Рука на спине задвигалась, скользнув вверх по шее и в волосы. Я прижала ладонь к его теплой коже. Рука в волосах сжалась, не сильно, чтобы не сделать больно, но достаточно для того, чтобы он мог ею слегка отклонить мою голову назад.

Он посмотрел на меня, никаких следов дразнящей улыбки, его голубые глаза казались черными в затемненной комнате. Его взгляд перемещался по моему лицу, чаще всего перебегая от глаз к губам и обратно. Ожидание убивало меня, и я впиалась пальцами в его кожу. Его дыхание уже не было таким ровным, но он все еще продолжал смотреть на меня. Я облизала губы, и его взгляд надолго задержался там, так долго, что у меня между ног разлился жар, и это только от одного ожидания. Я изогнулась, чтобы ослабить давление.

Когда я подняла одну ногу, обвивая ею вокруг него, он, наконец, начал действовать.

Рука у меня в волосах потянула вперед, и на полпути он меня встретил.

Все ожидание последних десяти минут сосредоточилось в той точке, где встретились наши губы. Прикосновение было слишком слабым, чтобы в голове начали взрываться фейерверки, но было в этом что-то близкое, как волнение, когда держишь бенгальский огонь — прилив ощущения от движения искр по руке.

Его рот оставался закрытым, и, даже несмотря на то, что я ощущала их вкус несколько раз и раньше, эта тайна убивала меня. Все это было похоже на первый поцелуй.

Он чуть отстранился и прижался своим лбом к моему.

— Спасибо, — произнес он.

Спасибо? Было ли это похоже на «спасибо», но не совсем «спасибо»? Спасибо, но я смотрю фильм, оставь меня в покое?

— За что?

— За то, что даешь мне этот шанс. Я знаю, что ты, должно быть, боишься. Но ты уже сделала мою жизнь необычайно лучше.

Не знаю, актерство ли сделало его таким честным, без боязни показаться уязвимым, или он на самом деле такой. Как бы мне хотелось того же, но я не такая.

— Могу я задать тебе вопрос?

Его рука с волос опустилась на мой подбородок.

— Конечно, — ответил он.

— Почему ты согласился на эту работу? Не то чтобы я не рада, что ты здесь, но ты сам сказал, что был несчастен.

— Да, был... но больше нет.

Он снова наклонился и поцеловал меня, промычав, прижимаясь губами к моим. От моего внимания не ускользнуло то, что он не ответил на мой вопрос, но мне не так важен был ответ, чтобы останавливать поцелуй, особенно, когда его рот, наконец, раскрылся, и я ощутила вкус сладости и мяты, и его дыхание смешалось с моим.

Его язык скользил по моему, а у него под футболкой ожила моя рука, обнимая его сбоку и притягивая к себе до тех пор, пока мой таз не прижался к его бедру. Поцелуй был изумительным и неторопливым, но слишком-слишком медленным.

Мне хотелось большего. Чтобы наши тела слились, а губы впились друг в друга, а не тихонько дразнили. Я не хотела терять контакт с его кожей, но я хотела все контролировать. Моя другая рука оказалась зажата подо мной, подпирая меня сбоку. Поэтому я вытащила из-под его футболки ладонь и положила ему на лицо. Затем прижала его ближе к себе, пытаюсь изменить темп. На какое-то мгновение он мне это позволил, наши губы задвигались быстрее, мы тяжело дышали, в то время как наши головы склонялись друг к другу, а губы боролись между собой. И, о Боже, это было так хорошо. Я продолжала, все еще неудовлетворенная происходящим, пока он не приподнялся и не перекатился на бок ко мне лицом. С моих губ сорвался вздох удачи, а потом он взял мою руку, лежащую у него на лице, и начал заводить ее назад, пока она не оказалась у меня за спиной, удерживая ее там и прижимая к нижней части моей спины.

Затем он снова откинулся назад, меняя темп, легко касаясь моих губ, медленно и нежно. Это было безумие. Я попыталась прижаться к нему, но он крепко держал меня сзади, никуда не торопясь. Я в отчаянии застонала.

И он улыбнулся.

— Что такое, милая?

Бесчисленное количество слов готово было слететь с моих губ: некоторые из них бессвязные, но большинство — не очень приятные. К счастью, те, которые я произнесла, выразили все то, что я имела ввиду.

— Слишком медленно, — заныла я.

Я действительно ныла.

— Я же сказал тебе, что могу медленно, — сказал он.

— Ты — придурок.

На самом деле это было одно из приятных слов, пришедших мне в голову. Ему даже не хватило вежливости, чтобы обеспокоиться. Он просто рассмеялся. Я извивалась, пытаюсь высвободить руки, а он умирал меня поцелуем, на этот раз немного более жестким, более удовлетворяющим, нежели последний. И в тот момент, когда я уже забыла, из-за чего так расстроилась, он снова отстранился.

Это было нелепо, но я фактически ощущала, что могу расплакаться. Его губы скользнули вдоль моей скулы в то место, ниже уха, которое заставило все напряженные мышцы в моем теле обмякнуть.

— Я и не пытаюсь быть умным, — прошептал он. — Я пытаюсь дать тебе то, что ты хочешь. Мне очень тяжело, когда я позволяю себе действовать, целуя тебя так, как хочется мне. Потому что все, о чем я могу думать в этот момент— это какая на вкус у тебя кожа, и как сильно я хочу снова и снова ее ощущать.

Его губы обжигали мою шею. Зубы слегка покусывали мою кожу, и в порыве мои бедра качнулись вперед, едва коснувшись его. В ответ он простонал, его шепот стал грубым, потеряв всю мягкость.

— Я помню ощущение твоей груди у меня в руке, и то, как ты отреагировала на мои пальцы внутри тебя.

Я закусила губу, чтобы подавить возрастающее в горле всхлипывание. Я хотела, чтобы его руки были на мне. Я хотела, чтобы мы остались без одежды.

— Я думаю о твоем теле подо мной. Я думаю о том, чтобы оказаться внутри тебя. Я думаю об этом, и эти мысли поглощают меня. И действовать медленно — самое последнее, что мне приходит на ум.

Я сдалась. Я не смогла удержать всхлип и почувствовала, что разлечусь на части только от одних его слов.

— Поэтому мне приходится целовать тебя медленно. Пока ты не передумаешь. Так что? Ты передумала?

ДА! Пожалуйста, о Боже, да.

Это было похоже на пытку.

Но глубоко внутри меня раскрывалась причина, захватывая и удерживая меня в своем плену. Что если он попытается заняться со мной сексом, а я снова испугаюсь и все испорчу?

— Нет, я не передумала, — ответила я. А потом добавила: — Ты придурок.

Потому что это была пытка, и, судя по улыбке на его лице, он знал это.

— Хм-м-м... Тогда медленно.

Я все еще немного была зла на Гаррика, когда ушла той ночью, но стоило ему прийти ко мне и спросить, что я делаю на следующий день, как я уже была не настолько сердита, чтобы прогнать его. Кейд не разговаривал со мной, от Келси тоже не было вестей, поэтому я сказала ему, что свободна, и мы решили поужинать у меня.

Я проспала до полудня: у меня такая удобная кровать, что ужасно трудно вылезать из нее. Затем я отвлекла себя очень долгим душем, за которым последовала домашняя работа, а потом чтение книги. Когда я посмотрела на часы, время было только 3 часа дня.

Я взяла компьютер и набрала в поисковике: «Театр Филадельфии».

Я нашла сайт театрального союза, где давалась информация о куче театров в городе, а также объявления о работе и прослушиваниях. Я просматривала, где какие спектакли сейчас шли, читала описания вакансий и добавила в закладки несколько страниц.

Зазвонил мой телефон, но звучал он как-то приглушенно. Я попыталась следовать на звук, но звонок прекратился прежде, чем я смогла сузить свои поиски до гостиной. К счастью, кто бы не звонил, но он был настойчив и снова перезвонил через несколько минут. Телефон определенно находился где-то рядом с диваном. Я откинула подушки, но ничего не нашла. Проверила под бумагами и книгами, снова ничего. Наконец, я опустилась на пол и заглянула под диван. Вот он, освещает пыльную темноту под моей мебелью. И прямо рядом с ним на меня глядит Гамлет.

Тот короткий миг добродушия, которое она проявила в приюте, больше не проявлялся. И я не сомневалась, что она каким-то образом утащила мой телефон под диван, чтобы досадить мне.

— Послушай, кошка, я не знаю, почему ты меня так сильно ненавидишь, но, должно быть, ты кое о чем забыла. Я спасла тебя. — Лежа на животе, я протиснулась под диван и потянулась за телефоном. — Ты должна быть мне благодарна.

Когда моя рука подобралась ближе, кошка издала знакомый низкий рык.

— Да, да, заткнись.

Мне пришлось просунуть половину туловища в щель между мебелью и полом, чтобы достать телефон, а вылезать оттуда оказалось даже еще более неудобно, чем залезать.

Два пропущенных звонка от мамы.

Я простонала. Нужно было оставить его под диваном. И в этот момент телефон снова ожил, уже в третий раз. Я ответила:

— Привет, мам.

— Почему ты не отвечала на два предыдущих звонка? Все в порядке?

— Да, мам. Я просто не могла найти телефон.

— О, ну, тебе вообще-то нужно найти какое-то место, чтобы класть его туда каждый раз, когда приходишь домой, тогда ты всегда будешь знать, где он лежит.

— Буду иметь это ввиду, мам.

— Что ж, твоя неорганизованность уже не новость. Что еще происходит у тебя в жизни?

Клянусь, моя мама — единственный в мире человек, который не считал меня нервной чудачкой, помешанной на контроле, потому что она была гораздо хуже. И тут она задала неизбежный вопрос:

— С кем-нибудь познакомилась?

Я закатила глаза, что я никогда не смогла бы сделать лицом к лицу с ней.

— Я очень занята учебой, мама. На самом деле, я совсем недавно получила главную роль в пьесе.

— О, как это мило, — спокойно произнесла она. Она считала, что театр — это трагедия моего интеллекта.

— Вообще-то это очень серьезно.

— Конечно, да, дорогая. Просто ты знаешь, как мы с папой переживаем за тебя. Нам было бы гораздо лучше, если бы у тебя появился кто-то, кто мог финансово позаботиться о тебе.

В дверь раздался стук, и я пошла ее открывать, продолжая говорить:

— Во-первых, финансовая безопасность — не самый лучший повод для женитьбы, мама, даже если от этого тебе станет лучше. Во-вторых, мне не нужен парень, чтобы заботиться обо мне. Я сама могу о себе позаботиться.

В дверях стоял Гаррик, который пришел почти на час раньше и должно быть услышал конец моей речи. Он, улыбаясь, приподнял бровь, и если бы я могла дотянуться сквозь телефонную трубку и придушить свою маму, я бы так и сделала.

— Ладно, мне нужно идти, мам. У меня гость.

— Мужчина?

Я простонала и сказала:

— Пока.

Повесить трубку было таким облегчением. У меня возник соблазн еще раз перезвонить ей и сделать то же самое во второй раз.

Гаррик улыбнулся.

— Твоя мама очень похожа на мою.

Я взглянула на него.

— Ты рано.

Утром я просто собрала волосы в мокрый хвостик. Я планировала выпрямить их до его прихода, но теперь выглядела не лучшим образом. А после ползания под диваном была еще и в пыли.

— Ничего страшного?

Наверно, было бы довольно грубо сказать ему отправляться домой и возвращаться через час.

— Нет, все нормально. Можешь посмотреть телевизор или что-нибудь еще. Я буквально на минуту.

Я махнула рукой в сторону гостиной и проскользнула в свою спальню, размышляя, как много я успею сделать за пять минут.

Я стянула резинку с волос и посмотрела на волнистый влажный беспорядок, с которым мне предстояло разобраться. У меня не было времени сушить и выпрямлять волосы.

А если я высушу их, не выпрямляя, то получу пушистый шар из волос. Я взъерошила их руками немного сильнее, сжимая в ладонях и надеясь, что получатся неплохие кудри. Я нанесла немного мусса на волосы, но у меня хватило времени лишь на это. Я наложила быстрый слой туши и немного гигиенической помады, надеясь, что Гаррик не против естественного вида.

Когда я вышла из комнаты, он лежал, растянувшись на диване и смотря телевизор, а Гамлет свернулась тугим клубком у него на груди. Я потрясенно остановилась, уверенная, что сплю.

Он повернулся и увидел меня.

— Эй, у тебя кудрявые волосы.

Я кивнула. Я почти всегда хожу с прямыми. Он сказал:

— Мне нравится.

Я все еще не могла сдвинуться с места из-за того, что моя кошка счастливо устроилась у него на груди... мурлыкая. Он обладал какими-то волшебными силами. Это единственное объяснение.

— Иди сюда, — сказал он, садясь и спуская Гамлета на колени.

Я осторожно села в нескольких футах от них. Я указала на Гамлета и спросила:

— Как ты это сделал?

— Сделал что?

— Что она позволила тебе держать ее.

— Это она? — спросил он.

— Да, и она всех ненавидит. Особенно меня.

— Твоя собственная кошка ненавидит тебя?

— Мы работаем над этим.

Он засмеялся.

— Может, она обижена, что ты дала ей мужское имя?

Я протянула руку, чтобы погладить ее, и как всегда на свою беду в ответ получила лишь рычание. Гаррик считал ненависть Гамлета ко мне забавной. И он продолжал держать ее, что означало, что меня сослали на противоположную подушку, потому что моя кошка украла моего... да кем бы он ни был.

Уф. Об этом мне не хотелось думать. То есть, очевидно, что это были тайные отношения, поэтому нам необязательно навешивать ярлыки, но мне было любопытно. Что произойдет, когда закончится учебный год? Продержимся ли мы так долго?

Чтобы отвлечься, я начала готовить ужин.

Я сделала спагетти, потому что это единственное блюдо, которое я могла доверить себе не испортить, когда нервничала. И вообще... я всегда нервничала, когда рядом был Гаррик. Видимо, он производил совсем другой эффект на Гамлета, которая быстро уснула у него на коленях.

Я улучила возможность для того, что так страстно желала с момента его прихода.

Я оставила еду готовиться на плите и направилась к дивану. Я не села из страха разбудить капризулю, но положила руку ему на плечо и наклонилась, чтобы поцеловать его. Так как его руки были зажаты телом Гамлета, поцелуй контролировала я. Мои руки нашли его волосы, манящие и мягкие как всегда, и поцелуй стал глубже. Я страстно целовала его, потому что могла, и он не предпринимал попытки остановить меня. Это был поцелуй, который я так хотела прошлой ночью, но который он отказался мне подарить.

Я не хотела отстраняться от него, но у меня готовился ужин. Его глаза были темными, когда мы оторвались друг от друга.

— Думаю, ты, должно быть, маленькое зло, — сказал он.

Я засмеялась.

— Да, я все это спланировала. Гамлет тоже в этом задействована.

— Поцелуй меня еще раз.

Ему не пришлось просить меня дважды.

Каждый раз, когда мы целовались, моя уверенность становилась сильнее. Чем дольше, я узнавала его, тем смелее становилась сама. Мне нравилось это... почти так же, как нравился он.

В дверь кто-то постучал, три громких стука, за которыми последовали через несколько секунд еще три. Наше дыхание было все еще сбито после поцелуя, и я была не уверена, из-за чего у меня так быстро бьется сердце: из-за Гаррика или потрясения.

— Ты кого-то ждешь? — прошептал он.

Я покачала головой.

Еще три удара, а потом сквозь дверь донесся крик Келси:

— Я знаю, что ты там, Блосс! Открывай!

— Черт.

Я совершенно не пыталась быть нежной, когда забрала Гамлета с коленей Гаррика и

плюхнула ее на диван. Я даже почти не заметила рыка, он стал настолько привычным.

Я схватила Гаррика и подняла на ноги. Я понятия не имела, куда его деть, но решила, что ванная будет лучшим местом, чем спальня, так как там имелась дверь.

Я впихнула его внутрь, быстро проговорив:

— Прости. Я избавлюсь от нее, обещаю.

Если бы мы только пошли к нему.

Я потеряла губы, надеясь, что они не так распухли, как я ощущала их. Провела рукой по волосам, и когда убедилась, что ничего не выдает меня, открыла дверь.

Мимо меня промчалась Келси.

— Давно пора, черт возьми. Чем ты занималась?

Я притворно зевнула.

— О, да просто бездельничала.

Она закатила глаза и посмотрела на меня так, будто это я нарушила ее планы.

— Тогда я вовремя пришла. Я не позволю тебе оставаться дома в субботу вечером и страдать из-за того, что у вас произошло с Кейдом.

Она схватила меня за запястье и потащила в спальню. Значит, ванная оказалась правильным выбором.

— Я не страдаю! — сказала я. — И откуда ты узнала про нас с Кейдом?

— Потому что все знают, дорогая. Что, кстати говоря, злит меня, потому что ты не рассказала мне о происходящей между вами трагедии.

Отлично.

— Не такая уж это и трагедия. В ближайшее время мы все уладим, я уверена, — сказала я.

— О, дорогая, разве ты не слышала? Кейд чуть не отказался от роли в «Федре». Но слава Богу, этого не произошло. Расти отговорил его от этого. Но я бы не назвала это «не такой уж трагедией».

Я опустилась на кровать, мои внутренности скрутились, как отжатая тряпка. Кейд был настолько расстроен? Он отказался бы от такой замечательной роли только, чтобы не быть рядом со мной?

Голос Келси донесся до меня из шкафа, и у меня возникло дежа вю того вечера, когда все это началось. Она стала вытаскивать майки и юбки, и я спросила:

— Что ты делаешь?

— Мы куда-нибудь пойдём. Ты должна помнить, что за пределами твоей квартиры существует мир.

— Нет, Келси, я бы предпочла этого не делать.

Я подумала о Гаррике, находящемся в моей ванной, и задалась вопросом, слышал ли он нас.

— Ничего не поделаешь. Я не оставляю тебе выбора. Я не танцевала уже целую вечность, и мне нужна поддержка.

Я простонала и плюхнулась обратно на кровать. Она бросила мне в лицо юбку.

— Одевайся.

А потом я вспомнила идеальную отговорку.

— Я не могу. Мне нужно готовить ужин.

— Отлично. Я умираю с голоду. Что у нас?

Иногда я думаю, что моя жизнь была бы проще, если бы у меня не было друзей.

Я вернулась на кухню, и она последовала за мной. Я немного передержала соус, и он пригорел по краям. Вот тебе и не испортила спагетти.

— Господи, женщина, ты планируешь заесть все свои проблемы? Ты приготовила на троих!

Я лишь пожалала плечами. Мне нечем было объяснить, почему я приготовила на двоих (и

один из них с очень большим аппетитом).

Я положила немного спагетти нам на тарелки, пытаюсь оставить немного Гаррику, хотя и понятия не имела, когда он сможет поесть.

Я ела быстро, позволяя Келси контролировать ход беседы, которая была о том, как давно у нее не было действительно хорошего секса. Я кивала, смеялась в нужных местах, все время набивая рот едой. Я уже все съела прежде, чем та даже притронулась к еде. Я положила тарелку в раковину, а потом направилась в коридор.

— Ты куда? — спросила Келси.

Я крикнула через плечо «В ванную!» и продолжила свой путь.

Дойдя до комнаты, я оглянулась через плечо, порадовавшись, что Келси занята спагетти, и проскользнула внутрь.

— Она ушла? — спросил Гаррик.

— Тс-с-с-с!

Он стоял, прислонившись к раковине, и мне пришлось потянуться за него, чтобы включить кран, который заглушил бы наши голоса.

— Нет. Прости. Вообще-то она ест наши спагетти.

Он сложил губы трубочкой, и я наклонилась вперед, чтобы заглушить свой смех у него на груди.

— Она скоро уйдет?

Я взглянула на него, но не отстранилась.

— Нет. Она думает, что я страдаю из-за Кейда, и она настроена вытащить меня куда-нибудь.

Он притянул меня к себе и прижался лицом к углублению между моей шеей и плечом. Он издал рык, странным образом, напомнивший мне Гамлета.

Я так же разочарованно обхватила его руками.

— Я знаю. Полный отстой.

Тогда его губы накрыли место моего пульса, нежно посасывая кожу. Я засмеялась и оттолкнула его.

— Гаррик, она прямо за дверью.

Словно по сигналу, в дверь постучала Келси.

— Хватит тянуть время, чика! Я подобрала тебе наряд!

Дверная ручка начала поворачиваться, и я кинулась к ней, чтобы перехватить ее. Я быстро выставила ногу вперед, чтобы образовалась лишь небольшая щель.

— Я не тяну время, просто привожу себя в порядок, — сказала я. — Дай мне вещи, и я переоденусь.

Она подозрительно посмотрела на мое притворное волнение. Я никогда не волновалась, когда она вот так куда-нибудь вытаскивала меня. Я продолжала улыбаться, как будто стресс все-таки одолел меня, и я, наконец, просто сдалась.

Она передала мне вещи, и прежде, чем у нее возникла возможность ответить, я захлопнула дверь и как можно тише заперла ее.

Когда я повернулась, Гаррик плюхнулся на унитаз. Я включила радио, прибавив громкость насколько возможно было выдержать, и выключила кран.

— Прости, Гаррик.

Сидя, его голова оказалась на уровне моей груди, и он положил руки мне на бедра и притянул к себе.

— Все в порядке, милая. Это должно было случиться рано или поздно.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты пошел со мной.

— Мне тоже, милая. Но все нормально. Мы поужинаем в другой раз. Тебе нужно переодеться. Чем раньше ты выйдешь, тем меньше вероятность, что нас могут застукать.

Я кивнула. Мои руки слегка дрожали, когда я прижимала одежду к своей груди.

— Я закрою глаза, — сказал он.

В благодарность я быстро чмокнула его в щеку.

Улыбаясь, он закрыл глаза, а потом уперся локтями в колени, а ладонями закрыл лицо. Насколько возможно быстро я сорвала с себя рубашку и стянула шорты. Я натянула через голову майку, а потом взяла юбку.

У меня ухнуло сердце.

Это была та ужасно короткая мини-юбка. Должно быть я издала какой-то звук, потому что Гаррик поднял голову. Со все еще закрытыми глазами он спросил:

— Все в порядке?

— Да, — ответила я.

Хотя я и подумала: «Черт возьми, нет».

Я натянула юбку, и она оказалась такой же короткой, как я и запомнила. Я вздохнула. Ни за что на свете я не могла одеть ее.

Я тронула рукой плечо Гаррика, собираясь сказать, что выйду, чтобы поискать что-нибудь еще, но он открыл глаза, и его взгляд замер на моих ногах, которые неожиданно стали ватными, как полосочки ткани, вместо мышц, плоти и костей.

Одна его рука обвилась вокруг моей ноги, чтобы погладить меня под коленом, и мне пришлось удерживать себя рукой на его плече, чтобы не упасть.

— Ты пытаешься меня убить, да? — выдохнул он. — Разве не про эту юбку ты говорила, что никогда ее не наденешь?

— И я не одену ее сегодня. Я хочу вернуться в комнату и найти что-нибудь другое.

Я повернулась, и другая его рука коснулась моего бедра.

— Подожди.

Его руки скользнули вверх к неприлично короткому краю юбки и назад по бедрам, остановившись в нескольких дюймах от изгиба моих ягодиц.

— Ты. Невероятно. Сексуальная.

Его голос прозвучал как тихий рокот, чьи вибрации я ощущала своей кожей. Он наклонился и подчеркнул каждое слово целомудренным поцелуем в верхней части моего бедра. Я была похожа на глину в его руках из-за того, как он управлял мной. Если бы он попытался, я, может, без особой борьбы отдала бы свою девственность ему прямо здесь в ванной.

Но в дверь забарабанила кулаком Келси, вырвав меня из моего вожделения.

— Черт, Блосс. Ты бы уже поторопилась!

С ее словами вернулся мой страх. Конечно, сейчас он меня считал сексуальной. Но таковыми девственниц не назовешь. Изменит ли он свое мнение, когда все узнает?

— Мне нужно идти. Прости. Там, наверно, остались еще спагетти, если ты захочешь поесть после нашего ухода. Я... я позвоню тебе, ладно?

Он кивнул, его глаза все еще оставались темными и решительными.

Я вывалилась в коридор, представляя из себя беспорядок гормонов и эмоций. Я настолько была растеряна, что даже не вспомнила, что собиралась переодеться, пока не влезла в машину Келси, и мы не отправились в клуб.

Когда мы вошли в клуб «Экстаз», он был темным и туманным. Музыка грохотом отдавался в стенах и полу, проникая в мою кожу и заставляя меня нервничать. Все это совсем не мое, но Келси очень нравилось. Я поняла, что все, что мне нужно делать, так это болтаться у бара, может, поговорить с парнем или двумя, чтобы она отцепилась от меня. Потом, возможно, она уедет домой с каким-нибудь парнем и оставит мне свою машину. Обычно все так и происходит.

Чего я никак не ожидала, так это то, что мои изменения в одежде настолько изменят обычное развитие событий. Мы едва показались в дверях, как уже через минуту какой-то парень пригласил меня потанцевать. Я отказалась, чем заслужила недовольный взгляд от Келси.

— Что? — прокричала я сквозь музыку. — Ты сказала, что я должна прийти, а не то, что должна танцевать!

Мы стояли в баре, и я сигнализировала бармену, пока она отчитывала меня.

— Ты самый ужасный человек, которого я когда-либо встречала! Ты выглядишь сегодня просто нереально сексуально, а все, что ты делаешь, так это сидишь и как всегда дуешься!

— Тогда, может, тебе нужно было оставить меня дома и позволить дуться?

Меня по плечу похлопал парень, и я даже не дождалась его вопроса, как ответила:

— НЕТ!

Келси уперла руки в боки, но для образа Барби она выглядела все еще угрожающе.

— Я понимаю, что ты расстроена, и у тебя много чего произошло. Я стараюсь быть понимающей, но в чем у тебя проблема?

— У меня нет проблем, Келси. Мне просто не нравится, что ты считаешь, будто можешь меня везде таскать, даже не позаботившись о том, чего именно я хочу!

— Отлично! Проехали! Я сдаюсь! Сиди здесь и дуйся! А я пойду танцевать!

Она развернулась и стала протискиваться сквозь толпу, пролив несколько бокалов и отпихивая людей со своего пути. Ужасная Барби.

Я взобралась на табурет, осознавая тот факт, что из-за короткой юбки мои голые ноги прилипли к пластику. Я не удивлюсь, если моя задница оказалась на всеобщем обозрении, но в данный момент я была слишком зла, чтобы переживать по этому поводу. Я заказала джек с колой и в ожидании сидела там, кипя от злости. Я знала, что она хотела добра, но тусовки на вечеринках не являлись решением всех проблем в мире. Я всегда знала, что мы разные люди, но никогда не предполагала, что она настолько сильно меня не понимает.

— Могу я угостить тебя выпивкой? — раздался голос у меня за спиной.

Я подняла свой полный бокал и проигнорировала его.

Но парень все равно сел рядом со мной. Он наклонился вперед, чтобы спросить что-то еще, но я резко оборвала его:

— Мне не интересно!

А затем знакомый голос мне ответил:

— Рад это слышать.

Я чуть не упала со своего табурета, когда уловила в голосе акцент.

— Гаррик!

Парнем, сидящим рядом со мной, был Гаррик, на глаза у него была надвинута кепка, которая закрывала его потрясающие светлые волосы.

Но его голос не был как у Гаррика, когда он впервые заговорил.

— Но твой голос...

Когда он ответил в этот раз, его акцент пропал, и он звучал как у американца. Без какого-либо специфического диалекта, просто... нормально.

— Я же актер, Блосс. Я знаю, как скрыть свой акцент.

Все еще потрясенная, я спросила:

— Что ты здесь делаешь? Что, если кто-то увидит тебя?

— Я своего рода инкогнито. А если кто-то и увидит, я просто скажу, что мы встретились случайно. Я же преподаватель. А потому не принимал обета об отсутствии неформального общения.

— Но почему?

— Потому что я не мог вынести мысли, что ты танцуешь с кем-то еще в этой юбке.

Его рука скользнула вдоль моего бедра, и меня снова накрыло той волной жара.

— Гаррик, прекрати! Кто-нибудь увидит! Что, если Келси вернется?

— Судя по той сцене, которая произошла между вами до этого, девочки, не думаю, что это произойдет в ближайшее время.

Я поежилась. Может быть, я вела себя немного жестко.

— Пошли.

Он встал и предложил мне руку. Я осмотрелась вокруг, боясь принимать ее. Было так темно. Если там и был кто-то, кого мы знали, то не было никакой возможности узнать об этом, не столкнувшись нос к носу. Слишком велика вероятность.

— Перестань так много думать, — сказал он мне и, обняв рукой за талию, спустил меня с табурета. Обнаженная кожа бедер неловко скрипнула по сидению, но, кажется, он не заметил или его это не заботило. Он переплел наши пальцы рук и повел в толпу.

Я держала голову вниз, сосредоточившись на том, чтобы ступить туда, где он прошел. Он провел меня на уровень ниже, где было почему-то еще темнее, а тела прижимались друг к другу еще теснее. Я ничего не видела, кроме людей перед собой. Он уклонялся и вел меня, пока мы не оказались в самом дальнем конце, а потом втолкнул меня между собой и стеной. К остальной части помещения он стоял спиной, а его высокая фигура полностью закрывала меня.

Его дыхание щекотало мне ухо, когда он прошептал:

— Так лучше?

Я кивнула. Да, лучше. То есть, мы все еще находились в клубе, и я бы предпочла оказаться дома одна, но определенно это было мое лучшее времяпрепровождение в клубе, которое когда-либо у меня было.

Даже зная, что он чувствовал ко мне, я слишком нервничала, чтобы танцевать с ним лицом к лицу. Поэтому я поворачивалась до тех пор, пока спиной не прижалась к его груди. Его руки тут же опустились мне на бедра, притянув их к себе. От этого ощущения мои легкие покинул весь воздух.

Я закрыла глаза, чтобы мне не пришлось смотреть на стену, и позволила музыке проникнуть в каждую клеточку моего тела. Медленно его бедра качнулись вперед, и я последовала за ним, двинувшись назад навстречу к нему. Он выдохнул мне в ухо, и от этого у меня по спине побежали мурашки. Он скользнул рукой с моего бедра на живот. Растопырив пальцы ладони, его большой палец находился всего на дюйм ниже моего бюстгалтера, а мизинец тянулся к поясу моей юбки. Этой рукой он прижимал меня к себе в то же время, как двигал своими бедрами.

За закрытыми глазами у меня плясали звездочки, а биение сердца соответствовало ровному гудению музыки. Его тело рядом с моим, казалось, усиливало жар и без того нагретого помещения, и я чувствовала, как пот начал стекать у меня по шее. Его бедра продолжали раскачиваться в такт музыки, медленно и чувственно, но каждый раз, когда ритм на какое-то

время усиливался, они жестче прижимались к моим. Его губы касались кожи у меня на шее, и я погружалась, погружалась, погружалась в это ощущение.

Но этого было недостаточно. Мне когда-нибудь будет его хватать? Я подняла руки наверх и завела за себя, зарываясь пальцами в его волосах, и он одобрительно промурлыкал. Рука у меня на животе поднялась вверх, легко пробежавшись по моей поднятой руке, а потом вниз по боку. Он скользнул по моей груди, и его прикосновение вызвало дрожь по всему моему телу, которая усилилась, когда его пальцы миновали мою неприлично короткую юбку и схватили меня за бедро.

Сменилась песня, а мы — нет. Его руки продолжали сводить меня с ума. Наши тела оставались тесно прижатыми друг к другу. Я была все еще так сильно возбуждена, что у меня от желания кружилась голова. Весь мир вращался, и только мы оставались на месте. Или, может, это именно мы вращались. Но я лишь знала, что есть остальные и есть мы, и не хотела, чтобы было по-другому.

Он нашел чувствительное место чуть ниже моего уха, и я простонала, радуясь, что музыка поглотила звук. Он прикусил кожу у меня на шее, и в ответ я впилась ногтями в его шею.

— Боже, Блосс, ты хоть представляешь, как сильно я тебя хочу?

Наши бедра снова качнулись, и я была совершенно уверена, что очень хорошо себе это представляю.

Песня закончилась, и я получила все, что могла. Я вытащила из бюстгалтера телефон, который был удобно там спрятан. Гаррик простонал и в ответ снова прижал наши бедра друг к другу, но я была сосредоточена на своем телефоне. У меня дрожали руки, но я все же смогла напечатать Келси сообщение: *«Кое-кого встретила. Ухожу. Извини за произошедшее. Поговорим завтра?»*

Я не стала дожидаться ответа, а потащила Гаррика к выходу.

На этот раз мне было наплевать, как быстро мы ехали на его мотоцикле. Я просто крепко держалась за него и мысленно желала добраться до дома, как можно быстрее. Не успела я вставить ключ в дверь, как его губы оказались у меня на шее. Мое дыхание было настолько тяжелым, что его можно было назвать лишь одышкой. Когда я, наконец, открыла дверь, то настолько сильно толкнула ее, что она ударилась о стену. Завтра мне придется проверить и убедиться, что там нет дыры. Как только дверь закрылась, мы продолжили целоваться.

Свои туфли я потеряла где-то между мотоциклом и моей дверью, и сейчас без них он мне казался слишком высоким. Возможно, эта мысль посетила нас одновременно, потому что его руки покинули мои бедра и обхватили ягодицы, приподнимая меня так, что мне пришлось обнять его ногами за талию.

Моя спина ударилась о дверь, и я охнула. Его язык проник в мой рот, погружаясь внутрь и обратно, быстро и жестко — именно так, как мне нравилось.

— Кровать, — выдохнула я между поцелуями.

Он отклонился назад, чтобы сказать:

— Ты уверена?

А потом мы снова целовались, и ритм, который он задавал, был таким же притягательным и гипнотизирующим, как музыка в клубе. Он снова спросил:

— Блосс, ты уверена?

Уверена ли я? Зачем он это спросил? Он что думает, что я всего лишь хотела целовать его? Мне хотелось целовать его, пока весь мир не исчезнет.

— Кровать, — снова сказала я.

— Это не ответ.

Но он все равно двинулся в сторону спальни.

Я крепко вцепилась в него, переместив свои поцелуи на его подбородок, а потом шею, чтобы он смог сосредоточиться на том, куда идти.

Каким-то образом я попала в занавески.

Буквально запуталась в них.

Моя серьга зацепилась за тонкий материал, и я не заметила этого, пока он не стал двигаться дальше. Мое ухо и часть головы пронзила боль. В ответ я заорала.

— Что? Прости! Что случилось? Что я сделал?

— Ухо.

Видимо, моя речь свелась к односложным предложениям.

— Черт. Не шевелись.

Он попытался обеими руками освободить сережку, но потом мы потеряли равновесие, и оба рухнули в сторону комода, который как раз стоял внутри спальни.

Судя по тому, как сильно болел у меня локоть, завтра у меня будет потрясающий синяк.

Когда боль утихла, я рассмеялась, потому что как обычно моя жизнь оказалась нелепой. И как назло, у меня вышла смесь из смеха и фыркания. Мы засмеялись оба, задыхаясь теперь уже совсем по другой причине. У меня болела одна сторона там, где мы ударились о комод. Серьга все еще была зацеплена за занавеску, а ноги продолжали держать его за талию. Между приступами смеха Гаррик ласково поцеловал меня в лоб.

Может, нелепость не так уж и плоха.

— Ладно, давай тебя распутаем. Я опущу тебя, хорошо?

Он аккуратно опустил меня на пол, и мой бешеный пульс стал снижаться. Несколько минут он пытался освободить меня, но у него были слишком большие и неуклюжие пальцы. Наконец, я сказала:

— Расстегни сережку. Я вытащу ее из занавески завтра.

Смеясь, он так и сделал.

Если до этого я чувствовала, что вспыхиваю от нашего поцелуя, то теперь у меня по телу разливалось тепло, что было совсем по-другому и приятнее. Пламя свечи вместо открытого огня.

Он потер плечо, которым я ударилась о комод, и сказал:

— Мы сплошное недоразумение.

Я сжала пальцы и сказала:

— Есть немного.

Он обхватил ладонью меня за шею и, притянув к себе, еще раз поцеловал в лоб. Я закрыла глаза, думая, что это похоже на конец вечера.

— Думаю, может, эта занавеска помогла нам. Твои ноги в этой юбке почти уничтожили все мое самообладание.

Я улыбнулась.

— Я же говорила тебе, что никогда не должна надевать ее.

— О, я определенно рад, что ты ее надела. Это воспоминание я буду лелеять еще очень долгое время.

Я шлепнула его по руке, но не возражала против бесстыдной улыбки. Он сказал:

— Наверно, мне нужно уже идти, пока ты снова не свела меня с ума.

Я отпустила его, хотя большая часть меня кричала в знак протеста. А когда он ушел, я радовалась почти так же как, когда узнала, что получила роль Федры.

Я танцевала.

Потому что... наконец... все было правильно.

Все было так неправильно.

Первая читка «Федры» оказалось катастрофой эпических масштабов. Даже после двух недель Кейд не сказал мне ни слова, пока мы не начали репетировать. И, казалось, весь актерский состав, судя по многозначительным взглядам, которые я на себе ловила, был на его стороне. И хотя все читки имели тенденцию быть немного «тухлыми», так как все сидели вокруг стола, эта же оказалась хуже пиццы недельной давности.

Время от времени Эрик качал головой, и я фактически видела, как он думает: «*Что произошло с людьми, которых я отобрал на кастинге на прошлой неделе?*»

Каждая последующая сцена становилась все хуже и хуже, словно винт, входящий под неправильным углом, но мы просто продолжали, пытаюсь хоть как-то что-то наладить.

Было очевидно, что этого не произойдет.

Когда все закончилось, я почувствовала себя выжатой, как лимон. Я была так взволнована этой постановкой. Я ждала чего-то подобного с первого года обучения, а когда мне, наконец-то, выпал шанс, это оказалось просто невыносимо.

Эрик пытался изобразить какой-то оптимизм, говорил, что на сцене все будет лучше. Не думаю, чтобы хоть кто-то ему поверил.

А если и так, то первая же репетиция на сцене, которая, к слову, была еще хуже, чем читка, если такое вообще возможно, растоптала все остатки этой надежды. Неловкость между Кейдом и мной, казалось, пропитала весь актерский состав. Все были взвинчены до предела.

На занятиях было не намного лучше.

Кейд держался от меня на расстоянии, а Келси все еще злилась. Поэтому я могла с легкостью опровергнуть поговорку «человек — не остров». Я была совершенно одна.

Если не брать во внимание Гаррика.

Глубина моих чувств к нему ужасала. Все было слишком хорошо. Ничто в этой жизни не могло быть настолько удивительным. По крайней мере, не в моей.

В среду утром, после занятия по подготовке к выпуску, он остановил меня:

— Блсс, задержись на секунду.

Я тянула время, собирая свои вещи, и ждала, пока все покинут компьютерный класс. Когда мы остались одни, я спросила:

— Что случилось?

Он улыбнулся.

— Ничего.

Тогда он прижал меня к компьютерному столу, стоящему позади, и поцеловал.

От неожиданности я задохнулась, а его язык ворвался в мой рот. Все, что я успела сделать, — это моргнуть, и затем тут же оказалась на столе, его бедра — между моих раздвинутых ног, а его губы впивались в мои. В этом поцелуе не было ничего медленного. Он был бешеным, словно украденным мгновением, и я сходила с ума от желания. Я цеплялась за него, уверенная, что рассыплюсь на кусочки в его руках, а потом он отстранился.

Мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы сконцентрироваться на дыхании прежде, чем мне пришло в голову, что я сошла с ума. Я шлепнула его по руке.

— Ты спятил? О чем ты вообще думал? Что, если бы кто-нибудь вошел?

Я оттолкнула его на несколько шагов назад и спрыгнула со стола. Ноги нетвердо коснулись пола.

— Я все утро думал, что ты слишком сексуально выглядишь в такую рань.

Я смирила его стальным взглядом.

— Я серьезно, Гаррик.

— Как и я, — ответил он. Он взял меня за локоть и потянул в дальний угол класса, где нас нельзя было заметить от двери, и мы бы узнали, что кто-то вошел. — Когда дело касается тебя, Блосс, я всегда очень серьезен.

Имел ли он в виду то, что я подумала? В его взгляде горела опасность. Я не могла думать ясно, когда он был так близко. Он попытался еще раз меня поцеловать, но даже не смотря на то, что мы были скрыты от глаз того, кто мог в любой момент войти в дверь, я слишком боялась, слишком была напугана. Я снова почувствовала себя как в ту первую ночь, когда мы были в моей кровати. Была ли это я? Была ли я готова к чему-то подобному?

Я повернула голову, и его губы коснулись моей шеи. Все было настолько запутанным. Как я могла чего-то настолько сильно желать и в то же время не хотеть этого?

Часть меня жаждала обхватить его руками и умолять, чтобы его губы никогда не отрывались от моей кожи. Другая хотела с криком убежать в другом от него направлении.

Победила вторая часть.

Я высвободилась из его объятий и подняла руку, пытаясь удержать его от того, чтобы он последовал за мной.

— Я не могу. Мне пора. Хочу найти Кейда перед вечерней репетицией, быть может, еще удастся все наладить.

После чего я покинула класс. Кожа все еще горела от его прикосновений. К тому времени, как я добралась до актерского фойе, Кейда там уже не было. В течение всего оставшегося дня мне тоже не удалось застать его одного. Я думала над тем, чтобы попросить его поговорить со мной до репетиции, но постоянно кто-то был рядом и пялился, и, честно говоря, у меня просто не было на это сил.

Но это лишь означало, что наша третья репетиция началась так же плохо, как и все остальные.

Эрик, который понятия не имел о разворачивающейся за кулисами драме, был в замешательстве. Я думаю, он предположил, что все это из-за меня и Кейда, и именно поэтому отослал нас. Он сказал, что просто хочет поработать с хором, а также, чтобы мы кое-что отрепетировали. Итак, он отправил нас в небольшую мастерскую, где мы должны были отрабатывать одни... с Гарриком.

Должно быть, грядет апокалипсис. Насколько ужасные вещи случаются только в преддверии конца света. Я завидовала самообладанию Гаррика. Он ни разу не выдал своих эмоций.

Я же, напротив, напоминала крушение поезда в человеческом облике.

Мы вместе дважды пробежались по нашей первой сцене. Кейд был безжизненным, а я — жалкой.

Не важно, сколько раз между репликами Гаррик бормотал «Проснитесь!», «Энергичнее!» или «Поднимайте ставки!», мы все равно были ужасны. Гаррик, который знал, на что мы оба способны, все больше и больше расстраивался. Он даже не пытался изобразить оптимизм.

— Перерыв на пять минут для обоих.

Я ушла в уборную и ополоснула лицо водой. Нужно было это остановить. Если я смогла сыграть перед Домом, то естественно смогу перед Кейдом, не важно, насколько он расстроен. Он мой лучший друг, но если я хотела стать актрисой, то мне нужно было научиться отбрасывать эмоции в сторону и думать о нем, как о ком-то другом.

Почувствовав себя немного лучше, я вернулась в мастерскую. Кейд и Гаррик уже были внутри и разговаривали.

— Я знаю, что между вами происходит что-то личное, но вы должны это преодолеть, — сказал Гаррик.

— Я стараюсь. Но это не так-то просто.

Гаррик стоял ко мне спиной, но я видела лицо Кейда, бледное и помятое, как лист бумаги, который собираются выбросить. Я задыхалась, желая, чтобы все закончилось или чтобы никогда не происходило.

— Ты недостаточно хорошо стараешься. Итак, она не ответила на твои чувства. Такова жизнь.

У меня отвисла челюсть. Как он мог быть таким бессердечным? Гаррик, который был таким милым и понимающим, когда я пришла к нему с той же проблемой?

— Такое случается. Ты должен повзрослеть. Ты актер или нет? Ты не можешь позволить своим чувствам к ней управлять твоей жизнью.

Во рту у меня пересохло, и в горле появился ком.

Я толкнула дверь и сказала:

— Достаточно.

Раздражение в моем голосе удивило меня, хотя и не должно было. Я не могла смотреть, как Кейд страдает, и, наконец, причиной этого была не только я. Слова Гаррика сильно задели меня, и от гнева у меня затряслись руки.

Увидев меня, Кейд испугался.

Гаррик и вовсе не выглядел виноватым, что только распалило мой гнев. Я шла, пока не оказалась между двух парней, закрыв спиной Кейда.

— Это не твое дело, — сказала я Гаррику.

Он повернулся ко мне, и его выражение лица, казалось, ослабило хмурый взгляд.

— Это мое дело, когда ваши личные проблемы влияют на репетицию.

Головой я понимала, что он прав. И понимала, что он мой учитель, а это его работа, но осуждение в его голосе все равно ранило меня.

И мне хотелось ранить его в ответ.

— Возможно, ты прав, — сказала я. — Может, здесь вообще не место отношениям. Не самая лучшая идея смешивать их с учебой, ты так не считаешь?

Он был настолько спокоен, что мне хотелось встряхнуть его. Мне хотелось вцепиться ногтями в его плечи и раскачивать взад и вперед.

— Блсс, ты ведешь себя непрофессионально.

— Я веду себя непрофессионально? О-о, вот забавно, по-моему, это относится к тебе!

— Об этом мы с тобой поговорим позже. — Он коснулся рукой моего локтя, и меня еще больше разозлило то, что от его прикосновения у меня подкосились ноги. Я отстранилась.

— Я не хочу говорить об этом позже. Я лишь хочу, чтобы ты занимался обязанностями режиссера. Я хочу, чтобы ты не лез в мои дела с Кейдом. Ты меня слышишь? Тебе понятно? Не лезь в это. Это все, что я хочу от тебя.

Наконец, что-то в его спокойном выражении лица дало трещину. Его челюсти сжались, и на секунду он прикрыл глаза. Видеть его взволнованным было не так приятно, как мне казалось. И мне уже хотелось забрать свои слова назад.

— Отлично. — Он поднял ладони вверх и повторил: — Отлично. Как режиссер я заявляю вам, что вы вместе должны разобраться со своим дерьмом до следующей репетиции, если не хотите, чтобы мы начали искать дублеров. Вы свободны.

Выходя, он громко хлопнул дверью, и я слышала у себя в голове эхо снова и снова. Я такая глупая. Это было ТАК глупо. Я практически забыла, что Кейд стоял рядом, пока он не произнес:

— Вот дерьмо, Блсс. Он и есть тот парень?

Я могла бы отрицать это. Могла бы придумать целую историю. Могла убежать. Но я чувствовала себя настолько опустошенной, чтобы сдвинуться с места. Я опустилась на колени, обхватив себя руками за талию, будто это как-то могло помочь мне удержать себя в руках, будто, если я буду держать себя крепко, то боль не проникнет внутрь.

Но она прошла.

И все пустоты внутри меня внезапно заполнились словами, о которых я сожалела, стыдом, который я ощущала, и отсутствием Гаррика. Я больше ничего не могла поделать, только плакать.

Слезы вырывались из меня медленно и спокойно, поднимаясь как поток, смывая все, что я так любила в нашем времени, что мы провели вместе.

Моего плеча коснулась рука, и я в надежде резко развернулась.

Это был Кейд.

Медленно и неуверенно он опустился на колени рядом со мной и обхватил меня руками. Какое-то мгновение я колебалась, зная, как трудно, должно быть, это было для него, зная, что он как всегда был слишком хорош для меня.

Но потом я больше не смогла сопротивляться. Я уже повела себя эгоистично, так что страшного произойдет?

Я зарылась в его руки и отпустила себя. Это был самый ужасный плач из всех ужасных плачей, но мне было все равно. Потому что моя способность разрушать все хорошее не знала границ.

— Все хорошо, — говорил мне Кейд. — Все не так плохо.

— Не так плохо? — я потерла глаза, и мои руки тут же измазались черным. — Может быть, по сравнению с Холокостом. Но с тем, как происходят расставания, все очень плохо.

Он напрягся.

— Так вы были вместе? Действительно вместе?

— Формально пару недель, пока я все не испортила.

Боже, неудивительно, что я до сих пор девственница. Должно быть, в прошлой жизни я разбила все зеркала в мире.

Но вопреки всему, я действительно нравилась Гаррику. Несмотря на то, что я сбежала от него во время секса, придумав ужасное оправдание. Несмотря на то, что я до сих пор не спала с ним. Несмотря на то, как чертовски кошмарно неуклюжей я была. Я ему нравилась. Я снова всхлипнула, потому что это было нечестно.

— Он тебе сильно нравится, да?

Задыхаясь, я кивнула.

— Да. Я знаю, что это безумие. Знаю, что глупо. Но, но... мы познакомились еще до того, как он стал нашим преподавателем, и я просто не смогла это остановить. Я пыталась. Мы пытались. Думаю, мне придется это сделать сейчас.

Кейд раскачивал меня из стороны в сторону, и хотя это было здорово, это заставило меня почувствовать себя молодой и неопытной. Непрофессиональной, как сказал Гаррик.

— Он простит тебя, — сказал Кейд. — Я бы так и сделал.

Я хотела спросить, значит ли это, что Кейд уже простил меня, но слишком боялась. Поэтому я оставалась в его объятиях, плача и успокаиваясь, на тот случай, если это была всего лишь временная передышка, если это все, что я получу.

К тому времени, когда мы покинули студию, репетиция закончилась, и все остальные уже ушли. Кейд проводил меня до моей машины, и я начала надеяться... что, может быть, у нас все наладилось. Он не поцеловал меня в щеку, как делал это раньше. А положил руку мне на плечо. И хотя все было по-другому, мне было этого достаточно.

— Все будет хорошо, — сказал он. И у меня появилась надежда, что он говорил обо всем... о нас, о Гаррике, о жизни. Мне нужно было, чтобы все было хорошо.

Добравшись до дома, я подумала о том, чтобы пойти к нему, но, по правде говоря, я боялась. И было настолько проще просто чувствовать жалость к себе. У меня в морозилке как раз для таких случаев было припасено ведерко печенья с кусочками шоколада, покрытого мороженым. Было бы здорово поделиться им с Келси, но я не могла позволить себе разделить свою тайну с кем-то еще, и я была не настолько эгоистична, чтобы Кейд стал еще и свидетелем моих поминок. Он обещал, что никому не скажет, и я ему поверила.

Я сидела на одном конце своего дивана, глядя на Гамлета, разлегшуюся на другом. Интересно, она могла бы меня утешить? Только однажды в другой грустный момент она была мила со мной, поэтому, может, у меня был шанс. Я потянулась к ней, но в ответ получила не только ее обычный рык, но и шипение.

Она явно была на стороне Гарриика.

Я в тысячный раз, а может, и в тысячу первый, думала пойти к нему. Но мне нужно признать, что с самого начала он был не моего круга. В конце концов, он устал бы от меня, как только запретный фактор был бы преодолен. И я даже не могу предположить, что могло произойти, если бы нас застукали. Несмотря на то, что даже от одной мысли по мне пробежала волна адреналина, как тогда в компьютерном классе, когда он целовал меня, и нас кто-то мог увидеть. Может, я наоборот помогаю себе тем, что теперь разрываю все отношения. Конечно, уже сейчас это ужасно в миллиарды раз, но позже будет гораздо хуже.

В своей темной, тихой квартире в затуманенной мороженым голове я могла бы признаться, что влюбилась в него. Наши ох-какие-короткие отношения были похожи на день, проведенный на солнце, после того, как ты всю жизнь провел под землей (в этой истории мое «я» выступало в качестве человека-крота). Может быть, это все, на что мы можем рассчитывать в таких отношениях — вспышки солнечного света. Может, эта вспышка была слишком яркой, чтобы сохраниться в течение продолжительного периода времени. Может, мне следует быть благодарной.

Но я не чувствовала себя благодарной. А чувствовала себя несчастной (и объевшейся мороженым).

В среду мы снова сидели в компьютерном классе, и он ни разу не подошел к моему месту ближе, чем на три фута. На репетиции, вечером, он сидел на верхнем ряду, делая какие-то заметки, и не проронил ни слова.

В четверг и пятницу было то же самое. Хотя игра на репетициях и улучшилась, когда Кейд и я все уладили (вроде как). Мы не стали снова такими уж друзьями. Я не видела нас в ближайшем будущем, гуляющих в одиночку, но мы могли разговаривать без каких-либо крупных стихийных бедствий, и в наших головах достаточно прояснилось, чтобы можно было сосредоточиться на игре.

В выходные я вернулась в свое состояние человека-крота, не выходя из квартиры, принимая душ только тогда, когда это было действительно необходимо.

В любые другие выходные Келси вытащила бы меня куда-нибудь, но она все еще немного злилась на меня за мое поведение в клубе. Поэтому я была абсолютно одна.

У меня никого не было, кроме Гамлета. Которая ненавидела меня огнем тысячи солнц.

Целую неделю я провела в состоянии одиночества, пока не набралась мужества как-то решить этот вопрос.

Я решила заглянуть к нему в то время, когда он находился в кабинете, слишком боясь

оказаться с ним лицом к лицу дома или после занятий. Когда я дошла до двери, он разговаривал по телефону.

— Я знаю. — Он улыбался и кивал головой. — Знаю. Я окажусь дома, ты не успеешь оглянуться. Что такое еще каких-то три месяца?

Я застыла. Прижалась к стене за его дверью, и мои легкие, казалось, опустели, независимо от того, сколько раз я вздохнула.

— Это? Нет, с этим я покончил. На самом деле, не нужно было и начинать... просто слишком много трудностей.

Внутри меня что-то рушилось, то, что уже было хрупким и слабым, но теперь ломалось и ломалось.

— Я должен был знать лучше. Я знаю, но теперь все кончено, и, знаешь, меня это больше не волнует. Да, да. Я найду другое место для работы. Это того не стоит.

Того не стоит?

Думаю, до этого момента я все еще надеялась, хотя и пыталась отговорить себя.

Надежда... это такая хрень.

Я не буду плакать. Он с этим покончил. И мне тоже нужно было так сделать. И нужно было убедиться, что он знает об этом. Если он думал уехать, чтобы держаться от меня подальше, то мне придется это исправить. Я не буду причиной его отъезда.

Пока не передумала, я протянула руку, постучала по дверному косяку и вошла в открытую дверь.

Он поднял взгляд и запнулся на том, что собирался сказать дальше. Секунду он смотрел на меня, забыв про телефон в руке. А потом, в конце концов, моргнул и вернулся к разговору.

— Ладно, мне нужно идти. Я позвоню тебе позже, хорошо?

Кто бы не находился на другом конце провода, я ненавидела его. Это была девушка? У него в Филадельфии есть девушка? Для него это было просто увлечение, просто секс (ну, почти секс)? Кто бы там ни был, следующие двадцать секунд он говорил «да», «хорошо» и кивал головой.

Когда он закончил разговор, я все еще не знала, что собиралась сказать.

Какое-то время он просто смотрел на меня, а потом произнес:

— Чем я могу тебе помочь, Блосс?

От его официального тона меня затошнило, но я, как можно лучше, попыталась скопировать его.

— Я лишь хотела извиниться за свое поведение во время нашей совместной репетиции. Мы с Кейдом все испортили...

Он перебил меня:

— Я заметил.

Я запнулась, мои мысли в голове тут же разбежались.

— Поэтому... Э-э, обещаю, что этого больше не повторится. Впредь я буду придерживаться лишь профессионального поведения. Я не буду смешивать свою личную жизнь с репетициями или вашими занятиями.

Он отложил ручку, которую до этого вертел в руках, и начал вставать.

— Блосс...

Что бы он ни собирался сказать, я не могла это слушать. Если я выслушаю его, когда он попытается с легкостью разочаровать меня (когда я знала, что его это не волновало), все закончится тем, что я расплачусь и выставлю себя полной дурой. Поэтому я перебила его:

— Все хорошо. Я покончила с этим. Ничего серьезного, верно?

Он остановился, и я была уверена, что он понял мою ложь, что он увидел в моих сжавшихся

внутренностях мое измученное сердце. Я хотела, чтобы он поверил мне.

Я в порядке. Я покончила с этим. Я в порядке. В порядке. В порядке.

— Верно, — наконец, сказал он.

Я жадно втянула в себя воздух.

— Отлично. Спасибо за ваше время. Хорошего дня!

А после я уже была за дверью и бежала, бежала, бежала вниз по лестнице на свежий воздух, где я могла вдыхать и заполнять свои легкие до тех пор, пока мне больше не захочется плакать.

С тех пор я улыбками выстроила вокруг себя стены и смехом закрылась ото всех. Я помирилась с Келси, пообещав, что пойду с ней на танцы, когда она захочет. Я направила все свои силы на репетиции, выучивая все свои реплики наизусть за неделю до даты, когда мы будем читать текст без сценария. Я готовила себя к марту как солдат, двигаясь вперед и отказываясь оглядываться назад. На репетициях Эрик оценил мою работу, сказав, что в каждом моем слове чувствовал стыд, ненависть к себе, видел их даже в моей позе. Я улыбнулась и притворилась, что рада это слышать.

Я переключила свое внимание на выпускной, когда я уйду и отправлюсь, неизвестно куда. Может, я истрочу все деньги на кредитной карточке и уеду путешествовать с Келси. Может, я вернусь домой и поработаю, чтобы отложить немного денег. Маме это очень понравится. Может, я останусь здесь, получу работу в «Таргет» или где-нибудь еще. Мне просто нужно дойти до конца. А потом все будет проще. Потом... я со всем разберусь. Я все расскажу Келси, и мы оторвемся, чтобы избавиться от боли. Потом.

Я не могла ждать «потом».

Это казалось возможным. Казалось выполнимым.

Пока «сейчас» все не испортило.

От весенних каникул нас отделяла всего неделя. Днем в пятницу все собрались в «черном ящике» для начала семинаров по сценической режиссуре. В театре присутствовал весь факультет: студенты предпоследнего курса с режиссуры оцепенели, все остальные студенты либо скучали, либо садистски веселились.

Я же просто шагала из стороны в сторону, желая скоротать время, пока Расти не встал, чтобы сделать объявление перед началом первой сцены.

Он откашлялся, удивительно серьезное поведение для Расти.

— В общем... вчера я ходил к врачу...

— Ты беременный? — выкрикнул кто-то сзади.

— Нет. — Он улыбнулся, хотя и слегка. — На самом деле... у меня мононуклеоз.

Понадобилось какое-то время, чтобы эти слова дошли до всех.

— Врач сказал, что инкубационный период составляет от четырех до восьми недель, что означает, что я заболел им уже в январе или феврале. Поэтому... вы должны быть осторожны, допивая за кем-то другим, и... во всем остальном.

Январь или февраль. Вечеринка. Я целовалась с Расти на вечеринке. Мы все целовались... со всеми.

Инстинктивно я искала глазами остальных участников игры в бутылочку. Их лица были такими же встревоженными и испуганными, как и мое собственное. Если Расти был заражен уже тогда, то, значит, я тоже могла, как и Кейд, и Келси, и Виктория, и все остальные с вечеринки.

И Гаррик.

Черт.

Я догнала его, как только сцены были закончены. Актеры все еще расхаживали в костюмах. Преподаватели поздравляли своих учеников, и все разбрелись по кучкам, строя планы на выходные. Все казались спокойными и счастливыми, а мне казалось, будто весь мир рухнул. Для меня пойти к Гаррику было равносильно тому, чтобы войти в комнату, наполненную сибирской язвой.

Но я все равно это сделала.

К счастью, он ни с кем не разговаривал, просто что-то смотрел в своем телефоне. Несколько минут я стояла позади него. Простая близость к нему сильно взволновала меня. Это действительно было похоже на яд. Я вдыхала его и чувствовала, как он ломает стены и защиту, которые я возвела.

Не знаю, то ли я издала какой-то шум, то ли он почувствовал меня позади себя, но Гаррик обернулся и посмотрел на меня. На долю секунды я подумала, что он улыбнется. Но потом выражение его лица изменилось и сделалось настороженным. Будто он не доверял мне. А уже после его лицо ничего не выражало.

Все эти эмоции и воспоминания хлынули потоком на мои заграждения, пытаюсь выплеснуться наружу. Он выглядел так, будто ему все равно.

Мне хотелось выплюнуть все, что я хотела сказать, и убежать, но я знала, что это не самая лучшая идея. Не совсем нормально предупреждать преподавателя, что ты могла заразить его мононуклеозом.

— Можем мы поговорить... наедине? — спросила я.

Он оглядел комнату, и я могла предположить, куда он смотрел. Возможно, на Эрика. Может, Кейда. Или Дома. Но куда бы он ни смотрел, он оставался сосредоточенным на том, что говорил:

— Не думаю, что это хорошая идея, Блисс.

Да, хорошие идеи у меня уже очень давно закончились.

— Это не займет много времени, — пообещала я ему.

Наконец, он взглянул на меня. Мне хотелось верить, что я увидела мягкость в его глазах, но я могла все придумать. Я все время это делала. Все, что мне нужно было сделать, это закрыть глаза, и я бы увидела, как он тянется ко мне, его губы находятся в миллиметре от моих. Но всегда... всегда я открывала глаза, и это оказывалось нереальным.

Тут меня за плечо обхватила рука и потянула в объятия. Это был Эрик. Он начал говорить о репетициях, костюмах и весенних каникулах, — и для всех этих вещей у меня не хватало места в голове.

Я смотрела на Гаррика, улыбаясь его начальнику. Его же улыбка была натянутой, прячущейся за сомкнутыми губами. Когда в последний раз я видела его потрясающую улыбку? Может, мне не нужно ничего ему рассказывать? Ведь я была даже не больна.

Да и он ни с кем не целовался с той вечеринки (я надеялась). А если я не заболела, то и он никогда не узнает. Кроме того, очевидно, что он просто хотел забыть о нашем небольшом романе. Черт возьми, он даже говорил о смене работы. И с тех пор я старалась слишком долго не смотреть на него, не стоять слишком близко или не показать, что я не покончила с этим так, как он.

Потому что, как бы плохо все ни было, было бы гораздо хуже, если бы он уехал насовсем.

Да. Я расскажу ему, если мне придется. Нет необходимости заводить разговор, если

никакой проблемы не было.

Я извинилась, попросилась с Эриком и Гарриком. А затем я снова стала притворяться. По крайней мере, мое образование мне немного пригодилось, даже если я никогда больше не смогу его применить. Оно научило меня лгать.

В последний учебный день перед весенними каникулами, я проснулась обессиленная, и мне было так холодно, что я надела свитер на занятие Гаррика, несмотря на то, что в Техасе уже была весна. Все было вполне очевидно, или должно было быть, но я была так занята, стараясь пережить этот день и дождаться каникул, что позабыла про свою тревогу.

Гаррик отпустил нас рано, но перед этим сказал:

— Извините, ребята, что даю вам на каникулы домашнее задание, но когда вы вернетесь, я хочу от вас четкий план того, что вы будете делать 23 мая. Для тех из вас, кто не смотрит в календарь, напоминаю, что это будет следующий день после вашего выпускного.

У меня за спиной хихикнул Дом:

— А быть все ещё пьяным с предыдущей ночи считается окончательным планом?

У меня даже не хватило сил закатить глаза.

— Некоторых из вас я увижу сегодня вечером на репетиции, а остальным — отличных весенних каникул! Не попадите в тюрьму, не женитесь, не делайте ничего в этом духе! Всем счастливо.

Мне кажется, прозвучали аплодисменты, но моя голова была немного неясной. Я собрала свои вещи и решила, что мне сегодня не так уж и необходимо идти на оставшиеся занятия. Я должна пойти домой и вздремнуть. Вздремнуть звучало хорошо. Когда я посплю немного подольше, мне станет легче.

Ковыляя к двери, я почувствовала головокружение.

Я и не осознавала, что все уже ушли, пока мы с Гарриком не остались одни, и он не спросил:

— С тобой все хорошо, Блосс?

Я кивнула. Казалось, будто у меня голова была набита хлопком.

— Просто устала, — сказала я ему. Я говорила довольно внятно, чтобы убедиться, что мой ответ прозвучал старательно нейтрально, а не убого или злобно. — Но все равно спасибо. Хороших каникул!

Мой голос звучал где-то далеко, и мне понадобились все силы, чтобы выйти из дверей и добраться до машины.

Поездка домой оказалась загадкой. Определенно, вождение машины было, но я не помнила улиц или даже того, когда поворачивала руль. Но вот я очутилась перед своей квартирой, так близко к своей кровати.

Мне хотелось упасть прямо в нее, но моя невротическая потребность вешать календарь рядом с постелью напомнила мне, что сегодня вечером у меня репетиция. Я поставила будильник на 17.00, чтобы у меня было время по-быстрому приготовить ужин, а второй — на 17.05 на тот случай, если я случайно выключу первый. А потом кровать сомкнулась вокруг меня, и я провалилась в забытие.

Несколько минут спустя, мир вокруг меня закричал, и он был таким громким, что я попыталась прижать ладони к ушам, но они мертво и безжизненно лежали по бокам. Я сглотнула, и мой язык будто проткнули иголками, а горло горело, как обветренные губы.

А чтобы перевернуться, казалось, нужно было сдвинуть горы.

Часы показывали 17.45.

Я моргнула и посмотрела еще раз.

17.45.

Мир продолжал кричать, и, наконец, наконец, я подняла руки и нажимала на будильник, пока звон не прекратился.

Я снова сглотнула, но мой язык казался слишком большим. Слюна обжигала, как кислота.

В полубессознательном состоянии я снова посмотрела на часы. Я уже опаздывала. Репетиция начиналась через пятнадцать минут. Как-то... не знаю, как... мне удалось вытащить себя из постели. Ноги дрожали, будто пол был лодкой, а под ним — море. Мне нужно было кое-что сделать... Я знала это, но не могла думать ни о чем, кроме этого неотступного ощущения, что я что-то пропустила. И было так холодно, где мое пальто? Мне нужно пальто.

Завернувшись в какие-то теплые вещи, что смогла найти, я, пошатываясь, вышла к машине. Через секунду мир перевернулся, как ребенок, который отказывается сидеть спокойно. Я вытянула вперед руку, чтобы удержаться на ногах, но мне не за что было ухватиться, поэтому я раскинула руки в стороны. Я не упала, но едва удержалась на ногах. Я уставилась на землю. Я так устала. Разве было бы плохо оказаться там? На земле?

Однако было так холодно. Мне действительно нужно пойти внутрь, если я хотела прилечь... или залезть в машину. У меня есть время на то, чтобы вздремнуть в машине?

Я встряхнула головой, пытаюсь прогнать туман, и что-то ужасное загрохотало у меня в голове. Больно. Боже, так больно. Я прижала к ней руки, пытаюсь понять, почему, и снова сглотнула, отчего меня снова пронзила боль. Все болело. Все.

Я больше не могла стоять. Стоять было слишком тяжело. Я была уже почти на земле, протянув к ней руки, думая, что асфальт у щеки будет теплым, когда что-то поймало меня сзади.

Я продолжала тянуться, но меня поймали, как рыбу, болтающуюся на крючке.

Я начала плакать, потому что у меня раскальвалась голова, а горло сдавило как железом. Мне все еще нужно было пальто, мне не хотелось быть рыбой и хотелось спать.

Спать.

Кто-то говорил мне, что со мной все будет в порядке. Крючок исчез, моя подушка снова меня удерживала, и мне, должно быть, все приснилось.

Спать.

Я сплю и вижу сны.

Что-то зажужжало. Я подумала о пчелах. Я летала с пчелами.

— ...Будет в порядке. Я не могу сказать, насколько плохо, но у неё определенно лихорадка. Она без сознания. Мононуклеоз, да. Я должен отвезти ее в больницу? Вы уверены? Уверены. Ладно. Да. До свидания.

Я вытянула руку. Слишком много было слов. Пчелы не должны говорить. Это бессмысленно. Где я?

— Где? Ох, — простонала я, потому что все еще болело, даже после сна. Моя рука нащупала что-то. Или что-то нашло мою руку. И оно было теплым. А я замерзала. Я вздохнула. Тепло коснулось моей щеки, и я прижалась к нему, желая большего.

— Так холодно, — сказала я теплу.

А потом тепло ответило, низко и мягко:

— Я не знаю, что делать.

Я схватилась за тепло, удерживающее мое лицо, и попросила:

— Ещё.

Потом тепло ушло, несмотря на то, что я пыталась его удержать. Мимо меня пронеслось легкое дуновение, и я задрожала, задрожала, задрожала. Я плакала, и слезы были похожи на ледяные реки.

— Холодно, — сказала я.

Я сглотнула, но мне стало хуже, а не лучше. Я ненавидела это. Я хотела, чтобы все закончилось. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Пожалуйста.

— Я здесь, милая. Подожди.

Мир перевернулся, наклонился вбок, сломался. И он обнял меня, взяв меня с собой, но вместо того, чтобы умереть, я почувствовала тепло, твердое и сильное. Я схватило его, желая оказаться внутри него, чтобы перестать дрожать, чтобы все прошло.

Это было солнце, и оно держало меня в своих объятиях, называло по имени, касалось меня от макушки до пяток. Я заснула, убаюканная в небе, в руках звезды.

В следующий раз, когда я проснулась, голова у меня была достаточно ясной, чтобы понять — я больна. Мне пришлось дышать носом, потому что горло слишком сильно отекло и было слишком чувствительным, чтобы выдержать прохождение воздуха через него. Мышцы болели, а желудок казался опустошенным. Мне всё ещё было холодно, но при этом я не замёрзла. Растаяла. Сон снова звал меня. Я все еще так устала.

Но знала, что это значило.

Я всё-таки подхватила моноклеоз.

И это значило, что я должна сказать Гаррику. Но это могло подождать, пока голова не перестанет трещать, легкие не заполнятся, а горло не перестанет гореть. Когда температура спадёт, я позвоню ему.

Я передвинулась, желая, чтобы мои колени, локти и плечи просто перестали существовать, потому что сейчас они были только болью. А потом я поняла, что сплю, это жар изменил мой мозг, потому что Гаррик был здесь, подо мной, его голая грудь — моя подушка. Эта лихорадка была жестокой. Но я знала, что всё это только потому, что я думала о нем. Вероятно, я все еще спала.

У него были открыты глаза, которые смотрели на меня, не говорили, а просто смотрели. Это не может быть правдой.

— Жаль, что это не реально, — прохныкала я прежде, чем снова сдаться.

Спать.

Спать.

Когда я проснулась снова, озноб прекратился, я была одна. Хотя и знала, что это был сон, я уткнулась лицом в подушку, желая, чтобы это было не так.

Я не замечала до сих пор или, возможно, просто не признавалась в этом, но даже сейчас я влюблялась в Гаррика. Может, я никогда и не переставала. Каждое воспоминание и фантазия заставляли меня больше желать его. Несмотря на то, что я всё ещё была истощена, в этот раз мне пришлось постараться, чтобы уснуть.

— Блсс, просыпайся.

И секунды не прошло. Должно быть, это сон.

— Тебе нужно попить. Просыпайся.

Я попыталась отвернуться, забраться в сон поглубже, но что-то потянуло меня, и я села против своей воли. Что-то держало меня за спину, не давая лечь, так что вместо этого я наклонилась в сторону.

Моя голова уперлась во что-то твёрдое. Я не лежала, но почти. Я закрыла глаза.

— О, нет, не спи. Сначала попей. Потом можешь поспать.

Я спала. По крайней мере, я так думала. Должно быть, это сон, потому что из ниоткуда у меня в руках появилась чашка. Она была тёплой, почти такой же тёплой, как руки, обнимающие меня.

Пахло замечательно, и я позволила чашке приблизиться к своим губам.

Суп.

Наверно, куриная лапша. На вкус соленая и теплая, но глотать слишком трудно. Я отодвинула чашку.

— Пожалуйста, милая. Я беспокоюсь о тебе. А мне не нравится беспокоиться о тебе.

Я знала эти слова, и это было жестоко для моего подсознания повторять мне их сейчас, когда он вообще больше не беспокоился. Я подняла взгляд, и вот он, еще более совершенный в моем сне, чем в реальной жизни. Он был солнцем. Он всегда был солнцем, сияющим и искрящимся.

Это было слишком. Мне было больно снаружи и внутри.

— Я скучаю по тебе, — сказала я солнцу. — Я была такой глупой. А теперь я потеряла свет.

Он не сказал мне, что тоже скучал. И не сказал ничего из того, что мне хотелось услышать от него. Он произнес:

— Попей, Блсс. Мы поговорим, когда ты поправишься.

Я сделала так, как он сказал, потому что слишком устала бороться, слишком устала от встречи с нереальным. Медленно я сделала глоток, откинув голову назад и позволив жидкости скользить по горлу, чтобы не нужно было сильно напрягаться при глотании. Выпив половину чашки, я больше не могла. Я отодвинула ее, и он позволил мне это.

— А теперь можешь поспать. Спи, милая.

Я упала на подушки, но меня обхватило что-то еще, наверно, страх. Я боялась потерять это... это пространство сна между мирами, где я ничего не разрушила. Может, следующими приедут Кейд или Келси. И на короткое время моя жизнь снова могла бы стать простой.

Воображаемый Гаррик дотронулся рукой до моего лба.

— Думаю, температура у тебя почти спала. Это хорошо. Утром тебе будет намного лучше.

Я нахмурилась.

— Значит, скоро мне нужно будет позвонить тебе.

— Позвонить мне?

— Чтобы сказать, что ты тоже можешь заболеть.

Он наклонил голову в сторону. Почему он не понимал?

— Не думаешь, что я уже знаю?

— Не ты. Ты не настоящий.

— Я не настоящий?

— Настоящий Гаррик не был бы здесь.

Я свернулась на подушке, желая, чтобы этот сон закончился. Он больше не был приятным. Не был настоящим. Мы никто друг для друга... больше никто.

Но воображаемый Гаррик остался, держа руку у меня в волосах, и я позволила себе

поверить в это, еще ненадолго.

Около четырех часов утра я проснулась в луже пота. Мое тело прилипло к простыням, а лицо приклеилось к постели.

Думаю, пик лихорадки определенно миновал.

Я оперлась руками о постель, чтобы подняться, но мое чувство равновесия, должно быть, было выключено. Кровать казалась мне неустойчивой. Я потянулась назад и, нащупав лампу, легким щелчком включила свет. Затем, решив, что мне это снится, выключила его и снова включила.

Ущипнула себя. Ущипнула действительно сильно. Но ничего не изменилось.

Определенно, это Гаррик спал в моей постели.

Черт.

Черт.

Какая часть моих вызванных лихорадкой снов была реальностью? Я успокоилась, поняв, что моя жизнь в качестве пчелы была всего лишь фантазией, как и сказочные животные, которых, могу поклясться, я видела во сне. А потом я жила на солнце с инопланетянами.

Но Гаррик находился в моей постели. Он, определенно, был в моих снах, но все это не могло быть реальностью. Иногда он летал, большую часть времени он был голым. И была еще дюжина моментов, какие-то совсем расплывчатые, а некоторые очень четкие. Где же была граница? Что произошло на самом деле? Черт возьми, было ли это вообще реальностью? Может, мне просто приснилось, что жар прошел? Я сходила с ума и, пока мне не пришло в голову придумать какой-то план, я начала трясти Гаррика, чтобы разбудить его. Когда он очнулся, у него был затуманенный взгляд и, как всегда, прекрасный. На мгновение я была поражена тем, что он спал на моей подушке.

Он был в моей постели. Со мной.

Спал.

Мы спали вместе!

— Ты проснулась.

Боже, с каких это пор люди, еще не отошедшие ото сна, выглядят так потрясающе? Широко раскрыв глаза, я кивнула, совершенно не подумав о том, что же скажу ему, когда разбужу его.

— Как ты себя чувствуешь?

На это я могла ответить.

— Дерьмово. Все болит. А сильнее всего горло.

Он протянул руку и положил ее мне на бедро. Будто это было нормальным. Будто мы все время клали друг другу руки на бедра.

— Думаю, это нормально, — заметил он. Руки на бедрах? А, нет... мое горло. Он продолжил: — Тебе что-нибудь нужно?

Я покачала головой. Что, черт возьми, случилось, пока я была в отключке?

Он сел, и его одеяло опустилось до талии, открыв моему взору верхнюю часть его тела. Затем оно сползло на бедра, привлекая мой взгляд к мышцам, исчезающим под шортами. Боже! Его рука потянулась к моим волосам. Волосам, спадающим жирными прилизанными прядями мне на лицо. Резкий контраст с тем, как привлекательно он сам выглядел сейчас. Но его это, похоже, не волновало.

Что же, черт возьми, все-таки происходит?

— Я рад, что ты в порядке, — сказал он.

Я кивнула. Все, что я могла сейчас делать, так это кивать, это единственное, что я поняла. По крайней мере, кивки все еще имели хоть какое-то значение.

— Тебе нужно еще поспать. Тебе все еще нужен отдых. Если только ты не голодна.

Я покачала головой.

— Тогда спи.

Он слегка подтолкнул меня, и я медленно опустилась на постель, уверенная в том, что, как только моя голова коснется подушки, эта альтернативная вселенная прекратит свое существование.

Но этого не случилось.

Он откинул одеяло и выскользнул из кровати.

— Ты уходишь? — спросила я.

Он остановился, и в быстрой последовательности я увидела, как он осознал, где мы находились, и как мало на нем было надето. Он колебался, неуверенный в том, что делать. Это было так нехарактерно для него, едва ли я вообще видела его таким.

— А ты хочешь этого?

Мне хотелось остановить это мгновение, изучить его и стереть тот миг, когда этого сильного мужчину охватили сомнения. Конечно же, я не хотела, чтобы он уходил! Я никогда не хотела, чтобы он уходил!

Я помотала головой. Рада, что благодаря усталости, я в какой-то степени сохраняла спокойствие.

Он улыбнулся так широко, что я забыла о том, что сомнение вообще существовало.

— Тогда я не уйду. Я просто шел за стаканом воды. Поспи.

Он ушел, а я, скатившись, повернулась на бок. Я слышала, как открылся и закрылся кран. Я попыталась представить, что он делает. Пол не скрипел, так что он еще не возвращался. Может, он просто пил воду, стоя у раковины? Или скрипа не было, потому что мои галлюцинации закончились, и он не вернется? А скрипел ли пол, когда он шел к раковине? Я не могла вспомнить. Я начала паниковать. Может, мне нужно встать и пойти за ним. Убедиться, что он реален.

В этот момент кровать резко прогнулась, и я почувствовала тепло позади себя, за талию меня обхватила рука. Сначала я напряглась, а затем настолько неожиданно расслабилась, что практически завалилась на него. Он был таким теплым, что я почувствовала, будто меня снова накрывает лихорадкой.

Он потянул мои волосы и собрал их на подушке, открыв мою шею. А потом я что-то ощутила, наверно, кончик его носа, нежно скользящий по моей коже, и легкое дыхание.

— Гаррик?

Его рука напряглась, тело изогнулось вокруг моего, даже наши бедра прижались друг к другу.

— Завтра, Блосс. А сейчас поспи.

Спать? Сама эта мысль казалась невозможной, но когда его дыхание стало ровным, а я свыклась с его объятием, то поняла, что все еще чувствовала усталость. Мне хотелось проанализировать то, что случилось, что я помнила, а что нет, но сон действительно казался более важным.

Гаррик был прав. Это может подождать до завтра. Он будет здесь. Он сказал, что не уйдет. Но на всякий случай я положила свою руку поверх его, покоящейся на моем животе. Я подумала, что он уже заснул, но сон Гаррика был достаточно чутким, чтобы он отреагировал, сплетя наши пальцы вместе.

Когда я убедилась, что он реален и никуда не уходит... когда мои сомнения исчезли, я

заснула.

Спустя несколько часов я проснулась. Сквозь мои высокие окна лился свет, а кожа была скользкой от пота. В какой-то момент я подумала, что у меня снова жар. Я села, и рука Гаррика упала с моей талии. Он застонал.

Его брови были нахмурены, а лицо испещрено каплями пота. Я прижала руку к его лбу, и, конечно же, он горел. Выглядел он ужасно, но мне казалось, что я выгляжу еще хуже. Кожа и одежда были влажными от пота, как его, так и моего. Казалось, будто грязь и болезнь растеклись по моей коже.

Осторожно я высвободилась из объятий Гаррика и опустила ноги на холодный деревянный пол. От стояния все мои кости пронзила боль, словно они были сломаны и неправильно срослись, а теперь их снова нужно было ломать и сращивать. Каждый шаг ощущался так, будто по моим пяткам, коленям и бедрам прошлись отбойным молотком. Для того чтобы удержать себя в вертикальном положении, мне пришлось опереться о стену. И мой путь в ванную составил тридцать медленных, шаркающих шагов, вместо обычных десяти. Когда я добралась до нее, то задыхалась и была готова снова вздремнуть.

В затуманенном болью разуме казалось очень важным, в первую очередь, быть чистой. Я включила душ, оставив прохладную воду, вместо того, чтобы как обычно машинально включить горячую. Я снимала с себя одежду, каждый раз с сожалением обнаруживая, что под одним слоем находился другой. Я чуть не бросила это занятие, прежде чем добралась до лифчика.

Наконец, я была свободна, но у меня больше не было сил, чтобы встать под душ, как мне хотелось. Словно ребенок, который учится ходить, я залезла в ванну, откинувшись назад и позволив воде барабанить по коже. Мой желудок оказался особенно чувствительным к тому, как при ударе жалила каждая капля, будто кто-то скидывал сверху маленькие ракеты. Но даже и так, это было классно и восхитительно, и я растворилась в этом ощущении.

В течение долгого времени я лежала, погружаясь в сон и снова просыпаясь. Когда мое дыхание выровнялось, а боль в мышцах ослабла, я приподнялась, позволив воде намочить волосы и стекать по лицу.

Во всей этой истории шампунь оказался злодеем – глаза сильно щипало, и я измучилась, пытаясь стереть и смыть его. Мне показалось, будто прошла целая вечность, прежде чем вода стала достаточно чистой для того, чтобы я смогла открыть глаза, не чувствуя жжения. Но даже тогда я не смогла убедить себя проделать то же самое и с кондиционером.

Я выключила воду и откинулась назад, чувствуя под ногами сливное отверстие. Чем дольше мои глаза оставались закрытыми, тем тяжелее становилось мое тело. Маленькие влажные пятна на коже медленно высыхали, и было так приятно на мгновение почувствовать пустоту и спокойствие.

Потом я вспомнила про Гаррика и решила, что и так достаточно долго вела себя эгоистично.

Однако стенки ванной все еще представляли собой препятствие. Мне понадобились все силы, чтобы подняться. О том, чтобы попытаться одеться, просто не шло и речи. Я обернула голову полотенцем и облачилась в халат. Я схватила несколько маленьких полотенец, намочив их холодной водой и отжав, чтобы с них не капало.

Теперь я чувствовала себя немного более живой и могла идти, не держась за стену. Каждый шаг отдавался болью, но теперь уже в глубине моего сознания и это было терпимо. Тем не менее, рухнуть на кровать рядом с Гарриком стало таким облегчением.

Я стянула с него одеяло, и он пошевелился, но не проснулся. Одно влажное полотенце я положила ему на лоб, а второе развернула и приложила к груди. Последним я слегка провела по его рукам и ногам. Но даже это было слишком трудно сделать, поэтому я просто свернула

последний кусочек ткани и сунула ему под шею.

А потом я легла рядом с ним и уснула.

В следующий раз мы проснулись вместе. У него все еще был жар, но я убедила его выпить немного воды. Сама же я поняла, насколько хотела пить, лишь после того, как утолила жажду. Я помогла ему выпить полный стакан, а затем сама выдула целых два. У меня хватило сил скинуть свой толстый халат и заменить его на свободную пижаму. Я положила Гаррику на лоб новый влажный компресс, и он вздохнул.

— Спасибо, — пробормотал он.

Я не была уверена, насколько ясно он мыслил. Но он определенно знал, что я здесь, так как несколько раз с тех пор, как проснулся, звал меня по имени. И он знал, что был болен, но я не знала, как много ему было известно помимо этого.

— Не за что. Но справедливости ради, ты первым позаботился обо мне.

У него были закрыты глаза, но он улыбнулся.

— У тебя получается лучше.

— Это не важно, — ответила я. — Просто было приятно оказаться не одной.

Он попытался перевернуться на бок лицом ко мне, но смог только дотянуться рукой — он все еще был слаб. Я обвила его грудь рукой и потянула к себе. Он тоже обнял меня и потянулся навстречу, так что в итоге оказался на боку и гораздо ближе ко мне.

Устроившись, он выдохнул, измученный этим небольшим движением. Он сказал:

— Прости.

— За что?

За то, что нуждался в помощи? Он казался сильнее и выглядел гораздо лучше, чем я совсем недавно.

— За то, что оставил тебя совсем одну. За то, что встал между тобой и Кейдом. За то, что был слишком упрямым, чтобы сказать, как скучал по тебе. Мне очень жаль.

Я была сбита с толку, кусочки мозаики немного не складывались. Но я слышала то, что было важно — ему было жаль, и мне тоже. Мой мозг слишком плохо соображал, чтобы я могла вспомнить все подробности того, почему этого не должно было происходить. Но я привлекла его к себе, и его голова легла у моей шеи. Я глубоко вздохнула из-за того, что снова ощутила впервые за несколько месяцев. Мне хотелось спросить его о телефонном звонке, о нашей ссоре, обо всем. Но он все еще бормотал «прости», вновь и вновь, уткнувшись мне в шею, поэтому остальное не имело значения. Я крепче обняла его, и вместе мы выдержали болезнь и сон.

Так мы провели несколько дней, обнимая друг друга, засыпая и просыпаясь, чтобы поесть и помыться, когда чувствовали достаточно для этого сил. Было странно думать о болезни, как об оазисе, но так оно и было. Когда наши физические потребности одержали победу над разумом, нам не нужно было говорить ни о наших отношениях, ни о том, что их разрушило. Нам не нужно было ничего выяснять или объяснять. Я даже не беспокоила себя мыслями о том, что я девственница, или о том, чтобы заняться с ним сексом.

Мы прижимались друг к другу, и нашли свое исцеление в тишине, под моим одеялом, вдали от всего мира. К субботе мы чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы провести немного больше времени вне постели, поесть нормальной еды, посмотреть телевизор... поговорить.

Мы лежали на диване, я прислонялась спиной к его груди, а его руки обнимали меня. Предполагалось, что мы смотрим телевизор, но его лоб прижимался к моей шее, и я пыталась его относительно первых дней своей болезни.

— Что сказал Эрик, когда ты позвонил ему?

— Он не был расстроен, если тебя это интересует. Думаю, половина состава сейчас болеет.

Отлично. Наш спектакль будет отстойным, раз мы все одновременно слегли с болезнью.

Мы бы могли назвать это экспериментальной постановкой — «Федра Апатичная».

Я задала еще один вопрос:

— Что он сказал насчет того, что ты обо мне заботишься?

Он приподнял голову, отодвинувшись от моей шеи.

— Он ничего не знает. Он сказал уложить тебя в постель, и с тобой все будет в порядке. Он

предложил мне воспользоваться твоим телефоном, чтобы позвонить твоей маме.

О, это было бы ужасно. Зная свою мать, могу с уверенностью утверждать, что она спросила бы его, когда он собирается сделать мне предложение сразу после того, как выяснила бы его имя.

— Но ты остался.

— Я просто не мог оставить тебя одну. Я сказал Эрику, что тоже плохо себя чувствую, и остался с тобой.

— Но почему?

— Тебе обязательно нужно спрашивать об этом?

— Да.

Я слышала тот его телефонный разговор несколько недель назад, слышала, как он сказал, что ему все равно, что со мной много трудностей. По какой бы причине он ни остался... Мне нужно было услышать это.

Он заговорил:

— Ну что ж, если мы делаем это, то я сделаю все правильно.

Он попытался сесть позади меня, но наше положение на диване было слишком удобным, и мы оба были еще немного слабы, поэтому все закончилось тем, что мы запутались, а он оказался практически лежащим на мне.

Я по-прежнему лежала на боку, придавленная его весом. Он попытался, извиваясь, слезть с меня, но лишь напоминал черепаху, опрокинутую на спину. В конце концов, он сдался и просто слегка приподнялся, чтобы я могла перевернуться на спину, а затем осторожно опустился на меня.

Несмотря на то, что в течение недели мы спали в одной постели, такая позиция все еще

была интимной, волнующей и по-прежнему пугающей. Он попытался приподняться, как можно выше, опираясь на локти, но был еще слаб, поэтому все равно придавливал меня своим весом.

И мне это нравилось.

— Так, что я, значит, говорил? — спросил он. — Ах да, точно, что, кажется, я в тебя влюбился.

Я моргнула. А потом — еще раз.

Не знаю, сколько раз я моргнула, за считанные секунды пережив множество эмоций: потрясение, неверие, волнение, страх, желание, неопределенность, — и остановилась на чем-то ... слишком большом, чтобы дать ему название. Внутри меня находилась целая галактика, сложная, бесконечная, чудесная и хрупкая. А в самом центре нее — мое солнце. Гаррик. Любовь. Теперь эти два слова были для меня синонимами. Он влюбился в меня? В меня?

Его прикосновение вернуло меня из этой вселенной в реальность.

— Таким молчанием ты могла бы свести мужчину с ума.

— Я тоже тебя люблю, — ответила я.

И тут до меня дошло, что он произнес не совсем эти три слова. Он сказал, что влюбился в меня. И, по-моему, там было еще слово «кажется». Вот черт.

— Я имею в виду... что должна была сказать, что чувствую то же самое. Я тоже влюбилась. Потому что уже любить тебя было бы слишком быстро. Это было бы сумасшествием. Чересчур, да? Чересчур. Слишком быстро. Так что... я не люблю тебя. Нет. Не то, чтобы тебя нельзя любить, просто есть разница между «влюбиться» и «любить».

И это ведь еще только начало, пока. Так что, я тоже, кажется, влюбилась в тебя. Вот, что я хотела сказать. Все, что хотела сказать.

Я разваливалась на части. Его взгляд был мягким и неменяющимся и ни о чем не говорил, что я списала на сумбурность своей речи. В конце концов, он быстро поцеловал меня, будто хотел прервать, будто я, наконец, могла перестать говорить.

Я вздохнула.

— Тебе нужно было это сделать прежде, чем я начала свою безумную речь.

Он засмеялся и снова поцеловал меня, на этот раз немного дольше.

— Мне нравятся твои безумные речи. Более того, я люблю твои безумные речи. Решено. Я уже не влюблен. Совершенно точно, я люблю тебя. Это ведь не чересчур, не так ли?

Его улыбка была ослепительной и такой насмешливой, что я молниеносно ущипнула его за руку.

Он даже не потрудился изобразить гримасу боли, а просто поцеловал меня, вжимаясь в меня всем своим телом, и это было самое лучшее «чересчур».

Я всегда слишком много думала, слишком много всего в моей голове, как сказал Эрик. Но с тех пор, как я познакомилась с Гарриком, у меня появилась неловкая тенденция не думать вообще. То, что в ответ выходило из моих уст, почти всегда звучало неловко, но иногда... это срабатывало. Иногда оказывалось очень полезно говорить то, что первым приходило на ум. Иногда «просто и честно» срабатывало лучше всего.

Я надеялась, что это один из таких моментов.

— Я девственница, — сказала я ему. — Вот, почему я убежала той ночью, когда мы встретились. У меня не было кошки. И я не была с Кейдом. Я просто боялась.

Он прервал поцелуй, его губы замерли на моей шее. Затем медленно, словно смещались тектонические плиты, он поднял голову. Гаррик уставился на меня, глядя внутрь меня, сквозь меня. Я подавила свой порыв спрятать лицо, убежать с криками или придумать нелепые извинения, привлекая к этому новые виды животных. Я прошептала:

— Этим молчанием ты мог бы свести девушку с ума.

Он отреагировал, едва заметно, слегка сведя брови вместе.

— Позволь мне уточнить... у тебя не было кошки? Ты достала ее лишь для того, чтобы не пришлось мне говорить, что ты девственница?

Я сжала губы, чтобы они не дрожали, и кивнула. Выражение его лица граничило между потрясением и весельем. Он был изумлен. Самое точное слово. Его чувство юмора каталось по полу от смеха, а разум застыл от потрясения.

— Ты сказал, что любишь мое безумие, — напомнила я ему.

— Люблю. Я люблю тебя. Это просто... честно? Это такое облегчение.

— Облегчение, что я девственница? А ты думал, что я распутница?

— Я никогда не думал, что ты распутница. — Уместно ли сказать, что то, как он произносил слово «распутница», казалось мне восхитительным? — Но я знал, что ты что-то скрываешь. Я волновался, что была какая-то другая причина, почему ты не хотела быть со мной. В течение нескольких месяцев я ходил из-за этого с ума.

— Сходил с ума? Я слышала тот твой телефонный разговор, когда ты сказал, что со мной много трудностей. Ты планировал сменить работу из-за меня. Я цепенела от ужаса при мысли, что, если задержу на тебе взгляд или выдам себя, как скучаю по тебе, ты соберешься и уедешь.

— О чем ты говоришь? Я никогда не планировал уехать.

— Я слышала тебя. В тот день, когда пришла к тебе в кабинет. Ты говорил по телефону с кем-то из Филадельфии и сказал, что покончил с этим, и что я доставляю тебе много трудностей.

Он поднес руку к моим губам.

— Блсс, вот теперь я прерву твою безумную речь. При том, что наше положение можно назвать каким угодно, кроме простого, ты сама никогда не доставляла мне трудностей. И даже если бы меня уволили, я не оставил бы тебя. Я был слишком влюблен в тебя.

Я подавила желание исправить прошедшее время в его фразе. Он влюблен в меня. Он любит меня. Боже, это так хорошо. Настолько хорошо, что я могла бы вытатуировать это где-нибудь на своем теле.

Он выдохнул, и тонкие пряди светлых волос над его лбом заколыхались в ответ.

— На самом деле, телефонный разговор был кое о чем, что случилось еще до того, как я уехал из Филадельфии. Это одна из причин, почему я покинул Филадельфию.

Я вспомнила тот далекий день, когда спросила, почему он покинул Филадельфию, и он весьма успешно сменил тему поцелуем. Тогда я не придавала этому значения. Может, если бы была внимательнее, то все пошло бы по-другому. Гаррик отстранился от меня, снова улегшись на бок рядом со мной. Он едва взглянул на меня, произнеся:

— У меня была подруга, Дженна. Наши отношения были очень похожи на ваши отношения с Кейдом. Мы стали друзьями еще в аспирантуре, и, хотя я знал, что это плохая идея, но мы пытались сделать нашу дружбу чем-то большим. Я заботился о ней, но как друг, не более. Когда я решил прекратить наши отношения... в общем, это была катастрофа. Мы вместе работали над постановкой. Мы много работали в одних и тех же театрах, и, как на первых репетициях «Федры», разрушали все, что делали вместе. В результате у меня возникли проблемы с поиском работы, и большинство наших друзей приняла сторону Джен, поэтому, когда Эрик предложил мне выход, я сбежал. Вначале мне было так стыдно. Я ушел. Я сдался. И при этом я потерял хорошего друга. Телефонный разговор, который ты слышала, был о Джен. Вот с чем я покончил. И именно поэтому я набросился на вас с Кейдом. Я был в ужасе, что ты уйдешь к нему, хотя знал, что вы просто друзья. Я испугался, что ты совершишь ту же ошибку что и я. Мне очень жаль. У меня совсем не получилось с этим справиться. Может, если бы я ответил тебе, когда ты спрашивала, ты бы поняла...

Теперь настала моя очередь остановить его поцелуем. Я повернулась на бок и притянула его к себе. В этот поцелуй я вложила каждую неуместную эмоцию: мою неуверенность в его чувствах, страх из-за моей девственности, угрызения совести за все то время, что мы потратили впустую. Я позволила всему этому исчезнуть с поцелуем.

— Теперь я понимаю, — сказала я ему. — И это то, что имеет значение.

— Я люблю тебя, — ответил он.

Я никогда не устану от этих слов.

— Я тоже тебя люблю.

Тогда он попросил:

— Можешь повторить это еще раз? Чтобы я мог убедиться, что это не игра моего воспаленного воображения.

Я нежно поцеловала его. В нашем нынешнем состоянии мы могли позволить себе только нежность.

— Я люблю тебя, Гаррик.

Было поразительно, насколько эти слова меня больше не пугали. Больше нет.

Золотое ожерелье у меня на шее выглядело массивным и тяжелым. Прическа была уложена завитками и украшена драгоценностями, и, несмотря на свободный покрой и простоту платья, оно было тяжелым и пышным. Я сидела в гримерной, уставившись в зеркало, пока гримерша вносила последние штрихи в мою прическу, а я завершала нанесение грима. Сегодня вечер премьеры, и, несмотря на тяжелый костюм и украшения, я чувствовала себя так, будто уплывала.

Возбуждение разливалось быстрее, чем кровь текла по венам.

Мы здесь. Наконец. Премьера была отложена на неделю из-за распространившейся эпидемии, но, даже несмотря на это, я считала спектакль хорошим. Действительно хорошим. И в этом я была не одинока.

В комнату ворвалась Келси, чертовски прекрасная в образе Афродиты.

— Знаю, знаю. Не нужно так паяться. Я знаю, как потрясающе выгляжу.

Я улыбнулась, просто обрадовавшись ее возвращению. Она единственная из моих близких друзей, кто избежала злосчастного мононуклеоза, что было невероятно жестоко, так как идея поиграть в бутылочку принадлежала именно ей.

Ко мне она заявила в последний день весенних каникул с требованием «*хватит быть жеманными девицами и давай уже помиримся*», обнаружив меня с Гарриком, свернувшихся калачиком в постели. Она довольно быстро сообразила, что к чему и почему в ту ночь я не хотела идти танцевать, и с широкой ухмылкой попятилась из комнаты, говоря при этом:

— Не обращайтесь на меня внимания. Я ничего не видела. Мой рот на замке.

Сначала Гаррик сильно тревожился, но с того момента Келси, определенно, стала нашим союзником.

Она улыбнулась гримерше Меган, заканчивавшей мою прическу, и восхитилась:

— Выглядит здорово, Мэг! Ты супер! Кажется, ты была нужна для чего-то Алисе, так что ты, возможно, захочешь закончить побыстрее.

Меган кивнула, распылив на конечный результат своих трудов полфлакона лака для волос, а потом выскочила из гримерки.

Келси плюхнулась в кресло рядом со мной.

— Не за что. Во-первых, ты выглядишь великолепно. Я немного завидую. Разве у Афродиты платье не должно быть лучше?

Я закатила глаза.

— Ладно, все в порядке. Не важно. Во-вторых, сегодня ты будешь блистать. Серьезно. Буквально надерешь всем задницы. И, в-третьих, ни пуха ни пера.

Келси наклонилась и лизнула меня в щеку — некая странная традиция перед спектаклем, которую она соблюдала все то время, что я была с ней знакома.

— И последнее, снаружи еще кое-кто ждет, чтобы пожелать тебе удачи. У тебя есть пять минут до разминки. Я могу обещать вам уединение на три минуты, так что лучше пользуйся, пока есть возможность.

Она послала мне воздушный поцелуй в щеку, подскочила к двери и закрыла ее за собой, как только Гаррик проскользнул внутрь.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Он прошел дальше в комнату, а я встала. Наблюдать себя в дюжине зеркал по всей комнате

было странно, так что я сосредоточилась на нем, что было не трудно. Он, как всегда, выглядел великолепно.

— Ты выглядишь...

Он замолчал, дотрагиваясь до моего искусно сшитого костюма темно-синего цвета.

— Если ты скажешь «мило», я сдеру тебя покусаяю.

Он улыбнулся и притянул меня к себе. Осторожно, чтобы не смазать макияж, он поцеловал меня в шею, затем опустился ниже и запечатлел поцелуй над самым сердцем, чуть выше линии декольте у платья. Я вцепилась ему в плечи, почувствовав головокружение от его прикосновения.

Он продолжил:

— Я собирался сказать, что ты выглядишь невероятно сексуально. Рад, что ты не моя мачеха.

Я рассмеялась.

— Не уверена, что быть твоей студенткой намного лучше.

Он провел губами по моей шее и приблизил свое лицо к моему. Его голубые глаза практически соответствовали цвету моего платья, став темными и порочными.

— Один месяц, — сказал он.

У нас оставался месяц до того, как он перестанет быть моим учителем, а я — студенткой колледжа. Один месяц, прежде чем не будет иметь значения, что мы чувствуем, и кто об этом знает. Месяц до того, как мы планировали заняться любовью.

Этот план казался разумным, когда мы, больные, отсиживались у меня в квартире. Он дал мне необходимое время, чтобы унять свою тревогу, и имел смысл, так как позволял нам избежать неприятностей. Но чем больше Гаррик смотрел на меня так, как сейчас, и любил меня, тем меньше меня волновало ожидание.

— Жаль, что я не могу поцеловать тебя по-настоящему, — произнес он, печально глядя на мои губы, полные и красные, благодаря слою грима.

— Сегодня вечером, — сказала я ему. — После вечеринки. У меня дома?

Он подался вперед, и в последнюю секунду, отклонившись от моих губ, поцеловал в то место за ухом, отчего, как он знал, у меня подгибались ноги.

— Это будет не скоро. «Горю неистовой любовью», — процитировал он одну из моих реплик из спектакля. И это напомнило мне о том, что наше время, возможно, истекало.

— Тебе, наверно, лучше уйти, пока никто не вернулся. Поблагодаришь Келси на обратном пути?

— О, обязательно. Самое лучшее, что когда-либо случилось со мной... это то, что эта девушка узнала про нас.

Я повернулась к зеркалу, убедившись, что макияж и прическа все еще выглядели идеально.

— Я сделаю вид, что не слышала, как ты только что сказал, что моя лучшая подруга — лучшее, что с тобой когда-либо случилось.

Несмотря на то, что ему нужно было уходить, он кинулся ко мне и заключил в объятия, обняв сзади. Поцеловав мою шею в последний раз, он сказал:

— Я люблю тебя.

Я взглянула на него в зеркало. Мы хорошо смотрелись вместе: он — в костюме, я — в изысканной греческой тоге. Все это еще казалось невероятным, то, что с нами происходило.

— Я тоже тебя люблю, — ответила я.

После того, как он ушел, я продолжала смотреть в зеркало, думая о том, что выгляжу по-другому. Не из-за костюма, прически, макияжа, а я сама. Я выглядела... счастливой.

Я услышала, как Алиса позвала всех на разминку, и сделала глубокий вдох, пытаюсь

успокоить бешено колотящееся сердце.

Сегодня был важный день.

Наш первый показ «Федры».

Последняя в моей жизни премьера здесь.

И если захочу, то ночь, когда я потеряю девственность.

В театре бывают моменты, когда все складывается именно так, как должно быть. Идеальные костюмы и декорации, восхищенная и благодарная публика, непринужденная игра.

Сегодня был один из таких вечеров.

Все актеры были в ударе.

А я... за эти два часа на сцене я прожила другую жизнь. Я пережила стыд. Знакомое мне чувство. Я ощутила надежду, когда пришла весть о смерти моего мужа. Мне пригрезилось, что, может быть... может быть, Ипполит мог быть моим. Я ощутила ужас, когда мои чувства оказались не взаимными, и когда узнала, что мой муж все-таки жив. Я испытала боль раскаяния, когда Ипполита убили из-за моих ложных обвинений. И, наконец, я почувствовала облегчение и избавление от своих преступлений и практически ощутила яд, который приняла Федра, растекающийся по крови, достигающий моего сердца. Лишь после того, как я рухнула на пол, Тесей произнес свои последние слова, и погасли огни, я смогла действительно выйти из роли.

Из темноты раздались аплодисменты, и у меня перехватило дыхание. Я боролась с подступающими слезами после того, как пережила нечто, настолько совершенное и мощное, каким и был этот спектакль. Это было именно то, чем был театр — своего рода переживанием. Мы никогда не смогли бы снова воссоздать это. Только люди, собравшиеся здесь сегодня вечером, могли знать, каким он был.

Театр может быть только раз в жизни... всегда.

Казалось, будто сошлись звезды, потому что внезапно так много вещей в моей жизни стали очевидными. То, что до сих пор ускользало от меня, встало на свои места. Все обрело смысл, и я не могла дожидаться, чтобы увидеть Гаррика. Когда мы покинули сцену после финального поклона, за кулисами все зашумели. В коридоре, между дверью на сцену и гримерками, выстроились друзья и семьи. Эрик тоже там был, улыбающийся нам и гордый за поставленный спектакль. Я первой обняла его, благодарная за то, что он дал мне этот шанс и что в ту первую неделю, когда я отвратительно справлялась, не выгнал меня.

— Лучшая работа, которую я когда-либо видел у тебя, Блисс. Ты должна гордиться.

Я гордилась, Боже, я гордилась. У меня на лице расплылась улыбка.

Позади него стоял Гаррик, и, хотя это было рискованно, я обняла и его тоже. Он удерживал меня не долго, достаточно для того, чтобы лишь прошептать мне на ухо: «Превосходно».

А потом я слилась с толпой.

Я была скользкой от пота, а платье казалось таким тяжелым, словно на мне висел другой человек, но я наслаждалась изливавшимися на меня объятиями и поздравлениями.

А когда вернулась в гримерную...

Я танцевала.

Мы все танцевали. Келси врубил свой Айпод, и мы праздновали, стягивая костюмы слой за слоем. Наша гримерная была заполнена цветами, которые своим ароматом перебивали запах пота. Убрав костюмы и надев свою одежду, сняв грим и нанеся обычный макияж, мы решили перенести вечеринку в другое место. Мы направлялись в «СайдБар» — единственный бар недалеко от кампуса, куда допускались те, кому еще нет двадцати одного. А это было

обязательным условием, когда собирался весь актерский состав.

Выйдя из гримерной, я удивилась, обнаружив ждущего за дверью Кейда. Он подошел ко мне.

— Эй, можно я поеду с тобой в «СайдБар»?

Это было удивительно, но, безусловно, приятно.

— Было бы здорово, но я планировала уехать пораньше. Сильно устала, — ответила я ему.

— Ох, — он кивнул головой. — Ну, тогда ты не возражаешь, если я доеду с тобой, а потом найду кого-нибудь другого, чтобы добраться до дома?

— Конечно, без проблем.

К машине мы шли молча, и я позвякивала ключами, чтобы заполнить тишину звуком. Заведя мотор, я тут же убавила громкость радио.

— Ну, как дела, Кейд?

Он возился с ремнем безопасности. Нервничая. Кейд не ответил на мой вопрос, а вместо этого спросил:

— Как дела с Гарриком?

Нахмурившись, я выехала со стоянки, краем глаза наблюдая за ним.

— А что?

— Извини. Разве это странно? Я не хотел, чтобы это выглядело странным, я просто пытался быть дружелюбным.

Казалось, ему было неловко. И как мы докатились до такого?

— Это не странно, Кейд. Прости. Я просто... немного осторожничаю, вот и все, — объяснила я. — Вообще-то, все отлично.

Он кивнул.

— Хорошо. Это хорошо.

Проведя столько времени с Гарриком, я и забыла, каково это иметь дело с парнями, которые просто не говорят того, что думают.

— Просто скажи, о чем ты хочешь поговорить, Кейд. Что бы это ни было, все нормально.

Он сделал глубокий вдох. Он все еще нервничал, но уже не юлил.

— У меня есть вопрос, но уверен, что лезу не в свое дело. Просто не хочу переходить черту.

— Кейд, я знаю, что все было довольно сложно. Но я по-прежнему считаю тебя одним из своих лучших друзей. Я хочу, чтобы ты снова был одним из моих лучших друзей. Спрашивай, о чем угодно.

— После выпуска вы останетесь вместе?

Я инстинктивно выпалила:

— Да.

Хотя мы, по сути, и не говорили об этом, не так прямо. Конечно, всей этой историей в «один месяц» мы подразумевали, что так и будет, но по-настоящему все-таки не обсуждали.

— Вы останетесь здесь? Или переедете в Филадельфию? Или еще куда-нибудь?

Я въехала на стоянку, пользуясь возможностью поиска свободного места, чтобы собраться с мыслями. Такого разговора у нас точно не было, как бы много я об этом ни думала.

— А почему ты спрашиваешь?

Он взъерошил волосы, и я подавила желание сказать: «Выкладывай уже!».

— В общем... несколько месяцев назад я подал заявление в аспирантуру до... ну... до всего этого. И я, на самом деле, не думал, что получится, но я прошел. И теперь думаю, что, возможно, мне там понравится.

— В самом деле? Как здорово, Кейд!

— Это Темпльский университет, в Филадельфии.

— Ох. Там учился Гаррик.

— Я просто не был уверен, не собираетесь ли вы вдвоем в Филадельфию и не посчитаете ли это странным, если там буду и я. А если нет, то я подумал, что мы могли бы все же... ну, знаешь, тусоваться вместе. Если Гаррик не против.

У меня в голове стала вырисовываться картина того, как могло бы все получиться. И это было здорово.

— Не знаю, будем ли мы в Филадельфии или нет. Но если мы... нет, это не будет странным. И да, мы будем тусоваться. А Гаррика это может устраивать или нет, но не он решает, что мне делать. Я серьезно насчет того, что сказала, Кейд. Я действительно хочу, чтобы мы снова стали друзьями.

Наконец, расслабившись в кресле, он улыбнулся.

— Я тоже.

Кейд был не единственным, кто думал о будущем. В «СайдБаре» мы все вместе отмечали, пили и ели, но вскоре обычные разговоры переросли в более душевные. Мы делились воспоминаниями о наших первых выступлениях, о совместных занятиях, об ужасно сыгранных ролях. Расти предложил снова устроить вечеринку с игрой в бутылочку, за что его забросали салфетками и бумажками и даже горячими роллами.

Как и в театре, в жизни случаются такие моменты, когда звезды благоволят тебе, и ты находишься именно там, с отличными людьми, где и должен быть, делая именно то, что хочешь делать.

Покинуть колледж казалось невыносимым.

Я никогда не была так счастлива, как за эти четыре года, проведенные здесь. Я обвела взглядом ребят, сидящих за столом, которые смеялись и кричали (да, мы могли общаться только на запредельной громкости). Эти ребята стали моей семьей. Они понимали меня и знали, как никто другой.

Я не могла представить свою жизнь без них.

— Ой-ой! Слезы, тревога! — воскликнула Келси. — Блисс становится сентиментальной!

Я вытерла глаза, и, к моему стыду, она была права.

— Заткнись! Просто я люблю вас, ребята, понятно?

Меня обняла рука Келси, затем Расти, потом Кейда, а потом я уже сбилась со счета.

— Хватит вести себя так, словно впереди нас не ждет еще целый месяц вместе. Не знаю, как вы, ребята, но у меня гигантский список того, что еще нужно успеть сделать в колледже, и вы должны мне помочь его выполнить. Начнем с того, что хорошенько наберемся в последний вечер премьеры. Так что, поехали, — произнес Расти.

Я ела и пила, слушая различные истории и разговоры вокруг себя и выпитывая их. Жизнь была хороша, и я могла сделать ее даже лучше.

Когда ужин подошел к концу, попрощаться оказалось сложнее, чем я предполагала. Вовсе не из-за того, что я собиралась сделать этой ночью, нет, насчет этого я была совершенно уверена, а потому, что не хотела покинуть своих друзей. Смешно — заранее скучать по людям, которых ты еще не покидаешь, но именно это я и чувствовала сейчас.

Всю дорогу домой меня не покидало легкое чувство грусти. Но оно постепенно исчезало по мере того, как я приближалась к дому. Я не отправила Гаррику сообщение о том, что уже в пути, как обещала, так как мне нужно было немного времени, чтобы подготовиться.

Я быстро приняла душ и оставила волосы сушиться распущенными, чтобы они завились, потому что Гаррику это нравилось. Это напомнило мне о той ночи в клубе, и от одного лишь воспоминания мое сердце забилось быстрее.

В глубине шкафа я отыскала пакет «Виктория Сикрет», в котором хранилось белье, купленное специально для этой ночи. Я натянула его, пытаясь снова представить мысли Гаррика при виде меня.

Глядя в зеркало, я почувствовал себя сексуальной, как он всегда и говорил мне. Я снова надела платье, не желая пока расставаться с впечатлениями от спектакля, прибралась в комнате, убедилась, что в тумбочке есть презервативы, и села на кровать.

Я собиралась сделать это.

Я действительно собиралась сделать это.

Я собиралась заняться сексом с Гарриком... сегодня ночью.

У меня в груди что-то закипело. Сначала я подумала, что это все нервы, но потом узнала его. Это было то же чувство, что я ощутила, когда впервые узнала, что выбрана на роль Федры, а затем снова, когда спектакль прошел удачно. Это было нечто большее, чем волнение, гораздо лучше.

Поскольку я могла, то вскочила на кровать и подпрыгнула. Это оказалось приятно, поэтому я сделала это снова. Я взмахнула руками, так как это казалось правильным, а потом, закрыв лицо руками, издала самый тихий крик, какой могла.

— Что ты делаешь?

У края моей постели стоял Гаррик, у него на лице расплылась веселая ухмылка. Я пискнула и плюхнулась обратно на кровать.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я.

— Увидел на улице твою машину, поэтому решил зайти. Не думал, что ты уже начала вечеринку без меня. Я так понимаю, это означает твою радость по поводу того, как сегодня вечером прошел спектакль?

Я спрыгнула с кровати, как можно изящнее (то есть абсолютно никакой грациозности). Я должна была предвидеть что-то подобное. Казалось, что я была не в состоянии находиться с Гарриком в интимном положении, не сделав что-нибудь в высшей степени смущающее. По крайней мере, на этот раз все произошло в самом начале.

— Спектакль был отличным, но я рада оказаться дома.

Я положила руку ему на грудь, и он сжал меня в объятиях.

— Ты была великолепна сегодня и теперь в полном моем распоряжении.

Я совершенно не думала о том, как лучше затронуть тему того, что хотела сделать сегодня. Я подумала о нижнем белье, презервативах и возможной боли, но не очень-то о разговоре, вроде: «Эй, я готова заняться сексом».

То есть, он же мужчина, поэтому я очень сомневалась, что ему будет важно, как я скажу ему это, но все же... Мне хотелось, чтобы все было правильно.

— Как прошло празднование? — поинтересовался он.

— Хорошо, очень хорошо. Я буду скучать по ним всем, когда мы выпустимся. Немного безумно думать, что это произойдет уже через месяц.

— Один месяц.

Он улыбнулся и наклонился ко мне для поцелуя.

Думаю, он рассчитывал на быстрый поцелуй, но в этом вопросе я просто не дала ему выбора. Я обвила его шею руками, чтобы удержать его голову на уровне моего лица, и решительно прижалась губами к его губам. Он тихонько промурлыкал, и мои губы затрепетали.

Его руки обвили меня кольцом вокруг меня, но мне хотелось гораздо большего. Я хотела, чтобы он трогал меня везде.

Когда он слишком увлекся объятиями, я приоткрыла рот и обвела языком контур его губ. Он позволил мне проникнуть внутрь, и вкус его, как всегда, был потрясающим. С каждым прикосновением его языка к моему я чувствовала все большую уверенность.

Я провела руками вниз по его шее и скользнула ладонью под рубашку, прижимая кончики пальцев к его спине. Его же руки по-прежнему оставались в безопасных местах, на моих ребрах и шее, но я чувствовала, как они подрагивают и напрягаются от моих прикосновений к его коже.

Он продолжал целовать меня... медленно, безопасно.

Я запустила под рубашку другую руку, проведя ладонью по кубикам его пресса, вверх до груди. Я надеялась, что он поймет намек и переместит свою собственную руку соответственно.

Но он этого не сделал.

Расстроенная я слегка подтолкнула его к постели, пока та не уперлась ему в колени, а

потом толкнула его. Он опустился на кровать, и я, не теряя времени, забралась к нему на колени, прижавшись к нему так же, как в ту первую ночь, когда мы чуть не занялись сексом.

— Блосс, — прошептал он. Это прозвучало почти как предупреждение, но не совсем.

Вероятно, мне следовало сказать ему, чего мне хотелось, но то, как он целовал меня или, вернее, как не целовал, вызывало во мне неуверенность и отчаяние. Он все еще хотел меня. Так я себе говорила. И верила в это. По большей части. Мне просто требовалось небольшое подтверждение.

Я слегка отстранилась в ожидании, когда он откроет глаза и посмотрит на меня. Его взгляд, встретившийся с моим, был все еще слишком ясным и сосредоточенным. Я опустила руки и взялась за подол своего платья. Из его горла вырвался стон, когда я потянула платье вверх, но не остановилась, пока не стянула его через голову. Он упорно смотрел мне в глаза, но когда я подалась вперед, слегка задев его грудь своей, он опустил взгляд ниже.

Его вздох был именно таким, как я рассчитывала.

Черный бюстгальтер без бретелек сидел очень тесно, вероятно, создавая, самую лучшую ложбинку между грудей, какая у меня когда-либо была или будет. А трусики, ну, их едва ли можно было так назвать.

— Блосс, — на этот раз в его голосе определенно прозвучало предупреждение. — Ты переоцениваешь мой самоконтроль.

— О, я уверена, что оценила твой контроль в полной мере.

Я склонялась над ним до тех пор, пока не прижалась вплотную к его бедрам. Мои губы нависли над его ртом в ожидании ответного поцелуя. Хватит с меня инициативы, теперь его очередь наступать.

Как всегда, одного только ожидания было достаточно, чтобы заставить меня изнывать. Его взгляд метался между моими глазами и ртом, и так как на мне было только белье, его руки все равно касались моей кожи, независимо от того, где находились. Одной он поглаживал мою поясницу, а другой сжимал волосы. Я потерлась об него бедрами, и его рука в моих волосах сжалась сильнее.

— Блосс. — Его голос прозвучал хрипло, будто был полон боли. Я улыбнулась. Это было забавно.

— Гаррик, — ответила я, широко распахнув глаза и сделав невинный взгляд, на который только была способна.

— Это полная противоположность слову «не торопиться».

Я выдохнула, немного подаваясь вперед так, чтобы моя нижняя губа слегка задела его. Я терлась об него так медленно, как только могла.

— Думаю, мы уже достаточно долго не торопились.

Рука на спине притянула меня ближе, пока моя грудь не прижалась к его. На нем все еще была рубашка. Как бы мне хотелось, чтобы она исчезла.

— Что это значит?

Ах, этот взгляд, который мне так нравился — темный, немного рассредоточенный.

— Это значит, — сказала я, когда мои руки нашли низ его рубашки, — что я больше не хочу не торопиться.

Я потянула рубашку вверх, и его руки машинально поднялись, позволив мне снять её, а потом вернулись в прежнее положение. Мы прижались грудью друг к другу, скользнув кожей по коже, и он застонал.

— Я хочу, чтобы ты была полностью уверена в том, что говоришь, Блосс, — произнес он.

Ладно, пришло время просто сказать это. И никаких больше эвфемизмов, вроде: «зверя с двумя спинами», «горизонтального танго» или чего-то такого же нелепого. Секс. Если я

действительно хочу сделать это, то должна, черт возьми, сказать это вслух. Я наклонилась и для храбрости поцеловала его. К черту его наступление. Это заняло слишком много времени. Когда я отстранилась, его губы попытались последовать за мной. Я успокоила его еще одним быстрым поцелуем и произнесла:

— Займись со мной любовью?

Он весь напрягся: его руки на мне, его потрясающее лицо и его тело подо мной.

— Блсс, ты не должна делать то, чего не хочешь, ради меня.

— Что в сегодняшнем вечере натолкнуло тебя на мысль, что ты принуждаешь меня что-то делать? Такое чувство, будто это я принуждаю тебя.

Его губы стремительно накрыли мои — зубы и языки, все слилось, и разлился жар. Этого хватило для того, чтобы я задрожала от желания, а потом все прекратилось.

Гаррик, тяжело дыша, ответил:

— Ты не заставляешь меня. Просто я хочу, чтобы ты была уверена. Ты можешь остановить меня в любое время. — Он улыбнулся. — И тебе не нужно для этого заводить нового питомца.

Эта ухмылка... она была такой яростной и в то же время сексуальной.

Я положила руки ему на плечи и, вставая, оттолкнула.

— Если ты продолжишь и дальше меня отговаривать от этого...

Не успела я и шага сделать, как он сгреб меня в охапку и повалил на кровать. Воздух резко покинул мои легкие, а при виде нависшего надо мной Гаррика в низу живота разлился жар.

— Я и не пытался отговорить тебя. Я лишь стараюсь быть джентльменом.

Ха. Он и в первую ночь нашего знакомства пытался проделать этот трюк с джентльменством. Он по-прежнему нависал надо мной, и я, просунув пальцы в шлевки на джинсах, потянула его на себя.

— Сделай одолжение, побудь джентльменом завтра.

Уверена, что он ответил: «Слушаюсь, мадам», но вот он уже целовал меня, и мне стало все равно.

Он целовал меня страстно и так долго, что его вкус я ощущала у себя во рту четче, чем свой. Я впиалась ногтями ему в плечи, потому что заметила, что каждый раз, когда так делала, он сильнее прижимался ко мне бедрами.

Если он не будет осторожен, то скоро я расцарапаю его до крови.

Его руки ласкали меня со всех сторон, вызывая мурашки по всему телу, когда он касался самых чувствительных мест. В конце концов, одна его рука переместилась мне на спину, стараясь добраться до застёжки бюстгалтера.

Его губы оставили мои, чтобы припасть к изгибу моей шеи. Его подбородок, скользя к затылку, еще раз слегка задел мою грудь.

Я выгнулась ему навстречу в тот же самый момент, когда застёжка бюстгалтера оказалась расстегнута. От холодного воздуха мои соски тут же затвердели, превратившись в маленькие бутоны, и мне до боли хотелось, чтобы он дотронулся до меня. Однажды он сказал, что мы могли бы принадлежать друг другу, и в этот момент я большего и не желала. Гаррик поцеловал меня между грудей, его щеки слегка потерлись об ее изгибы. Я снова впиалась в его кожу ногтями, и его бедра тотчас же прижались ко мне, когда он ладонью накрыл одну грудь, а другую взял в рот. У меня под кожей что-то вспыхнуло, и я застонала, в ответ подавшись к нему навстречу.

Один сосок он сжал пальцами, а другой слегка прикусил зубами, и мой разум затуманился.

С моих губ срывались слова, одни приличные, другие — нет. Последнее, что я произнесла, — это «Я люблю тебя».

Он приподнялся и сказал с усмешкой:

— Если бы я знал, как легко заставить тебя признаться в своих чувствах, то давно бы уже сделал это.

Мой мозг был не способен отвечать словами. Вместо этого я нащупала ремень, расстегнула его, а потом кнопку на джинсах.

Дерзкая улыбка Гаррика тут же исчезла.

Медленно я потянула за молнию, и один только этот звук заставил меня простонать. Вместе я стала спускать его джинсы и боксеры. Когда он поднялся, чтобы полностью их снять, я улучила момент стянуть и свои трусики, а также захватить из ящичка презерватив.

Когда он поднял глаза, то на секунду потрясенно замер, будто только сейчас поняв, насколько серьезно я была настроена. Он моментально опомнился и поцелуем впился в мои губы.

— Ты же ведь знаешь, что я тебя люблю?

— Да, — ответила я. Не думаю, что если бы не знала, то смогла бы это сделать. Это именно то, что мне было нужно. Благодаря этому исчез мой страх и нервозность.

Он снова поцеловал мои губы, и его пальцы нашли вход в меня. Он скользнул двумя пальцами внутрь, и в то же время наши языки встретились. Начал он медленно, но потом его поцелуи стали стремительнее, как и его пальцы. Я сжала его плечи, слегка царапнув ногтями, и в ответ он чуть согнул пальцы внутри меня.

Прерывая поцелуй, я застонала.

Его губы снова вернулись к моей груди, покрывая кожу легкими, как перышко поцелуями везде, где он мог дотянуться. Я почувствовала возрастающее внутри меня давление и притянула его голову к своему лицу. Он прижался своим лбом к моему, наши губы соприкасались, но не

целовали друг друга, а потом его ладонь внизу вжалась в меня, и у меня под кожей загорелось пламя. Как искры фейерверка мой мир взорвался всплшками света и цвета.

За закрытыми глазами мир соединялся воедино и распадался на кусочки, а мой рот по-прежнему был открыт в немом крике. Я ощутила его поцелуй возле уха и потянулась к Гаррику, обхватывая руками за талию.

Он всем телом прижался ко мне, и в ответ мое тело затрепетало.

— Ты уверена? — снова спросил он.

Мой мозг не знал, как в данной ситуации сохранять спокойствие, поэтому я лишь прошептала:

— Боже, да.

За этим последовало некоторое сдавливающее ощущение, неприятное, но все мое остальное тело было слишком расслаблено, чтобы много думать о боли. Войдя внутрь, он поцеловал меня, а потом поцелуй прервал стон:

— О, Боже, Блосс.

Все его тело надо мной напряглось. Я видела выступающие очертания его натянутых мышц в плечах, руках, обнимающих меня с обеих сторон. Я чувствовала их в теплой груди, прижавшейся к моей. Я отвлекала себя от боли, исследуя взглядом и руками эти изгибы.

Спустя несколько мгновений он глубоко вздохнул и посмотрел на меня. Сначала он успокаивал меня своими губами, а потом шепча слова «любимая», «красавица» и «идеальная».

Оказавшись внутри меня, впиваясь своими губами в мои, он совсем перестал двигаться. Мои конечности были похожи на желе, поэтому я просто завернулась в него, удерживая его, как можно, крепче.

Он вышел, совсем немного, прежде чем вернуться обратно.

Я резко выдохнула, закусив губу от мучительного приступа боли.

Губы Гаррика поймали мою нижнюю губу, зажав ее своими, успокаивающими, осторожными.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула, не уверенная, что могла говорить.

— Хочешь, чтобы я остановился?

Я покачала головой. Я совсем не этого хотела, и желала, чтобы он почувствовал то же самое, что и я до этого. Мне хотелось держать его до тех пор, пока он не распадется в моих объятиях.

Он повторил действие, и на этот раз я ощутила скорее дискомфорт, чем боль.

— Продолжай, — прошептала я.

Гаррик прижался к ямке на моей шее, проводя губами в том месте, где бился пульс, и снова двигаясь во мне. В следующий раз я уже сама смогла приподнять бедра ему навстречу. Ответом мне был его стон, который я прочувствовала всем своим телом до кончиков пальцев.

Его губы запоминали кожу моей шеи и плеч, когда мы усилили наш темп. Внутри меня что-то проталкивалось вперед, а потом тянуло назад, и каждый раз, когда наша кожа соприкасалась, я чувствовала, как слегка возрастало давление. Его ладонь накрыла мою грудь, и я ощутила разлившееся вниз от талии удовольствие к тому месту, где встречались наши тела.

Я обхватила ногами его за бедра и притянула глубже в себя. На мгновение его темп замер, он закрыл глаза и был таким красивым, когда попытался удержать себя в руках.

Весь мой мир расширился в кольце его рук.

Через мгновение он снова начал двигаться и на этот раз протянул руку между нами. Позже я буду беспокоиться о том, когда он смог стать в этом настолько хорош, а сейчас была слишком занята тем, что пожинала плоды. Я была так близка, и каждый мускул во мне сильно сжался.

Последний раз я впиалась ногтями в его плечо, моя новая любимая шалость, и его бедра резко качнулись вперед.

— Блсс, — выдавил он.

Я лишь сильнее сжала ноги вокруг него и приподняла свои бедра. Он опустил голову к моей шее, его горячее дыхание обжигало мне кожу. Он снова пронзил меня так сильно, что все мое тело изогнулось, и по нему так быстро разлилось удовольствие, что у меня перед глазами заплясали круги. Его тело замерло внутри меня, лицо по-прежнему прижато к шее, а руки обнимают меня. Я подняла его голову к себе, наблюдая за тем, как глаза его сжались, а губы раскрылись, и все его тело надо мной сотрясла дрожь.

Когда он открыл глаза, они все еще оставались темными, но были сосредоточены на мне. Он прижался в поцелуе к моему лбу, затем к каждой щеке и, наконец, к губам.

— Я люблю тебя, — произнесли мы в один голос.

Гаррик выскользнул из меня, и я тут же потянулась за ним, уже скучая по нему и тому, как мы подходили друг другу. Он устроился возле меня и сгреб в свои объятия. Я положила голову ему на грудь, где слушала стук его сердца. Он был таким же быстрым, как и у меня. Он переплел наши пальцы и прижался щекой к волосам на макушке.

Это было прекрасно.

Весь сегодняшний день был полон прекрасных моментов.

И я не была уверена, что то, что я скажу дальше, улучшит ситуацию или все разрушит, но узнала, что с Гарриком лучше слишком много не думать. Когда мое дыхание успокоилось, я сказала:

— Я подыскивала квартиру в Филадельфии.

— Серьезно?

Я кивнула, все еще не понимая, что он подумал.

— Знаю, что мы еще не говорили об этом, — начала я. — Но я долго думала и пришла к выводу, что хочу сосредоточиться на актерской карьере, а не на режиссуре. И поскольку я не могу себе позволить Нью-Йорк, Филадельфия кажется очень хорошим местом. То есть, я окончательно все еще не решила, пока только подыскивала варианты. Ну, знаешь, просмотрела некоторые театры, предстоящие прослушивания, квартиры, дневную работу и тому подобное. Но если ты не считаешь это хорошей идеей, то мне не обязательно...

— Остановись, болтушка.

Это было ужасной идеей. Я только что разрушила прекрасный момент... как и всегда. Серьезно, мне нужно создать какую-нибудь машину, чтобы та трясла меня или била по лицу, когда я проделывала бы очередную дурацкую выходку. Это бы выработало у меня условный рефлекс, и, может, в конце концов, я бы научилась затыкаться. Его рука нашла мой подбородок и приблизила мое лицо к своему. Большой палец коснулся моих губ, а глаза посмотрели в мои.

— Думаю, что тебе понравится Филадельфия, — сказал он мне. Свет снова засиял в форме его улыбки, и я расслабилась в его объятиях. — Но не беспокойся о поиске квартиры. Ты можешь остаться со мной, пока будешь искать что-то подходящее.

Его лицо было совершенным: гладкие линии, в закрытых губах притаился намек на улыбку. Сглотнув подступивший к горлу ком, я спросила:

— Правда?

— А если ты не найдешь жилья по вкусу, то можешь навсегда остаться жить у меня.

Я приподнялась и убрала его волосы назад, чтобы видеть глаза.

— Ты просишь меня переехать к тебе? У меня нет слов. Обычно ты более прямолинеен.

Он улыбнулся.

— Я пытался попросить тебя переехать ко мне, стараясь не испугать тебя. У меня

получилось?

— А я и не боюсь, — ответила я.

И имела в виду именно это.

Шесть месяцев спустя

Гаррик

Во время сцены мой взгляд все время был прикован к Блосс. Она была такой прекрасной и радостной, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не броситься к ней. Наша режиссер написала свою собственную адаптацию классического романа «Гордость и предубеждения», и я сомневался, что она одобрит мою, где в конце Элизабет оказывается вместе с Бингли, а не с этим угрюмым мистером Дарси. Взгляд Блосс встречался с моим, и, несмотря на то, что я должен был ухаживать за сестрой ее героини, мой персонаж был последним, о ком я думал. Мы двигались в танце, где постоянно передвигались и вращались. Каждый раз, когда мы с Блосс проходили мимо друг друга, наши глаза встречались, руки соприкасались, и я проклинал директора по кастингу, который не сделал меня Дарси. Я же мог быть угрюмым.

Как только занавес упал, я тут же нашел Блосс за кулисами и заключил в объятия.

— Гаррик, — выдохнула она, обнимая меня. От ее слов воздух завибрировал на уровне моей груди, и я сжал ее еще сильнее.

Я прошептал ей на ухо:

— Ты должна позволить мне сказать, как пылко я тобою восхищаюсь и люблю.

Она засмеялась.

— Ты говоришь это каждый вечер после спектакля.

Я отклонился назад, и моя щека скользнула по ее. Кудри вокруг ее лица защекотали мне лоб.

— Ну что я могу сказать? Я настойчивый.

Она промычала, крепко сжав губы.

— Настойчивый? Я бы сказала, лишенный воображения. Ты бы мог, по крайней мере, придумать что-то свое.

Я провел пальцами по ее спине. Я почувствовал косточки ее корсета. Боже, как бы я хотел увидеть ее в нем. Только в нем.

— Хочешь что-нибудь оригинальное, милая?

— Хочу. Завтра я жду от вас самую лучшую реплику, на которую вы только способны, мистер Тейлор. А сейчас мне нужно идти переодеваться.

Она отступила от меня и направилась в женскую раздевалку. Она взглянула на меня через плечо, и я ощутил, как этот взгляд пронзил меня насквозь. У меня в голове пронеслись несколько оригинальных фраз, но ни одну из них я не мог произнести вслух. Ее улыбка ясно дала понять, что ей совершенно точно было известно, о чем я думал.

— Поторопись, — произнес я.

— Терпение есть добродетель, мистер Тейлор.

Она знала, что это имя сводило меня с ума. Я снова чувствовал себя ее учителем, и это приводило в ярость, и в то же время было чертовски сексуально. Именно это я и хотел сказать, но она уже нырнула в раздевалку.

Какое-то время я переводил дыхание и освобождал голову от разных мыслей.

Мой план начинался сегодня вечером. Если бы не он, то все закончилось бы тем, что я просто выболтал все без каких-либо предупреждений. А с особенностью Блосс начинать паниковать это, определенно, был не выход.

Я переделал свой костюм и так быстро, как только мог, повесил его для бригады

техобслуживания. Завтра у нас выходной, а значит, день стирки.

Тоже хорошо, потому что мой костюм до этого, определенно, пах лучше. Несколько коллег по сцене пригласили нас что-нибудь выпить, но я отказался. Надеюсь, что Блосс — тоже. Мне хотелось, чтобы сегодня вечером она целиком принадлежала мне.

Я за рекордно короткое время переоделся и стал ждать Блосс. Когда вышла первая девушка, то она засмеялась и покачала головой. Она заглянула внутрь раздевалки и сказала:

— Блосс, твой парень здесь буквально пускает слюни.

Парень. Я до сих пор еще не привык к этому. Даже после того, как Блосс закончила колледж, ощущалась некая неловкость, когда люди видели нас вместе. Здорово, что у нас появилось что-то новое в Филадельфии. Нам не приходилось прятаться.

Каждая девушка, что выходила, понимающе мне улыбалась, но Блосс не торопилась, даже дольше обычного.

— Блосс! — позвал я сквозь закрытую дверь. — Ты пытаешься меня мучить?

Дверь снова открылась, появилась еще одна ухмыляющаяся актриса, но не Блосс. Я вздохнул. Девушка сказала:

— Уверена, что да.

Я простонал и прижался лицом к стене. Дверь отворилась, но я даже не посмотрел в ту сторону.

— Заходи, герой-любовник. Я последняя осталась.

Я обернулся и увидел Элис, пожилую женщину, играющую миссис Беннет. Я улыбнулся и потянулся к двери. Элис рассмеялась.

— Удачи!

Я даже не задумался над ее ответом, пока не зашел в раздевалку.

Черт возьми!

Блосс все еще в корсете сидела на стуле, глядя на меня в зеркало. Ее грудь была поднята вверх и выступала наружу, а глаза оставались темными, когда она смотрела на меня. Она подняла руку и начала вытаскивать заколки из волос. Они рассыпались по ее плечам, и у меня пересохло во рту.

Она была потрясающей.

— Я думала, что попросила тебя быть терпеливым.

Я с трудом двинулся вперед и подошел к ней сзади. Я протянул руку и помог ей вытащить заколки. Боже, как же я люблю ее волосы. Я намотал на палец один локон и произнес:

— У меня хорошо получается быть терпеливым. Но не очень хорошо, чтобы держаться подальше от тебя. Наверняка, ты теперь уже знаешь об этом.

Она улыбнулась и откинула голову назад в мои руки.

— Думаю, это было очевидно с самого начала.

Я опустил руки с ее волос на шею, прижав к коже большие пальцы и нежно массируя. Ее веки затрепетали, а губы приоткрылись. Она понятия не имела, насколько была сексуальной. В этом корсете она выглядела как красотка 1950-х годов.

Я нагнулся и прижался губами к изгибу ее плеча. Несмотря на пребывание в течение нескольких часов на сцене под жаром софитов, она все равно пахла божественно. Я провел губами вверх по шее к тому месту за ухом, которое сводило ее с ума.

Она выдохнула, будто мой поцелуй забрал весь воздух из ее легких. Ее рука обвилась вокруг моего затылка, притягивая меня ближе. Я улыбнулся, прижимаясь губами к ее коже.

Она произнесла:

— Ты околдовал меня.

Я усмехнулся и провел пальцем по ее тонким ключицам. Я мог днями исследовать

строение ее тела, и мне это не надоест.

— Тело и душу? — спросил я, цитируя пьесу.

Я раскрыл губы и попробовал на вкус ее кожу. Она была такой же восхитительной, как и стон, следовавший за этим.

— Определенно, — сказала она.

— И кто теперь из нас двоих не оригинален?

Внезапный стук в дверь разрушил наши чары. В комнату просунулась голова Бенджи, помощника режиссера. Я повернулся так, чтобы закрыть собою Блисс и этот развратный корсет.

— Ребята, вы уже готовы? А то я собираюсь закрывать.

— Извини, Бен. Мы выходим буквально через секунду. — Выражение лица Бенджи оставалось скептическим. — Обещаю. Две минуты.

Как только Бенджи закрыл дверь, Блисс встала. Мне пришлось закрыть глаза, чтобы не дотронуться до нее. Этот корсет... Боже мой. Я держал глаза закрытыми, потому что только так мы выйдем отсюда через две минуты. Но даже звук того, как она переодевается, был для меня пыткой. Каждый шорох ткани и звук застегиваемой молнии вызывал яркие картинки у меня в голове. Несмотря на то, что я не мог ее видеть, я ощущал ее присутствие, особенно, когда она встала передо мной.

Ее рука обвилась вокруг моей шеи, наклоняя мою голову вперед. Я продолжал держать глаза закрытыми, но мое лицо ласкал жар ее дыхания.

— Пойдемте домой, мистер Тейлор.

Опять это имя. Я открыл глаза, и она ухмылялась. Ну что ж, мы могли бы сыграть в эту игру.

— О, мисс Эдвардс, думаю, вы заслужили остаться после уроков. — У нее сузились глаза. — Или, может, небольшого наказания.

Мне доставляло такое удовольствие видеть румянец на ее щеках.

— Ты же этого не сделаешь.

Вместо того чтобы ответить, я нагнулся и закинул ее себе на плечо. Она взвизгнула и постучала меня по спине.

— Гаррик!

— Тише, мисс Эдвардс. Я несу вас домой.

У двери за кулисами их нетерпеливо ждал Бенджи. Его хмурый взгляд усилился, когда он увидел нас.

— Во-первых, прошло три минуты. Я считал. А во-вторых, вы оба отвратительны. Такое ощущение, будто я смотрю какой-то фильм на «Лайфтайм», ¹⁹¹ — сказал он.

Я лишь рассмеялся и пожелал ему спокойной ночи. Блисс же сначала только дулась, но когда я продолжал держать ее на плече, выйдя из здания, она начала сопротивляться.

— Ну ладно, Гаррик, ты уже все доказал.

— Не знаю, о чем ты говоришь. Я ничего не доказывал. Мне просто нравится носить тебя.

— Ну ладно, тогда ты уже получил свою порцию веселья. Опустите меня.

На мгновение я остановился, делая вид, что думаю. Я воспользовался возможностью, чтобы провести рукой по задней части ее бедра.

— Я, например, считаю, что веселее его получать, — ответил я.

Я снова пошел, и то ли Блисс была парализована, то ли она действительно заинтересовалась тем, куда в следующий раз двинется моя рука, но она даже не шелохнулась.

Это продолжалось до тех пор, пока я не стал спускаться к метро, а потом она начала брыкаться ногами и быстро и предупреждающе ударила меня по спине.

— Гаррик, я не позволю тебе тащить меня еще и в метро. Опустите сейчас же.

Я мог представить ее лицо, красное от злости, и мне внезапно захотелось увидеть это. Раскрасневшиеся щеки. Прищуренные глаза. Поджатые губы. Спустившись вниз, я нагнулся, позволив ее телу соскользнуть с плеча. Я держал руки на ее талии, чтобы замедлить скольжение. Движение ее тела по моему было божественным. Она задержала дыхание, а когда наши лица оказались на одном уровне, ее глаза не были прищурены, они были закрыты. Губы не сжаты, но она закусила нижнюю губу, отчего у меня пересохло в горле. Ее щеки все еще горели, но полагаю, больше не от злости.

— Ты сделал это специально, — сказала она.

Я рассмеялся, и смех получился скрипучим. Не только ее так взволновала наша близость.

— Я точно сделал это специально. Думаю, нам действительно следует сделать это своего рода ритуалом после спектакля.

Она покачала головой и улыбнулась, но не сказала «нет». Даже в тусклом освещении станции метро она сияла. Я до сих пор не мог поверить, что могу дотрагиваться до нее. Никто не мог нас разлучить.

У нас не будет никаких неприятностей. У меня появился соблазн объявить о своей любви при всех остальных пассажирах, но мне не хотелось разрушать это мгновение. Мне нравилось, как тихо она смотрела на меня, ее глаза были полны больше, чем просто желанием. Она сделала меня счастливым, и я надеялся, что прямо сейчас вижу в ней, то же самое. Внезапно я почувствовал волнение от того, что собирался дома привести свой план в действие.

Я зарылся пальцами в ее волосы и притянул к себе для поцелуя. Ее руки сжали мои плечи, ногти вжались в кожу. И пока мы ждали поезд, я не торопился, наслаждаясь вкусом ее губ и растворяясь в ней.

Как только мы приехали домой, я сказал Блисс, что собираюсь принять душ. По воскресеньям у нас проходило по два спектакля, поэтому он, конечно же, был мне нужен. Но ее я пропустил первой почистить зубы, дождался, когда включится вода и начал действовать. Я нашел игрушку с перьями Гамлет (единственная причина, по которой она была готова добровольно приблизиться к Блисс) и закинул ее под кровать. Потом подошел к шкафу и отыскал карман пиджака, где спрятал кольцо. Открыв крышку коробочки, я еще раз посмотрел на него.

В нем не было ничего особенного. В конце концов, я всего лишь актер. Да и Блисс обычно не носит много украшений. Оно было простым и сверкающим, и я надеялся, что она полюбит его так же, как я любил ее. У меня внутри будто что-то лопнуло, как тот дурацкий сахар-кандис [10], который так любит Блисс.

Что, если я слишком на нее давлю?

Нет. Нет, я все продумал. Это самый лучший способ. Я открыл верхний ящик тумбочки и сунул коробочку к задней стенке. В ванной прекратила шуметь вода, и я ринулся к шкафу, скидывая рубашку. Я сунул ее в корзину для белья в тот момент, когда Блисс вошла в комнату.

Она подошла ко мне сзади и положила ладонь на мою обнаженную спину. Легонько поцеловав меня в плечо, она спросила:

— Достанешь мне Гамлета перед тем, как пойдешь в душ?

Я улыбнулся и кивнул.

Блисс решила приручить Гамлета, поэтому каждый вечер перед сном играла с кошкой, по меньшей мере, полчаса. Гамлет крутилась рядом до тех пор, пока в воздухе болталась ее игрушка с перьями, но когда Блисс пыталась дотронуться до кошки, та убегала.

Я нашел Гамлета на кухне, она пряталась под столом. Я протянул к ней руку, и она, замурлыкав, ткнулась мордой в мои пальцы. В тот момент, когда я поднял ее, Блосс спросила:

— Малыш, ты не видел кошачью игрушку?

Я прошел в комнату и опустил Гамлета на кровать. Она села на задние лапы и с недоверием посмотрела на Блосс.

— А где ты ее видела в последний раз? — спросил я ее.

— Я думала, что оставила ее на комод, но не могу там найти.

Я разок погладил Гамлета, чтобы успокоить ее, а потом быстро чмокнул Блосс в щеку.

— Не знаю, дорогая. А ты не думаешь, что могла оставить ее где-нибудь еще?

Она вздохнула и стала искать в других местах комнаты. Я отвернулся, спрятав улыбку, и вышел. Я кинулся в ванную комнату и включил душ. Подождал несколько секунд, а потом вернулся в коридор.

— Блосс? — позвал я.

— Да?

— Посмотри в ящиках тумбочки! Я вспомнил, что она среди ночи играла с ней, и я, похоже, забрал у нее игрушку и сунул куда-то туда.

— Хорошо!

Сквозь открытую дверь я наблюдал за тем, как она обошла кровать. Потом я на несколько секунд вернулся на свое место, протопав немного громче, чем требовалось, открыл и закрыл дверь, будто вошел в ванную. А после спрятался между дверью в спальню и стеной, откуда мог сквозь петли видеть все происходящее. Она выдвинула ящик, и мое сердце забилося как большой барабан. Не знаю, когда оно начало колотиться так сильно, но сейчас я слышал лишь этот стук.

Таким образом, я не просил ее выйти за меня замуж прямо сейчас. Я просто знал Блосс, знал, что она склонна к панике. Я давал ей очень большой, явный намек, чтобы у нее было время свыкнуться с мыслью прежде, чем я по-настоящему попрошу ее руки. А потом через несколько месяцев, когда она, по моему мнению, уже все обдумает, я снова сделаю ей предложение. Таков был мой план. Предполагалось, что это просто, но, на самом деле, довольно... сложно. Внезапно я подумал о тысячах возможностях, когда все могло пойти не так. Что, если она разволнуется? Что, если она сбежит как в нашу первую ночь вместе? А если убежит, то вернется в Техас? Или отправится к Кейду, который жил в Северной Филадельфии? Он позволит ей остаться до тех пор, пока она во всем не разберется, и что, если потом между ними что-нибудь произойдет?

Что, если она просто открыто скажет мне «нет»? До этого момента все было хорошо. Даже идеально. Что, если этой выходкой я все только разрушу?

Я настолько погрузился в свои предсказания конца света, что даже не видел того момента, когда она нашла коробочку. Однако слышал, как она ее открыла, выдохнула и произнесла:

— Боже мой.

Если до этого у меня пересохло во рту, то теперь я даже не мог слотнуть. У меня тряслись руки. А она просто стояла спиной ко мне, и я не мог видеть ее лица. Я лишь видел ее напряжение, прямой позвоночник. Она слегка качнулась.

Что, если она упадет в обморок? Что, если я настолько напугал ее, что она действительно потеряет сознание? Я стал придумывать различные оправдания. Друг попросил меня подержать кольцо у себя?

Это реквизит для спектакля?

Это... это... черт, я не знал.

Я мог только извиниться. Сказать ей, что знал, что это слишком быстро.

Я ждал, пока она что-нибудь сделает: закричит, убежит, заплачет, упадет в обморок. Все,

что угодно, будет лучше, чем ее неподвижность. Я просто должен быть с ней честен. У меня не очень хорошо получались подобные вещи. Я говорил то, что думал, без всяких планов и манипуляций.

В конце концов, когда я уже подумал, что мое тело вот-вот рассыплется от одного напряжения, она повернулась. Она смотрела на кровать, мне был виден лишь ее профиль, но она закусила губу. Что это значило? Она просто думала? Думала о том, как отказать мне?

А потом медленно, как солнце всходило на горизонте, она улыбнулась.

Она захлопнула коробочку.

Она не закричала. Не убежала. Не потеряла сознание.

Возможно, она немного всплакнула.

Но самое главное... она танцевала.

Она раскачивалась, подпрыгивала и улыбалась так же, как когда объявили актерский состав для "Федры". Она забылась так же, как после премьеры, прямо перед тем, как мы впервые занялись любовью.

Может, мне все-таки не придется ждать несколько месяцев.

Она сказала, что завтра после спектакля хочет услышать от меня самую лучшую реплику, и теперь я знал, что скажу ей.

Блисс (с англ. bliss) — блаженство, счастье.

Иногда У. Шекспира называют Бардом

«Черный ящик» — театральное пространство, как правило, в виде большой квадратной комнаты с черными стенами и плоским полом.

«Шипули» — название песни из мюзикла «Продавец музыки» (1957).

Делать зверя с двумя спинами — эфемизм для секса из произведения У. Шекспира «Отелло».

Эдвил — товарный знак болеутоляющего и жаропонижающего средства — ибупрофена.

Томс — марка обуви.

Салатная приправа «ранчо»— популярная острая салатная приправа. Выпускается многими фирмами, в том числе «Крафт фудс».

«Лайфтайм» — американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины.

Сахар-кандис — получается как из тростникового, так и из свекловичного сахара. Сироп уваривают до легкой пробы на волос и в горячем виде оставляют кристаллизаться на натянутых в сосудах нитях. Через 8-10 дней на нитях получают как бы нанизанными крупные кристаллы сахара-кандис. Сироп сливают, кристаллы обмывают известковой водой и обсушивают.